Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Проф. Э. Д. Гриммъ.

Революція 1848 года во Франціи.

Часть I.

Подготовка революціи 1848 г. во Франціи.

Цѣна 1 руб.

8G.254
Г84
ч-1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.
1908.

Издательство БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ. СПБ., Прачешный, 6.

ИСТОРІЯ ЕВРОПЫ

въ СРЕДНІЕ ВѢКА по ЭПОХАМЪ и СТРАНАМЪ и НОВОЕ ВРЕМЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

профессора **К. И. Карѣева** и профессора **И. В. Лучицкаго.**

Настоящее изданіе представляетъ собою **КОЛЛЕКЦІЮ**

небольшихъ (отъ 10 до 12 листовъ) историческихъ книжекъ.

Все изданіе дѣлится на ДВѢ СЕРІИ—эпохъ и странъ.

Наша историческая литература особенно бѣдна **общими пособіями по исторіи** для цѣлей самообразованія, и ощущается потребность въ небольшихъ по объему, доступныхъ по изложенію, вполнѣ научныхъ сочиненіяхъ по исторіи отдѣльныхъ народовъ, эпохъ или сторонъ жизни (культурной, политической, экономической и пр.).

Предпринятое изданіе имѣетъ цѣлью дать читателю **ДЕШЕВУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ БИБЛІОТЕКУ**, состоящую изъ небольшихъ книжекъ. Составленіе книжекъ принято на себя спеціалистами, причемъ имѣется въ виду поставить на первый планъ внутреннюю, т.-е. культурную и соціально-политическую исторію и устранить все, имѣющее интересъ лишь для спеціалистовъ.

Участвуютъ въ составленіи книжекъ:

П. Н. Ардашевъ, А. Е. Афанасьевъ, Н. П. Борецкій-Берѳельдъ, И. Н. Бороздинъ, В. Е. Бузескулъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, Э. Д. Гриммъ, А. К. Дживелеговъ, А. Н. Дубровскій, Д. Н. Егоровъ, А. Я. Ефименко, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, К. Н. Любовичъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, П. П. Митрофановъ, В. А. Мякотинъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, А. Н. Савинъ, Е. В. Тарле, Ѳ. И. Успенскій, С. Ѳ. Фортунатовъ и др.

Вышли изъ печати слѣдующія сочиненія:

1. Исторія крестовыхъ походовъ, Ѳ. И. Успенскаго, ц. 75 к.
2. Паденіе античнаго міросозерцанія (культурный кризисъ въ Римской Имперіи), М. С. Корелина, ц. 75 к.
3. Исторія Италіи въ средніе вѣка, Е. В. Тарле, ц. 1 руб.
4. Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣковаго папства (борьба съ Имперіей, паденіе), М. С. Корелина, ц. 75 к.
5. Исторія Италіи въ новое время, Е. В. Тарле, ц. 1 р.
6. Политическая исторія Франціи въ XIX вѣкѣ, Н. И. Карѣева, ц. 1 р.
7. Абсолютная монархія на Западѣ, П. Н. Ардашева, ц. 1 р.
8. Средневѣковые города въ Западн. Европѣ, А. К. Дживелегова, ц. 1 р.
9. Исторія Испаніи и Португаліи, В. К. Пискорскаго, ц. 1 р.
10. Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи, П. Г. Мижуева, ц. 1 р.
11. Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка, Д. Петрушевскаго, ц. 1 р.
12. Торговля на западѣ въ средніе вѣка, А. К. Дживелегова, ц. 1 р.
13. Исторія великой американской демократіи, П. Г. Мижуева, ц. 1 р.
14. Исторія Украинскаго народа, А. Я. Ефименко. Вып. I-ый, 9 рис. въ текстѣ и 12 на отд. табл., ц. 1 р. 50 к.
15. Тоже. Вып. II-ой, 7 рис. въ текстѣ и 12 на отдѣл. таблицахъ, ц. 1 р. 50 к.
16. Исторія Ирландіи, Г. Аѳанасьева, ц. 1 р. 25 к.
17. Паденіе стараго режима, Эмэ Шерэ. Выпускъ I-ый, ц. 1 р. 25 к.
18. Тоже, вып. II-ой, ц. 1 р. 25 к.
19. Феодализмъ въ древней Руси. Н. П. Сильванскаго, ц. 1 р.
20. Паденіе стараго режима, Эмэ Шерэ, вып. III-ій, ц. 1 р.
21. Тоже, вып. IV, ц. 1 р.
22. Исторія Венгріи въ Средніе Вѣка и Новое Время, Н. Борецкаго-Бергфельда, ц. 1 р. 50 к.
23. Исторія современной Германіи, А. К. Дживелегова. Часть I (1750—1862), ц. 1 р. 50 к.
24. Революція 1848 года во Франціи. Часть I. Подготовка революціи, проф. Э. Д. Гримма. Ц. 1 р.

Разсрочка: задатокъ при подпискѣ 3 р. и ежемѣсячно по 2 руб. Пересылка по дѣйствительной стоимости на счетъ подписчика.

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.
Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

Проф. Э. Д. Гриммъ.

Революція 1848 года во Франціи.

Часть I.

Подготовка революціи 1848 г. во Франціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ“.
1908.

Пров 38

8 G.254
Г8 4

951

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, С.-Петербургъ, Прачешный пер., д. № 6.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Февральская революція представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ этаповъ и одинъ изъ самыхъ поучительныхъ эпизодовъ политической исторіи Европы въ XIX вѣкѣ. Своимъ происхожденіемъ и характеромъ она связана тѣснѣйшимъ образомъ со всѣмъ ходомъ европейской умственной жизни первой половины вѣка; ея основныя особенности и ея исходъ оказали огромное, во многихъ отношеніяхъ рѣшающее, вліяніе на ходъ европейской жизни второй половины вѣка.

Настоящіе очерки содержатъ изложеніе наиболѣе характернаго и важнаго періода этого революціоннаго движенія, а именно времени отъ февральскихъ дней до іюньскаго возстанія, и распадаются на двѣ тѣсно связанныя другъ съ другомъ части.

Первая часть посвящена разсмотрѣнію условій французской жизни, приведшихъ къ революціи, и выясненію тѣхъ теченій умственной жизни, которыя опредѣлили характеръ іюльской монархіи, а также взгляды и образъ дѣйствій враждебныхъ ей общественныхъ элементовъ. Задача автора заключалась въ томъ, чтобы дать возможно болѣе отчетливое и полное представленіе о состояніи французской общественной жизни наканунѣ революціи. Именно въ виду этой цѣли авторъ разсматриваетъ разныя теченія французской жизни въ порядкѣ ихъ возникновенія. Этотъ способъ изложенія позволялъ разсматривать каждое изъ нихъ среди той исторической и психологической обстановки, среди которой оно возникло, и выдвинуть именно такимъ путемъ ихъ наиболѣе характерныя особенности. При установленіи степени подробности разсмотрѣнія разныхъ направленій авторъ руководился бо́льшимъ или ме́ньшимъ

знакомствомъ русскаго читателя съ ними: вотъ почему, напр., изложеніе либеральныхъ ученій заняло нѣсколько больше мѣста, чѣмъ изложеніе республиканскихъ или соціалистическихъ ученій.

Вторая часть посвящена самому ходу революціи, начиная съ такъ наз. банкетнаго движенія. Стремясь выяснить причины жалкой неудачи революціи, авторъ не касался всѣхъ тѣхъ явленій, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ означенному вопросу, какъ, напр., международныя сношенія второй республики и т. п. Съ другой стороны, онъ былъ вынужденъ излагать отдѣльные моменты революціи съ значительною подробностью, такъ какъ только при такихъ условіяхъ возможно дать болѣе или менѣе ясное представленіе о стихійныхъ народныхъ движеніяхъ. Этимъ, а также и тѣмъ, что авторъ старался приводить возможно чаще разсказы или отзывы нѣкоторыхъ современниковъ революціи, объясняется, почему вторая часть, охватывающая періодъ всего въ нѣсколько мѣсяцевъ, оказалась болѣе объемистой, чѣмъ авторъ ожидалъ.

11 мая 1908 г.

Э. Гриммъ.

ГЛАВА I.

Введеніе.—Значеніе революціи 1848 года.

Девятнадцатый вѣкъ является эпохой величайшаго кризиса, пережитаго до сихъ поръ современной европейской цивилизаціей. Всѣ условія европейской жизни измѣняются за это короткое время съ такой неслыханной быстротой, что намъ, выросшимъ въ эпоху пара и электричества, въ эпоху гигантскаго переворота въ естественно-научномъ и историческомъ мышленіи, въ эпоху борьбы капитала со старыми экономическими отношеніями и съ пролетаріатомъ, въ эпоху невѣроятнаго роста народонаселенія вообще и крупныхъ городовъ въ частности, трудно представить себѣ, какъ жили и мыслили наши ближайшіе предки за два-три поколѣнія до насъ.

Охватившій всѣ жизненныя отношенія и измѣнившій всѣ прежнія формы быта переворотъ не могъ не отразиться и на политическихъ судьбахъ Европы. Основной смыслъ существованія государства и государственной власти заключается въ возможно болѣе сознательномъ служеніи этой власти вѣчно измѣняющимся потребностямъ той суммы живыхъ людей, молчаливое согласіе которыхъ создаетъ государство и служитъ опорой государственной власти. Чѣмъ быстрѣе мѣняются потребности и настроенія этой массы, тѣмъ труднѣе государственной власти, сложившейся при иныхъ и болѣе простыхъ отношеніяхъ, приспособиться къ этимъ потребностямъ и настроеніямъ, т.-е. понять ихъ и найти удовлетворяющій ихъ выходъ изъ измѣнившагося положенія вещей, тѣмъ легче возникаетъ треніе между властью и народомъ, тѣмъ неизбѣжнѣе становятся конфликты между старой властью и преобразившимся болѣе или менѣе незамѣтно обществомъ. Общественныя группы, руководящее положеніе или господство которыхъ соотвѣтствовало прежнимъ условіямъ жизни, не могутъ легко помириться съ необходимостью провѣрить радикальнымъ образомъ свои старые взгляды и подчинить ихъ интересамъ новыхъ вліятельныхъ группъ населенія. Въ результатѣ каждое крупное измѣненіе въ экономическихъ и соціальныхъ формахъ жизни и въ духовномъ обликѣ общества приводитъ къ борьбѣ разныхъ слоевъ общества за государственную власть, т.-е. за возможность приспособить дѣятельность государства къ охранѣ или осуществленію тѣхъ или иныхъ, сталкивающихся, въ жизни общества интересовъ и міросозерцаній. Смотря по характеру той государственной организаціи, въ рамкахъ которой эта борьба совершается, эта борьба можетъ принять болѣе или менѣе мирныя или, наоборотъ, насильственныя формы, но существо дѣла отъ этого не мѣняется. Разъ новыя потребности и идеи дѣйствительно глубоки, онѣ неизбѣжно должны пріобрѣсть руководящее вліяніе на дѣятельность государственной

власти, и весь вопросъ заключается только въ томъ, насколько бурный характеръ приметъ это неизбѣжное развитіе.

Типичнымъ примѣромъ мирнаго приспособленія организаціи и дѣятельности государственной власти къ новымъ потребностямъ народной жизни въ XIX вѣкѣ является Англія. Правда, она уже пережила къ этому времени свой періодъ острой борьбы и насильственнаго переустройства государственной жизни въ видѣ двухъ революцій XVII вѣка, такъ наз. «великаго мятежа» 1640 и слѣдующихъ годовъ и «великой революціи» 1688 г. Правда, именно достигнутые во время этой эпохи результаты только и сдѣлали возможнымъ дальнѣйшее мирное развитіе англійской жизни. Но каковы бы ни были причины этого явленія—о нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ еще придется говорить,—тотъ фактъ, что Англія въ теченіе XIX вѣка перешла совершенно спокойно отъ господства поземельной олигархіи, властвовавшей надъ нею до 1832 г., сначала къ господству среднихъ буржуазныхъ слоевъ населенія, а затѣмъ съ 1867 г. къ демократической организаціи государственной власти,—этотъ фактъ остается безспорнымъ и въ высокой степени поучительнымъ.

Во всѣхъ остальныхъ европейскихъ странахъ процессъ приспособленія организаціи и дѣятельности государственной власти къ новымъ потребностямъ народной жизни совершается, наоборотъ, не иначе, какъ со страшнымъ напряженіемъ народной воли, вынужденной прибѣгнуть къ революціонному воздѣйствію на власть.

Количество относящихся сюда революціонныхъ движеній отъ великой французской революціи и до нашего революціоннаго движенія весьма велико. Но до сихъ поръ наибольшее значеніе изъ нихъ имѣли великая французская революція 1789 г., съ одной стороны, и такъ наз. революція 48 года—съ другой.

Первенствующее значеніе этихъ двухъ революціонныхъ движеній, передъ которыми блѣднѣютъ итальянскія и испанскія движенія 20-хъ годовъ, іюльская, бельгійская, польская революція и т. д., заключается, съ одной стороны, въ ихъ крупныхъ результатахъ, съ другой—въ остротѣ возбужденныхъ ими надеждъ и въ глубинѣ послѣдовавшаго за каждымъ изъ нихъ и охватившаго очень широкіе слои общества разочарованія. Изъ всѣхъ остальныхъ народныхъ движеній этого типа революціи 1789 и 1848 гг. выдѣляются своимъ безспорнымъ общеевропейскимъ значеніемъ. Это не значитъ, конечно, что итальянскія революціи 1820-хъ годовъ или іюльская революція вовсе не обратили на себя вниманія европейскаго общества. При той тѣсной связи, которая съ теченіемъ вѣковъ постепенно создалась между культурными народами Европы, каждое крупное событіе, совершающееся въ жизни одного изъ нихъ, неизбѣжно оказываетъ свое воздѣйствіе на жизнь или настроеніе другихъ: такъ, іюльская революція несомнѣнно послужила толчкомъ не только для бельгійской и польской революціи, но и для усиленія чрезвычайно важнаго англійскаго движенія въ пользу избирательной реформы. И, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ Европа только дважды переживала такое состояніе массоваго энтузіазма, только дважды и народнымъ массамъ и передовымъ мыслителямъ полная и окончательная побѣда новой Европы надъ старой представлялась такой близкой и несомнѣнной, и только дважды постигшая ее неудача повергла ее въ такое долгое и мучительное разочарованіе.

Революція 48 года въ двухъ отношеніяхъ является прямымъ продолженіемъ начатаго Франціей въ 1789 г. дѣла. Съ одной стороны, она представляетъ попытку

перенести принципы 1789 г. почти на всю Западную Европу и, въ частности, сломить гнетъ сословно-абсолютистическаго строя въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ остался въ силѣ, несмотря на французскую революцію. Съ другой стороны, она представляетъ попытку расширить и углубить самые принципы 1789 г.,—попытку избѣжать тѣхъ ошибокъ, которыя повлекли за собою неудачу великой французской революціи, провозгласившей свободу, равенство и братство, но не сумѣвшей ихъ осуществить.

Каждая изъ этихъ двухъ сторонъ революціи 48 года заслуживаетъ и требуетъ особаго изученія. Идея національнаго единства и конституціонной организаціи Германіи и Италіи породила не менѣе важныя историческія явленія и идейныя теченія, чѣмъ идея соціальной реорганизаціи европейскаго общества, проявившаяся съ особенной силой во Франціи, исторія которой уже разрѣшила вопросы, волновавшіе нѣмецкое и итальянское общества, общество которой особенно ярко почувствовало плоды ошибокъ великой революціи и особенно энергично выдвинуло вопросъ о расширеніи ея принциповъ.

Задача настоящихъ очерковъ заключается въ изученіи именно этого второго процесса—не потому, что онъ привелъ къ болѣе серьезнымъ конкретнымъ результатамъ, чѣмъ, напр., нѣмецкое движеніе этихъ лѣтъ, а потому, что значеніе его для дальнѣйшаго развитія Европы, несмотря на чрезвычайную скромность его непосредственныхъ результатовъ, значительно превосходитъ по своему идейному содержанію простое стремленіе къ національному объединенію и конституціонному строю, примѣры которому (и примѣры гораздо болѣе яркіе) имѣются и въ англійской и во французской исторіи.

Нѣмецкая и итальянская революціи 48 года работаютъ со старыми идеями 1789 года; французская революція этого года выдвигаетъ новые лозунги, тѣсно связанные съ идеями 89 года, но болѣе широкіе, чѣмъ эти послѣднія. Изъ области политической реорганизаціи Европы февральская революція переноситъ вопросъ въ область ея соціальной реорганизаціи и дѣлаетъ первую серьезную попытку къ фактическому осуществленію выросшихъ въ первую половину XIX вѣка соціалистическихъ теорій.

О значеніи такого рода попытокъ нечего распространяться. Вся умственная жизнь нашего времени пропитана идеями соціализма. Вопросъ о томъ, осуществимы ли эти идеи и если да, то въ какой формѣ и какимъ путемъ, представляетъ центральный вопросъ современной европейской жизни. Отъ его правильнаго разрѣшенія по общему мнѣнію какъ враговъ, такъ и сторонниковъ соціализма зависитъ дальнѣйшее развитіе и даже просто существованіе европейской цивилизаціи. Понятно, какой интересъ и для тѣхъ и для другихъ неизбѣжно долженъ представлять вопросъ, что до сихъ поръ было сдѣлано для осуществленія соціалистической идеи, и почему все, что до сихъ поръ было сдѣлано, не привело къ осязательнымъ результатамъ?

Само собою разумѣется, что въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе этого вопроса во всемъ его объемѣ. Мы попытаемся только разсмотрѣть одинъ изъ этаповъ развитія соціалистической идеи, выяснить, почему февральская революція имѣла характеръ «соціальной», а не политической революціи, и по какимъ причинамъ она именно въ области своихъ соціальныхъ стремленій потерпѣла такое полное крушеніе?

ГЛАВА II.

Причины и характеръ европейской реакціи начала XIX вѣка.

Послѣ бурнаго натиска великой французской революціи на всѣ устои стараго порядка въ самомъ концѣ XVIII и въ первыя десятилѣтія XIX вѣка вся Европа испытываетъ тяжелую и длительную реакцію, достигающую своего апогея послѣ того, какъ великій сынъ и побѣдитель революціи, Наполеонъ I, пересталъ смущать покой коронованныхъ главъ европейскаго міра.

Несмотря на весь гнетъ, исходившій отъ европейскихъ правительствъ, эта реакція, типичнымъ представителемъ которой не безъ нѣкотораго основанія считается Меттернихъ, не была, однако, продуктомъ одной только правительственной политики. Сама правительственная реакція только потому и могла до такой степени окрѣпнуть и вліять на жизнь общества, что она опиралась на широко распространенное, шедшее ей навстрѣчу настроеніе самого общества. Общество было разочаровано и утомлено; оно не только не протестовало съ прежней горячностью противъ старыхъ порядковъ и не боролось съ ихъ поднявшими голову поборниками, масса общества утратила вѣру въ тѣ идеи и порядки, во имя которыхъ оно нѣкогда вступила въ бой со старымъ строемъ, была готова отказаться отъ нихъ и принять какъ-разъ тѣ взгляды, противъ которыхъ она до сихъ поръ возставала.

Причина такого поворота въ настроеніи европейскаго общества заключается не столько въ принципіальномъ содержаніи идей 1789 г., сохранившихъ свое значеніе и въ послѣдующее время, сколько въ не оправдавшейся увѣренности раздѣлявшаго ихъ общества въ возможности ихъ быстраго и легкаго осуществленія, иначе говоря, въ томъ, что дѣятели великой революціи не считались въ должной мѣрѣ съ реальными трудностями всякаго коренного переустройства общественной жизни или, что то же, не отдавали себѣ отчета въ дѣйствительныхъ факторахъ и условіяхъ народнаго развитія. Сами по себѣ идеи свободы, равенства и братства, къ которымъ сводится вся сущность революціонной идеологіи 1789 и сл. годовъ, настолько широки, что онѣ и въ настоящее время написаны на знамени всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ европейскаго общества, и стоитъ только раскрыть содержаніе каждой изъ нихъ, чтобы убѣдиться, что онѣ сохраняютъ свое значеніе и посейчасъ.

Въ идеѣ свободы содержится не только свобода политическая (обезпеченіе правъ человѣка и гражданина, рѣшающее участіе народа въ политической жизни, право каждой націи на самоопредѣленіе), но и свобода духовная, т.-е. свобода каждой личности отъ всякаго внѣшняго авторитета. Идея равенства содержитъ не только понятіе о формальномъ, юридическомъ, но и соціальномъ равенствѣ всѣхъ гражданъ. Наконецъ, идея братства исключаетъ (не соревнованіе, но) борьбу за существованіе какъ между членами одного и того же народа, такъ и между разными народами. Ясно, что эти идеи не устарѣли и въ наше время. Къ ихъ осуществленію стремятся всѣ новыя теченія европейской мысли.

Ошибка того поколѣнія, которому впервые довелось ихъ формулировать, заключается не столько въ самомъ содержаніи его идей, сколько въ его неправильныхъ представленіяхъ о психической природѣ человѣка вообще и французскаго народа въ

частности. Господствующей особенностью просвѣтительной литературы является, какъ извѣстно, не только непоколебимая вѣра во всемогущество человѣческаго разума, но и чисто-раціоналистическое толкованіе всѣхъ явленій человѣческой жизни. Человѣкъ представляется имъ существомъ, по преимуществу разсуждающимъ, существомъ, дѣйствія котораго опредѣляются всецѣло характеромъ его опыта и знаній и методами его мышленія. При своемъ рожденіи человѣкъ представляетъ tabula rasa, чистый листъ бумаги, который съ теченіемъ времени заполняется тѣми представленіями и понятіями, которыя даетъ окружающая его жизнь. Не признавая врожденныхъ идей, съ которыми оперировала старая психологія и метафизика, просвѣтительная литература XVIII вѣка не признаетъ и огромнаго значенія наслѣдственности, всей той суммы безсознательныхъ навыковъ въ области чувства, воли и разума, которые на самомъ дѣлѣ играютъ такую огромную роль въ жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго народа и разныхъ народныхъ группъ. Комбинація этого несомнѣнно ложнаго взгляда съ установившимся подъ вліяніемъ Руссо убѣжденіемъ въ природномъ нравственномъ совершенствѣ человѣка приводитъ далѣе къ совершенно неизбѣжному выводу, что только незнаніе (или невѣжество) и неправильныя внѣшнія условія могутъ служить объясненіемъ всѣхъ отрицательныхъ сторонъ фактически существующихъ человѣческихъ обществъ. «Какая порочная привычка можетъ быть названа,—спрашиваетъ Кондорсэ (Condorcet),—какой обычай, противный нравственному чувству, какое, наконецъ, преступленіе, происхожденіе и первоисточникъ коихъ не могли бы быть найдены въ законодательствѣ, въ учрежденіяхъ и предразсудкахъ той страны, въ коей встрѣчаются эти привычки, обычаи или преступленія»? Достаточно исправить законодательство, измѣнить учрежденія, устранить путемъ логическаго разсужденія предразсудки, и цѣль будетъ достигнута: всѣ порочныя наклонности человѣка исчезнутъ, и общество, состоящее изъ совершенныхъ людей, само достигнетъ совершенства.

Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ могло бы быть иначе? Вѣдь человѣкъ по природѣ нравственно совершененъ. «Первыя стремленія человѣка всегда хороши,—говоритъ Руссо...—Основной принципъ всякаго этическаго ученія, изъ котораго я исходилъ въ моихъ сочиненіяхъ, заключается въ томъ, что человѣкъ по природѣ хорошъ (bon) и по природѣ же любитъ справедливость и порядокъ... Эмиль въ частности представляетъ трактатъ о природной добротѣ человѣка; цѣль его заключается въ томъ, чтобы показать, какъ порокъ и ложь (l'erreur), чуждые его организаціи, проникаютъ въ человѣка извнѣ и незамѣтно извращаютъ его природу».

Но человѣкъ не только по природѣ нравственно совершененъ, онъ, кромѣ того, обладаетъ и свободной волей. «Совѣсть,—восклицаетъ Руссо въ другомъ мѣстѣ,—божественный инстинктъ, безсмертный и небесный голосъ, вѣрный вождь невѣжественнаго и ограниченнаго, но разумнаго и свободнаго существа, непогрѣшимый судья добра и зла, дѣлающій человѣка похожимъ на Бога, это ты обезпечиваешь совершенство его природы»!

При такихъ условіяхъ можно только удивляться, какъ такое «разумное и свободное», руководимое «божественнымъ истинктомъ» существо могло создать такія безобразныя по убѣжденію Руссо формы общественной жизни и запятнать себя такой массой порочныхъ наклонностей. По мнѣнію Руссо вопросъ рѣшается, однако, очень

просто. «Природа—говоритъ онъ—создала человѣка счастливымъ и добрымъ, общество развращаетъ его и дѣлаетъ его несчастнымъ». «Ваши правительства—обращается онъ въ другомъ мѣстѣ къ людямъ—сами создаютъ то зло, которое вы желаете устранить при ихъ помощи... Желѣзные скипетры! Безсмысленные законы! васъ мы упрекаемъ въ томъ, что мы не могли исполнить нашихъ обязанностей на землѣ».

Но разъ это такъ, то изъ этого слѣдуетъ не только, что съ устраненіемъ нецѣлесообразной, развращающей человѣка общественной организаціи счастье человѣка можетъ считаться обезпеченнымъ, но также и то, что всякій нормальный человѣкъ не можетъ не понять необходимости новыхъ формъ жизни и что, если онъ, тѣмъ не менѣе, сопротивляется имъ, то не по непониманію или какимъ-либо другимъ извинительнымъ причинамъ, а исключительно вслѣдствіе злостныхъ побужденій. Предположеніе, чтобы сторонникъ стараго или врагъ новаго порядка могъ добросовѣстно руководиться своими убѣжденіями, устраняется, ибо вся причина зла заключается въ томъ, что люди не понимали нежелательности даннаго порядка. Теперь нежелательность его доказана, и кто не сдается на логическіе доводы его враговъ, тотъ дѣйствуетъ недобросовѣстно и подлежитъ самому суровому наказанію. Въ этой сектантской нетерпимости кроется одинъ изъ немаловажныхъ источниковъ якобинскаго террора.

Но этого мало. Для пониманія французской жизни конца XVIII вѣка необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду, что господствующіе въ это время взгляды считаются исключительно съ человѣкомъ вообще и вовсе не признаютъ безспорнаго для насъ факта, что человѣкъ вообще не существуетъ вовсе, а существуютъ только французы, нѣмцы, англичане и т. д., только аристократы, ремесленники, рабочіе, буржуа, крестьяне и т. д., что у каждаго изъ реальныхъ людей есть свои наслѣдственныя особенности, что у каждаго народа и внутри каждаго народа у каждой его группы существуютъ хотя бы и ирраціональныя, исторически сложившіяся, но чрезвычайно прочныя традиціонныя ассоціаціи идей между собой, ассоціаціи идей съ чувствами, навыки, настолько сильные, что никакое теоретическое разсужденіе ихъ не въ состояніи быстро разложить. По злому, но чрезвычайно мѣткому замѣчанію самаго талантливаго критика этой эпохи, Тэна, тогда разсуждали такъ, точно всѣ люди имѣютъ при рожденіи 21 годъ, т.-е. обладаютъ полной умственной зрѣлостью и воспринимаютъ всякое впечатлѣніе вполнѣ сознательно. Но разъ это такъ, то не удивительно, что можно и даже слѣдуетъ разсчитывать всю дѣятельность государства на способность каждаго человѣка разобраться совершенно спокойно въ логическихъ основаніяхъ того или иного акта государственной власти. Очевидно, любящій по природѣ «справедливость и порядокъ» человѣкъ долженъ будетъ охотно признать всякое исходящее изъ идеи народнаго блага и логически правильно построенное рѣшеніе государства, хотя бы оно и нарушало его личные интересы или расходилось со всѣми его прежними представленіями и привычками. Очевидно, что при такихъ условіяхъ нечего считаться съ особенностями не только разныхъ народовъ, но и разныхъ общественныхъ группъ одного и того же народа. Разсказываютъ, что раньше, чѣмъ принять какую-нибудь важную мѣру, Наполеонъ I пытался отдать себѣ отчетъ въ томъ, какое впечатлѣніе она должна произвести на крестьянъ, какъ на самую

многочисленную часть населенія и главную опору его власти. Такая мысль не могла даже придти въ голову среднему представителю «философіи XVIII вѣка»—отсюда его полная неспособность понять хотя бы полную несостоятельность всей религіозной политики того времени.

Формальный взглядъ на причины общественнаго зла и неправильное представленіе о психическихъ свойствахъ человѣка не могли, разумѣется, не отразиться на образѣ дѣйствій исповѣдывавшаго ихъ поколѣнія и неизбѣжно должны были привести его къ горькимъ разочарованіямъ.

Разочарованія дѣйствительно не заставили себя ждать во всѣхъ областяхъ жизни, которыхъ такъ или иначе коснулась революція 1789 г.

Исходя изъ справедливаго убѣжденія о полной негодности всѣхъ сторонъ стараго порядка, уже Учредительное Собраніе приступило къ коренной ломкѣ прежняго строя и съ необычайной поспѣшностью двинуло это само по себѣ нужное и важное дѣло. Оно уничтожило абсолютную власть короля, произволъ его министровъ и интендантовъ и архаическія политическія претензіи парламентовъ; оно упразднило всѣ сословныя и религіозныя привилегіи и соотвѣтствовавшія этимъ привилегіямъ правоограниченія ротюріеровъ, протестантовъ и евреевъ; оно положило конецъ безобразной финансовой системѣ, построенной на эксплуатаціи неимущихъ; оно осудило на гибель все тяжелое наслѣдіе феодальной организаціи земледѣлія и цеховой организаціи промышленности; оно упразднило систему покупки судебныхъ и многихъ другихъ должностей; оно разрушило олигархическую организацію мѣстнаго управленія; однимъ словомъ оно съ необыкновенной энергіей разрушило всѣ особенности старой Франціи, и все или почти все, что оно сдѣлало въ этой области, сохранило свое значеніе вплоть до настоящаго времени.

Но одновременно съ разрушеніемъ стараго нужно было создать новое зданіе французской жизни, и въ этой области труды Учредительнаго Собранія оказались значительно менѣе разумными и цѣнными. Дѣло не въ томъ, что Учредительное Собраніе стремилось только къ разрушительной работѣ и, увлекаясь ею, забыло созидательную. Это обвиненіе нелѣпо уже потому, что всякій, кто критикуетъ и разрушаетъ данный порядокъ, критикуетъ и разрушаетъ его не иначе, какъ во имя того или иного идеала, по сравненію съ которымъ старый порядокъ и подлежитъ по его мнѣнію критикѣ или разрушенію. Идеалъ критикующаго и разрушающаго можетъ быть болѣе или менѣе подробно разработанъ, и въ зависимости отъ степени его разработки осуществленіе этого идеала вызоветъ болѣе или менѣе значительное треніе и потребуетъ болѣе или менѣе значительнаго количества времени. Но даже если этотъ идеалъ сводится только къ какому-нибудь абстрактному лозунгу въ родѣ свободы, или равенства, или братства, и то онъ немедленно просится къ осуществленію и ложится въ основу всей разрушительной и всей созидательной работы его сторонниковъ. Учредительное Собраніе въ частности не только разрушало, но и совершило поразительно сложную и крупную работу по созданію новыхъ условій жизни.

Бѣда заключалась не въ томъ, что Собраніе желало только разрушать, а въ томъ, что въ своей созидательной работѣ оно исходило изъ слишкомъ высокой оцѣнки умственнаго и нравственнаго склада человѣка вообще, французскаго народа того времени въ частности. Организація, которую оно пожелало дать Франціи, была раз-

считана на очень высокую степень гражданскаго развитія, на широкое распространеніе чувства гражданскаго долга и политической отвѣтственности, на способность и готовность гражданъ подчинить свои личные интересы народному благу, на ихъ самопожертвованіе и самоотреченіе. Ясно, что если трудно разсчитывать на всѣ эти условія въ мирное время, когда страсти не возбуждены, и политически зрѣлые элементы могутъ пріобрѣсть соотвѣтствующее не ихъ числу, но ихъ знаніямъ и опытности вліяніе, то въ революціонную эпоху необходима сугубая осторожность, необходимо отдавать себѣ отчетъ въ тѣхъ опасностяхъ, которыя содержитъ революціонное возбужденіе народной массы само по себѣ, и необходимо оградить государство и народъ отъ тѣхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти изъ факта насильственнаго ниспроверженія авторитета государственной власти. «Надо сказать и повторять безпрерывно,—говоритъ не безъ основанія Гизо, пережившій самъ двѣ революціи,—что всѣ революціи глубоко несовершенны и нечисты (impures), даже революціи наиболѣе спасительныя; ибо онѣ приводятъ въ движеніе всего человѣка и всѣхъ людей, изъ коихъ даже наилучшіе всегда несовершенны и нечисты (impurs)» [1]). Революціонное время прежде всего меньше, чѣмъ какое-либо иное, располагаетъ массу общества къ отреченію отъ своего «я» въ интересахъ общества, хотя съ внѣшней стороны сущность его и заключается въ идеѣ salus publica suprema lex, т.-е. въ идеѣ безусловнаго господства принципа общественнаго блага надъ всѣми иными религіозными, моральными, законодательными критеріями личной или коллективной дѣятельности. Установившимся формамъ государственной и общественной жизни противополагается именно эта идея общественнаго блага; во имя ея ведется борьба со старымъ строемъ. И въ этой борьбѣ могутъ быть проявляемы и проявляются истинно героическія черты какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлой толпы. Но, во-первыхъ, этотъ героизмъ проявляется, главнымъ образомъ, въ устраненіи препятствій, стоящихъ на пути къ достиженію общественнаго блага, напр., при взятіи Бастиліи, т.-е. въ дѣйствіяхъ отрицательнаго, а не положительнаго характера, и отнюдь не такъ легко распространяется на послѣднія, иначе говоря, имѣетъ преимущественно кратковременный и разрушающій, а не длительный и созидающій характеръ, вытекая скорѣе изъ чувства ненависти, чѣмъ изъ чувства солидарности. А, во-вторыхъ, и это самое главное, самая идея общественнаго блага вызываетъ отнюдь не только героическіе, но и самые элементарные, стихійные и матеріалистическіе инстинкты. Въ самомъ дѣлѣ, что такое общественное благо? Есть ли это такое простое и для всѣхъ равнозначащее понятіе, чтобы оно могло служить прочнымъ объединяющимъ всѣ группы общества лозунгомъ? Не есть ли это, наоборотъ, чрезвычайно сложное и неопредѣленное понятіе, въ которое каждый членъ общества и каждая однородная группа его членовъ не только могутъ, но неизбѣжно должны вводить свое содержаніе? И если послѣднее вѣрно, то не вытекаетъ ли изъ этого, что чѣмъ данное лицо или данная группа лицъ менѣе способны разобраться во всей сложности наличнаго положенія, тѣмъ одностороннѣе и энергичнѣе они будутъ защищать подъ знаменемъ общественнаго блага свое индивидуальное благо или то, что имъ будетъ казаться таковымъ? А если это такъ, то идея безусловнаго господства «обще-

[1]) Guizot, «Trois générations, 1789—1814—1848», p. 52 (Парижъ 1863).

ственнаго» блага должна неизбѣжно вызывать наружу всѣ эгоистическія наклонности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общественныхъ классовъ, и чѣмъ дольше длится революціонный періодъ, тѣмъ яснѣе выступятъ эти эгоистическіе инстинкты, тѣмъ болѣе нетерпѣливо они будутъ проявляться. Въ этомъ именно и заключается главная опасность всякаго революціоннаго времени не только для старой власти, но, что гораздо важнѣе, для самаго государства и народа; а изъ этого ясно, что одна изъ главныхъ заботъ тѣхъ общественныхъ элементовъ, которымъ суждено замѣнить старую власть, должна заключаться въ томъ, чтобы быстро возстановить общественное довѣріе къ центральному органу народной жизни и лишить эгоистическія личныя и классовыя стремленія, откуда бы они не исходили, такъ или иначе возможности нарушать общественное равновѣсіе и проявлять свои неизбѣжно анархическія, т.-е. направленныя противъ этого равновѣсія, наклонности. Время, слѣдующее за революціей, нуждается не въ ослабленіи, а въ усиленіи опирающейся на общественное довѣріе центральной власти.

Лучшимъ доказательствомъ правильности этихъ положеній можетъ служить судьба политическаго и административнаго законодательства Учредительнаго Собранія. Все оно построено на діаметрально противоположныхъ началахъ, на идеѣ ослабленія центральной власти и чрезвычайнаго развитія департаментской и особенно коммунальной автономіи, на идеѣ замѣны руководства народомъ хотя бы со стороны его лучшихъ людей собственной иниціативой народной массы, и въ конечномъ итогѣ на увѣренности полнаго безсилія эгоистическихъ инстинктовъ и несомнѣннаго господства чувства общественной и гражданской солидарности.

Реальныя условія народной жизни, невозможность разсчитывать на необычайно высокое и ясное сознаніе общественнаго блага, на мирное и свободное установленіе полной гармоніи всѣхъ сталкивающихся въ народной жизни интересовъ, на готовность гражданъ жертвовать своимъ личнымъ благомъ ради общаго, дали себя знать очень скоро. Административно-политическое законодательство Собранія создало безсиліе центральной власти и полнѣйшую анархію въ мѣстной жизни: города и деревни отбиваютъ другъ у друга хлѣбные транспорты, одни города вооружаются и предпринимаютъ настоящіе походы противъ другихъ, дабы подчинить ихъ своимъ взглядамъ на внутреннюю политику, а центральная власть не только въ лицѣ короля, но и въ лицѣ Національнаго Собранія вынуждена ограничиваться чисто-совѣщательной ролью. Издаваемые ею законы исполняются лишь постольку, поскольку это соотвѣтствуетъ мѣстнымъ интересамъ; посылаемые ею комиссары принуждены уговаривать мѣстныя власти, но безсильны имъ повелѣвать то, что необходимо въ интересахъ всего государства. Въ то же время новая организація создаетъ колоссальную массу выборныхъ и въ значительной своей части почетныхъ, т.-е. невознаграждаемыхъ, должностей и предполагаетъ необыкновенно интенсивное участіе всѣхъ гражданъ въ общегосударственной и мѣстной жизни, иначе говоря, постоянную готовность всѣхъ гражданъ жертвовать своимъ временемъ и своими силами въ пользу государства. Намѣтивъ общій планъ соціальныхъ и финансовыхъ реформъ, государство, наконецъ, ожидаетъ, что всѣ граждане поймутъ, что эти сложныя реформы не могутъ быть осуществлены съ сегодня на завтра, и что необходимо вооружиться терпѣніемъ и спокойно ожидать осуществленія задуманныхъ очень широко мѣропріятій.

На самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ этихъ ожидаемыхъ результатовъ не осуществился. Интересъ къ активному участію въ политической жизни очень скоро палъ, и лишь меньшинство продолжало участвовать въ ней (это одно изъ главныхъ основаній огромной роли якобинскихъ клубовъ), а готовности ждать, пока соціальныя и финансовыя реформы будутъ осуществлены, не оказалось вовсе. Именно въ этой послѣдней области преувеличенность ожиданій Національнаго Собранія сказалась особенно быстро: аграрныя волненія, принимавшія по временамъ чрезвычайно острый характеръ и охватывавшія тогда цѣлыя области, а затѣмъ и волненія среди городской массы не прекращались, свидѣтельствуя о желаніи народной массы поскорѣе осуществить по-своему «общественное благо», а въ то же время государственная казна быстро и рѣшительно опустѣла вслѣдствіе упорнаго нежеланія народной массы платить совершенно необходимые въ интересахъ государства налоги. Съ 1 мая 1789 по 1 мая 1790 г., т.-е. съ самаго же начала революціи, поступленія отъ прямыхъ налоговъ сократились на 80% и, что, пожалуй, еще характернѣе, даже поступленія отъ косвенныхъ налоговъ на цѣлыхъ 25%. Идея помочь государственной казнѣ при помощи патріотическаго налога и патріотическихъ пожертвованій потерпѣла въ то же время жалкое крушеніе: патріотическаго налога поступило въ теченіе года всего 11 милліоновъ франковъ, а пожертвованій оказалось всего на сумму около 360000 франковъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось яснѣе, что при такихъ условіяхъ государство не можетъ существовать, и что въ близкомъ будущемъ предстоитъ необходимость чрезвычайнаго усиленія центральной власти, если только хотятъ сохранить самое государство. Эта необходимость была настолько очевидна, что именно якобинцы, т.-е. политически мыслящее меньшинство націи, и взялись за ея осуществленіе. Административная система и общая политика Учредительнаго Собранія привели въ послѣднемъ итогѣ не къ свободной гармоніи свободныхъ общественныхъ силъ, а къ насильственной политикѣ и террористическому режиму конвента. Въ своей внутренней политикѣ якобинцы были первыми представителями общественной реакціи противъ наивныхъ идей 1789 г. и прямо подготовили аналогичный якобинскому режимъ Наполеона I.

Таково было первое тяжелое разочарованіе. Второе, не менѣе важное, ожидало французское интеллигентное общество 1789 г. въ области религіозной жизни. Къ числу самыхъ общепризнанныхъ представленій этого общества принадлежало убѣжденіе въ совершенной и явной несостоятельности католическаго (и даже больше: христіанскаго) ученія и католической церкви и въ необходимости и легкости коренного пересмотра этой области народной жизни. Это не значитъ, чтобы тогда совершенно не отдавали себѣ отчета въ религіозныхъ привычкахъ народа, но въ нихъ видѣли именно только привычки и въ частности привычки нелѣпыя, а не хотя бы и мало удовлетворительный, но въ своемъ родѣ глубокій отвѣтъ на самые коренные запросы народной души. Сознаніе неустранимости религіознаго чувства и выражающихъ его формъ религіознаго мышленія изъ жизни человѣка, представляющее одно изъ главныхъ пріобрѣтеній научной мысли XIX вѣка, было совершенно чуждо XVIII вѣку, а въ связи съ этимъ и подъ вліяніемъ его чисто-раціоналистическаго построенія человѣческой психологіи онъ былъ лишенъ способности понять степень устойчивости

религіозныхъ навыковъ и не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какъ осторожно необходимо обращаться съ этой сферой народныхъ представленій. Въ этомъ смыслѣ ничего не можетъ быть характернѣе, чѣмъ отношеніе такого сильнаго государственнаго ума, какъ Мирабо, къ вопросу о реорганизаціи католической церкви. Онъ, который такъ тонко понималъ всѣ другія опасности, вытекавшія изъ политики Учредительнаго Собранія, стоялъ вполнѣ на уровнѣ Собранія въ церковномъ вопросѣ. Результатомъ такого настроенія и было прежде всего Гражданское Уложеніе о духовенствѣ, представлявшее несомнѣнное и въ нѣкоторыхъ случаяхъ грубое вмѣшательство государства въ область церковной догматики, а дальше и преслѣдованіе священниковъ за ихъ отказъ подчиниться Уложенію, и, наконецъ, въ особенности декретированная конвентомъ отмѣна христіанскаго культа.

Людямъ 89 года казалось, что ничего не стоитъ логическими доводами доказать, что церковное ученіе есть не что иное, какъ рядъ корыстныхъ «выдумокъ» перваго «обманщика», основавшаго данное ученіе, и послѣдующихъ «обманщиковъ», воспользовавшихся первоначальнымъ обманомъ, чтобы нанести либо только данному ученію, либо даже религіозной идеѣ какъ таковой смертельный ударъ. И вдругъ оказалось, что масса людей проявляетъ именно тутъ, гдѣ у интеллигентнаго человѣка того времени не возникало никакихъ сомнѣній, необычайное, прямо непонятное упрямство, и готова отстаивать даже самыя явныя нелѣпости противъ самыхъ убѣдительныхъ логическихъ доводовъ. Оказалось, что они не учли не только глубины того религіознаго чувства, которое у нихъ самихъ приняло лишь иную форму, форму вѣры въ человѣка и его прогрессъ, но все же сохранило свое вліяніе, но даже простого факта совершеннаго невѣжества народной массы, четыре пятыхъ которой были безграмотны. То, что имъ казалось элементарно простымъ и яснымъ, не имѣло просто никакого доступа въ народную психику, а попытки заставить народъ измѣнить свои взгляды голыми приказаніями и запрещеніями лишь обострили положеніе, вызывая законный протестъ широкихъ массъ населенія.

Въ тѣсной связи съ двумя указанными разочарованіями стояло третье, то, которое обратило на себя главное вниманіе слѣдующаго XIX вѣка. Это разочарованіе въ соціальныхъ инстинктахъ человѣка. Литература XVIII вѣка, поскольку она такъ или иначе затрагивала этотъ вопросъ, отнюдь не понимала степени его сложности. Поскольку она сознавала зло соціальнаго строя, основаннаго на борьбѣ за существованіе внутри общества, она объясняла его въ громадномъ большинствѣ случаевъ недостатками политической организаціи, не отдавала себѣ отчета въ значеніи экономической структуры общества и была рѣшительно неспособна оцѣнить чрезвычайную трудность той моральной проблемы, къ которой въ конечномъ итогѣ сводится такъ наз. соціальный вопросъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: если только исходить изъ идеи природной доброты человѣка, если считать, что онъ по природѣ исполненъ чувства солидарности и справедливости, то соціальнаго вопроса въ сущности нѣтъ. Тогда вся сущность борьбы съ существующимъ зломъ дѣйствительно должна свестись къ тому, чтобы устранить механическія препятствія, заключающіяся въ неразумной организаціи государства и мѣшающія человѣку проявить все его природное благородство; тогда нѣтъ даже надобности касаться хотя бы принципа частной собственности, которая въ такомъ случаѣ не можетъ помѣшать человѣку воспользоваться

ею для достиженія соотвѣтствующихъ его благородству эффектовъ. Весь вопросъ сводится тогда къ тому, чтобы дать просторъ добрымъ наклонностямъ человѣка. Свобода всѣхъ и каждаго точно также дастъ въ результатѣ всеобщую гармонію, общая воля также совпадетъ съ волей всѣхъ и каждаго, какъ свободная конкуренція у Адама Смита обезпечиваетъ гармоническое развитіе хозяйственныхъ отношеній.

Реальный ходъ развитія скоро обманулъ и эти ожиданія. Надежды на «братство» людей оказались тщетными. Звѣриная природа человѣческаго эгоизма развернулась во всю свою силу. Оказалось, что не только привилегированные, на которыхъ привыкли сваливать всю отвѣтственность за общественное зло, но и народная масса очень далека отъ дѣйствительнаго чувства солидарности. Одни хотѣли сохранить, другіе пріобрѣсть, но и тѣ и другіе сохранить для себя и пріобрѣсть для себя, а отнюдь не ради «братства» между людьми. Борьба достигла въ этой области такой же степени напряженія, какъ въ области религіозной жизни, породила такія же жестокости съ обѣихъ сторонъ и закончилась такой же неудачей.

Исходъ французской революціи показалъ, что одного «устраненія препятствій» мало, что свободное участіе всѣхъ гражданъ въ политической жизни, философская ясность мысли въ вопросахъ міросозерцанія и морали, братская любовь членовъ общества другъ къ другу не вытекаютъ непосредственно изъ предоставленной самой себѣ человѣческой природы, что свобода, равенство и братство не могутъ быть установлены съ сегодня на завтра путемъ ряда хотя бы и очень радикальныхъ революціонныхъ мѣръ.

Чѣмъ болѣе неумѣренны были надежды, которыя возлагались на предстоящее «обновленіе рода человѣческаго», тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе долженъ былъ произвести неудачный исходъ революціи. Свободы не было, не было ни во время якобинскаго террора, ни въ эпоху директоріи, ни въ періодъ консульства и имперіи; братство также не установилось, несмотря на благородныя иллюзіи эпохи федерацій; равенство, наконецъ, достигнутое законодательствомъ 1789—1791 г. и подтвержденное сводомъ Наполеона, имѣло формально-юридическій характеръ и не коснулось ни области соціально-экономической, ни области интеллектуальной жизни.

Сто-двадцать лѣтъ спустя послѣ революціи и подъ вліяніемъ извлеченнаго изъ нея опыта, разумѣется, нетрудно сказать, что чувство глубокаго разочарованія, охватившаго не только французское, но все европейское общество подъ вліяніемъ неожиданнаго хода революціи, было ровно настолько же неосновательно, какъ и неумѣренныя надежды 1789 и 1790 годовъ. Несмотря на всѣ свои отрицательныя стороны, несмотря на всѣ свои неудачи, великая французская революція остается и посейчасъ самымъ крупнымъ шагомъ въ стремленіи европейскихъ народовъ къ самоопредѣленію и къ подчиненію сложившихся условій жизни человѣчества его сознательной волѣ.

Въ данномъ случаѣ, однако, для насъ имѣетъ значеніе не объективная оцѣнка значенія революціи, а какъ-разъ то впечалѣніе, которое она произвела на современниковъ. И тутъ не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что это было именно впечатлѣніе глубокаго разочарованія, которое съ хода революціи было перенесено на идеи, во имя которыхъ она совершилась.

Нѣкоторыя изъ конкретныхъ проявленій революціоннаго движенія, значеніе которыхъ было въ сущности только симптоматическое, пріобрѣли при этомъ несо-

размѣримое вліяніе на обычное представленіе о революціи. На самомъ первомъ мѣстѣ среди нихъ стоятъ анархія 1789—1792 гг. и якобинскій терроръ. И анархія, проявившаяся въ аграрныхъ бунтахъ, въ волненіяхъ городской толпы, въ безпрестанной борьбѣ между разными учрежденіями и областями, и смѣнившій ее терроръ были одинаково проявленіями нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ фактовъ, но эти послѣдніе были какъ бы затушеваны ужасными формами междоусобной борьбы послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка. Конкретный ходъ революціи былъ опредѣленъ тремя фактами: упрямымъ скудоуміемъ королевской власти, крайнимъ ожесточеніемъ широкихъ массъ обнищавшаго народа и доктринерскими увлеченіями интеллигенціи. Сначала просто тупая, затѣмъ отчасти глубоко неискренняя (въ лицѣ короля), отчасти злобная (въ лицѣ эмигрантовъ) политика господствовавшихъ прежде классовъ, питала то глубокое недовѣріе къ королю, какъ привычному представителю центральной власти, и къ иностраннымъ государямъ, какъ защитникамъ стараго порядка, которое доводило народную массу подчасъ до состоянія полнаго повальнаго умоизступленія, давало почву проповѣди истинно-безобразныхъ демагоговъ и лишало лучшихъ представителей интеллигенціи не только опоры въ народѣ, но и настоящей увѣренности въ цѣлесообразности и даже допустимости борьбы съ анархическими наклонностями толпы и съ жестокими увлеченіями демагоговъ. Слѣпое озлобленіе народной массы противъ «господъ», противъ «хлѣбныхъ ростовщиковъ», противъ всѣхъ, кто «жирѣетъ» отъ народныхъ средствъ, разразилось въ глубокой анархіи, воцарившейся уже съ 1789 г., затрудняло спокойное обсужденіе и планомѣрное проведеніе всякой реформы, вызывало лихорадочный характеръ работъ народныхъ представителей, лишало послѣднихъ даже физической безопасности во время самыхъ преній и могло служить если не оправданіемъ, то достаточнымъ объясненіемъ королевской политики. Доктринерскія увлеченія интеллигенціи, наконецъ, привели сначала къ созданію дѣтски-наивныхъ, нежизнеспособныхъ формъ общественной жизни, затѣмъ, когда ихъ нежизнеспособность выяснилась, и когда въ то же время всѣ завоеванія революціи подверглись опасности какъ извнѣ, такъ и изнутри, къ фанатической борьбѣ за сохраненіе этихъ завоеваній при помощи крови и желѣза, эшафота и войска. Увлеченная страстностью своихъ убѣжденій, еще возросшей подъ вліяніемъ борьбы за нихъ, и грандіозными перспективами, которыя, казалось, открывались передъ ней, она не хотѣла да и не могла въ пылу борьбы пересмотрѣть свои задачи и откинуть изъ ихъ числа все то, что было явно недостижимо; съ невѣроятнымъ упрямствомъ она стремилась не только къ политической реформѣ, но и къ радикальному переустройству всей жизни на началахъ той гражданской «доблести», которую Робеспьеръ старается насадить насильственнымъ перевоспитаніемъ всего народа съ устраненіемъ изъ его состава всѣхъ нецивическихъ, т.-е. негодныхъ съ гражданской точки зрѣнія, элементовъ.

Въ числѣ этихъ нецивическихъ элементовъ, этихъ «аристократовъ», оказались при этомъ такъ или иначе не только властвующіе классы стараго порядка, дворянство, духовенство, парламентская магистратура, но и крупнѣйшіе, наиболѣе независимые умы изъ рядовъ самой интеллигенціи, всѣ тѣ, кто въ томъ или иномъ отношеніи былъ способенъ понять опытъ жизни и отдать себѣ отчетъ въ условности общепризнанныхъ формулъ.

Очерченная выше ходячая философія XVIII вѣка имѣла своихъ наиболѣе

убѣжденныхъ сторонниковъ въ среднихъ и низшихъ слояхъ интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго общества [1]). Здѣсь формулы Руссо и другихъ не сталкивались съ широкимъ опытомъ, съ обширными знаніями, съ прочными навыками серьезной мысли; здѣсь онѣ принимались цѣликомъ на вѣру и замѣняли собою старыя вѣроученія на тѣхъ же началахъ безусловной авторитетности, которой прежде обладали церковные догматы. Односторонность этихъ формулъ оставалась здѣсь незамѣтной; ихъ кажущаяся простота и логическая стройность ихъ сцѣпленія вызывали здѣсь впечатлѣніе безусловной неотразимости и создавали чисто-сектантскую вѣру въ ихъ всемогущество и общеобязательность. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, на этой почвѣ развилось убѣжденіе, что всякій, кто отказывается признать ихъ и слѣдовать имъ, дѣйствуетъ такъ не потому, что эти формулы для него не убѣдительны, кажутся ему слишкомъ узкими, слишкомъ неопредѣленными или прямо невѣрными, а потому, что онъ вопреки ихъ несомнѣнности не желаетъ ихъ признать по корыстнымъ соображеніямъ. «Всякій, кто мыслитъ иначе, да будетъ анаѳема!»—восклицалъ нѣкогда папа Григорій I. Совершенно то же самое думалъ и лишь въ иныхъ формахъ высказывалъ Робеспьеръ, типичный представитель той сѣрой умственной посредственности, подъ диктатурой которой стонала Франція въ эпоху якобинскаго террора [2]). Эта посредственность одна никогда ни въ чемъ не сомнѣвалась, всегда знала, какъ слѣдуетъ поступить на точномъ основаніи воспринятыхъ ею формулъ, въ большинствѣ случаевъ не поддавалась искушеніямъ сильнаго темперамента какого-нибудь Мирабо или Дантона и именно поэтому могла пріобрѣсть широкое довѣріе, а засимъ и безграничную власть.

Въ конечномъ результатѣ якобинская политика, разумѣется, могла дать только отрицательные результаты. Вмѣстѣ съ анархіей она до послѣдней степени утомила французское общество, вызвала растущее раздраженіе всѣхъ тѣхъ, кто подвергся политическимъ, соціальнымъ и религіознымъ экспериментамъ во имя священныхъ формулъ Руссо, отучила общество отъ самодѣятельности и протеста противъ насилія и дала всѣмъ врагамъ революціи прекрасное оружіе въ руки, дискредитировавъ все общественное движеніе, которому она думала служить.

Комбинація внутренней несостоятельности тѣхъ идей, которыми руководились дѣятели революціи, съ зрѣлищемъ конкретныхъ неудачъ и звѣрствъ, сопровождавшихъ ея ходъ, оттолкнула подавляющую массу общества отъ «идей XVIII вѣка», т.-е. вызвала, какъ это всегда бываетъ, реакцію, шедшую значительно дальше,

[1]) Само собою разумѣется, что при различеніи разныхъ слоевъ среди интеллигентнаго общества основаніемъ различенія является не соціальное положеніе какъ таковое, а степень интеллигентности, т.-е. относительное богатство и глубина умственной жизни, что нерѣдко можетъ находиться въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ болѣе или менѣе благопріятными для развитія умственной жизни соціальными условіями жизни даннаго лица, но отнюдь не находится въ необходимой зависимости отъ нихъ.

[2]) Попытка Олара въ его замѣчательномъ трудѣ о политической исторіи французской революціи объяснить терроръ исключительно какъ результатъ потребности сосредоточить всю мощь государства для борьбы съ иностраннымъ врагомъ, не можетъ быть признана удавшейся. Оларъ не принялъ во вниманіе ни значенія внутренняго разложенія государственной власти въ эпоху Учредительнаго Собранія, ни вышеуказаннаго сектантскаго характера якобинизма послѣдней формаціи, безъ выясненія вліянія которыхъ всякая исторія террора будетъ односторонняя.

чѣмъ требовала жизнь. Ходъ революціи доказалъ въ сущности только одно: а именно, что вопросъ объ условіяхъ осуществленія идеи гражданской свободы и солидарности былъ разрѣшенъ неправильно, точнѣе, до послѣдней степени односторонне, что нельзя возлагать чрезмѣрныхъ надеждъ ни на нравственное совершенство человѣка, ни особенно на чисто-политическія реформы, что природа человѣка не столь совершенна, какъ полагалъ Руссо, что политическое равенство не устраняетъ тяжелыхъ послѣдствій болѣе глубокаго зла соціальнаго неравенства, и что свобода при такихъ условіяхъ остается формальнымъ принципомъ и безъ извѣстныхъ условій умственнаго и нравственнаго развитія еще не обезпечиваетъ общественной гармоніи, иначе говоря, что надо поставить вопросъ значительно шире, чѣмъ онъ былъ поставленъ, и не разсчитывать на быстрое осуществленіе всѣхъ частей программы. На самомъ дѣлѣ, выводъ массы населенія былъ иной. Не получивъ всѣхъ благъ, на которыя она разсчитывала, она отвернулась отъ тѣхъ идей, на которыя она возлагала свои надежды до 1789 г. Она осудила не неправильные пріемы для осуществленія «принциповъ 89 года», а самые принципы какъ таковые.

Такимъ образомъ, создалось то новое настроеніе, которое давало просторъ давнишнимъ врагамъ революціонныхъ идей. Враги эти существовали всегда, но прежде ихъ не слушали, ихъ ненавидѣли, презирали или просто не обращали на нихъ вниманія. Теперь положеніе дѣлъ измѣнилось. Тѣ самые, которыхъ нѣсколько лѣтъ раньше никто знать не хотѣлъ, стали тѣмъ болѣе вліятельными, чѣмъ дальше длилась и чѣмъ послѣдовательнѣе была ихъ вражда къ революціи.

ГЛАВА III.

Характеръ общественной реакціи начала XIX вѣка.

Основная черта идей XVIII вѣка—это отрицаніе всякаго внѣшнеобязательнаго авторитета во имя вѣры въ умственныя и нравственныя силы человѣка. Когда революція разочаровала общество, эта вѣра пала и смѣнилась мучительнымъ сомнѣніемъ или прямымъ отрицаніемъ. Основной чертой общественной реакціи начала XIX вѣка стала поэтому идея востановленія общеобязательнаго авторитета въ виду умственнаго и нравственнаго безсилія человѣка.

Кругъ вліянія этой идеи, правда, далеко не ограничивается началомъ прошлаго вѣка. Въ значительныхъ кругахъ общества она сохранила и сохраняетъ свою силу и посейчасъ. Вотъ какъ ее формулировалъ, напр., во французской палатѣ депутатовъ въ 1878 г. графъ Мёнъ (Mun): «Революція не есть событіе или фактъ: она есть политическая доктрина, которая стремится основать общество на человѣческой волѣ, вмѣсто того, чтобы основывать его на волѣ Божіей; доктрина, которая ставитъ на мѣсто Божественнаго закона человѣческій разумъ. Вотъ что такое революція. Остальное второстепенно, или, вѣрнѣе, остальное вытекаетъ отсюда, изъ этой мятежной гордости, которая легла въ основу новаго государства. Государство стало вашимъ божествомъ, но мы отказываемся поклоняться ему вмѣстѣ съ вами. Контръ-революція—это противоположный принципъ или доктрина, кладущая въ основаніе общественнаго порядка христіанскій законъ». Та же точка зрѣнія лежитъ

въ основаніи всѣхъ разсужденій не только католическихъ, но и протестантскихъ сторонниковъ религіознаго, а также политическаго авторитета; она же проходитъ красной нитью черезъ всѣ разсужденія Побѣдоносцева въ его «Московскомъ сборникѣ».

Мысль о необходимости возстановленія стараго религіознаго авторитета въ разныхъ его видахъ, однако, отнюдь не представляетъ единственной формы, въ которой выразилось настроеніе, впервые рѣзко проявившееся въ началѣ XIX вѣка. Это настроеніе значительно шире того клерикальнаго знамени, которое многіе пожелали сдѣлать его единственнымъ выраженіемъ. На ряду со стремленіемъ къ возстановленію стараго авторитета мы видимъ болѣе или менѣе широкія, болѣе или менѣе удачныя попытки создать новый: такія крупныя личности, какъ Сенъ-Симонъ и Огюстъ Контъ, всю свою жизнь стремились къ этой цѣли. Еще дальше идутъ тѣ теченія мысли, которыя отрицаютъ сразу и возможность возстановленія стараго и возможность созданія новаго авторитета и выливаются въ культъ голой силы Стендаля, въ нигилизмъ Сентъ-Бева, въ пессимистическій стоицизмъ Тэна, въ скептическое «всевѣріе» Ренана, въ иронический аристократизмъ Анатоля Франса. Несмотря на всю глубокую разницу этихъ, казалось бы, взаимно исключающихъ другъ друга направленій и настроеній, они имѣютъ, однако, одинъ общій корень: глубокое сомнѣніе въ умственныхъ или нравственныхъ (или какъ умственныхъ, такъ и нравственныхъ) силахъ какъ человѣка вообще, такъ той или иной группы людей, именуемой народомъ, въ частности.

«Героическій вѣкъ разума», какъ не безъ основанія называли XVIII вѣкъ, безвозвратно прошелъ не потому, что старые враги разума подняли снова голову, а потому, что тяжелый и скорбный опытъ жизни заставилъ многихъ изъ числа его наиболѣе вѣрныхъ и чуткихъ сторонниковъ сознать предѣлы разума и отдать себѣ отчетъ въ его зависимости отъ того, что въ человѣкѣ «человѣческаго, слишкомъ человѣческаго», что заложено въ немъ безконечными вѣками животнаго прошлаго, что связано со всѣми фибрами его животнаго организма и его животнаго существованія, съ его положеніемъ ничтожной песчинки въ громадномъ мірозданіи, законамъ жизни котораго, какъ бы онъ противъ нихъ ни бунтовалъ, онъ, въ концѣ концовъ, такъ же подчиненъ, какъ любая другая частица этого мірозданія.

Сколько бы ни было условнаго и неудовлетворительнаго во всѣхъ теоретическихъ построеніяхъ представителей этого могучаго, характернаго для XIX вѣка, теченія, одно въ самомъ дѣлѣ несомнѣнно для всякаго человѣка, не обольщающаго себя громкой фразой или энтузіазмомъ борьбы со всякаго рода старымъ зломъ: той безграничной вѣры въ человѣка, въ его разумъ, его волю, во всю его природу, которая придаетъ XVIII вѣку въ нашихъ глазахъ не только наивный, но и глубоко привлекательный видъ, больше быть не можетъ, и главная причина подавляющаго успѣха реакціи начала XIX вѣка заключается не въ тѣхъ односторонникъ и часто нелѣпыхъ, человѣко-ненавистническихъ формахъ, въ которыхъ выразилось это глубокое разочарованіе, а въ томъ, что скрывалось за этими формами, находя въ нихъ лишь неудачное выраженіе, въ крушеніи горделивой увѣренности въ безграничности человѣческаго разума, во всесиліи человѣческой воли, въ нравственномъ совершенствѣ человѣческой природы.

О глубинѣ этого разочарованія можно судить именно по успѣху, который вы-

палъ на долю реакціонной литературы начала XIX вѣка. Самая характерная черта ея заключается въ самомъ дѣлѣ въ томъ, что среди ея наиболѣе видныхъ представителей нѣтъ ни одного, кто бы самъ выстрадалъ въ себѣ это разочарованіе и былъ поэтому способенъ понять весь его трагизмъ. Представители этой литературы, Жозефъ де Местръ, виконтъ Бональдъ, Людвигъ Галлеръ, Адамъ Мюллеръ, аббатъ Ламеннэ (перваго періода его жизни) и другіе—всѣ они никогда не были сторонниками идей XVIII вѣка, а были и оставались «хвалителями стараго времени», слугами никогда не поколебленнаго въ ихъ глазахъ стараго авторитета со всѣми его дефектами и жестокими односторонностями. Въ этомъ заключался и залогъ ихъ временнаго успѣха — они могли выступить сразу во всеоружіи готовой въ основныхъ чертахъ системы и могли сослаться на то, что «всегда» предсказывали крахъ новыхъ идей,—но въ этомъ заключался и залогъ временности и даже кратковременности ихъ успѣха: они были неспособны понять жизненный характеръ самаго движенія XVIII вѣка и указать выходъ тѣмъ его стремленіямъ, которыя именно потому должны были найти себѣ осуществленіе, что живая не замкнутая ни въ какія формулы жизнь европейскихъ народовъ не могла болѣе уложиться въ прокрустово ложе церковной доктрины и стараго порядка.

Въ умственномъ состояніи французскаго общества начала XIX вѣка—только о немъ мы и будемъ дальше говорить—поэтому необходимо различать двѣ стороны: массовое теченіе общественной мысли, разочаровавшейся въ непогрѣшимости доктринъ XVIII вѣка, и индивидуальныя формулировки тѣхъ началъ, въ коихъ впредь слѣдуетъ усматривать спасеніе. Но и тутъ надо оговориться: говоря о массовыхъ теченіяхъ, мы не должны имѣть въ виду собственно народныя массы, а только сумму интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго общества. Народной массѣ было не въ чемъ разочаровываться или, точнѣе, ей было не въ чемъ разочаровываться въ области идей. Она была несомнѣнно разочарована въ своихъ ожиданіяхъ—отъ короля, отъ національнаго собранія, пожалуй, отъ своеобразно понятой свободы, но она никогда не проникалась такъ наз. идеями XVIII вѣка, и потому ей не отъ чего было отказываться въ этомъ смыслѣ. Такіе термины, какъ «идеи XVIII вѣка», «вѣкъ просвѣщенія», «вѣкъ просвѣтительной литературы», способны вызвать и, повидимому, нерѣдко вызываютъ своего рода оптическій обманъ въ оцѣнкѣ историческаго развитія народовъ. Они способны вызвать впечатлѣніе, точно идеи XVIII вѣка или просвѣтительной литературы когда-либо въ теченіе соотвѣтственнаго періода сдѣлались всеобщимъ достояніемъ. Ничего не можетъ быть неправильнѣе этого впечатлѣнія. Когда на вершинахъ французской жизни работали Вольтеръ, Монтескье, Руссо, Дидро и т. д., низы ея находились подъ безусловнымъ владычествомъ не христіанскаго или хотя бы католическаго, а въ существѣ дѣла политеистически-фетишистическаго міросозерцанія. Когда верхи создавали идею закономѣрности въ жизни природы, низы еще находились подъ гнетомъ представленія о непостижимыхъ капризахъ божественной воли въ ея разныхъ проявленіяхъ, о непосредственномъ воздѣйствіи ея на человѣка и человѣка на нее [1]).

---

[1]) Вотъ два блестящихъ примѣра изъ «воспоминаній дѣтства и юности» Ренана. Недалеко отъ маленькой коммуны Тредарзекъ въ Бретани жилъ (и до и послѣ револю-

Другое дѣло масса средняго образованнаго и полуобразованнаго общества, всѣ тѣ, которымъ степень ихъ умственной самостоятельности и запасъ ихъ знаній позволяетъ воспринимать болѣе или менѣе точно и послѣдовательно мысли, выработанныя умственными вождями эпохи и противопоставить ихъ прежнимъ взглядамъ, но которые не обладаютъ той силой и глубиной ума, которая позволяетъ отдать себѣ отчетъ во всей сложности уже сложившихся идей времени и тѣмъ болѣе въ ихъ неизбѣжной односторонности и постоянной необходимости расширять и углублять достигнутые результаты. Основная особенность ихъ ума заключается въ тенденціи къ упрощенію всякой мысли, да это и естественно: они не участвовали сами дѣятельно въ ея выработкѣ и именно поэтому не знаютъ, какъ она возникла, откуда она взялась, и съ какими оговорками она была первоначально высказана. Они ее воспринимаютъ въ видѣ абсолютной истины и вѣруютъ въ нее въ сущности также некритически, какъ раньше вѣровали въ церковный догматъ. Но какъ бы они ни увлекались данной «признанной» мыслью, она все же не имѣетъ той прочности, какъ внѣчеловѣческій церковный догматъ, за которымъ стоятъ и бо́льшая давность и болѣе высокій авторитетъ. Церковный догматъ теоретически оставался въ силѣ и

ціи) совершенно обѣднѣвшій дворянинъ стараго рода, пользовавшійся, несмотря на свою бѣдность, большимъ уваженіемъ среди окрестнаго населенія. «Вѣрили, что, какъ глава рода, онъ являлся носителемъ заключенной въ его крови силы, что онъ обладалъ въ самой высокой степени дарами своего рода и могъ возстанавливать силы связанныхъ съ этимъ родомъ людей своей слюной и своимъ прикосновеніемъ. Были убѣждены, что для того, чтобы производить такого рода исцѣленія, надо обладать чрезвычайно длинной цѣпью предковъ, и что онъ одинъ ею располагалъ. Въ извѣстные дни домъ его былъ окруженъ людьми, пришедшими изъ окрестности въ двадцать лье. Если ребенокъ поздно начиналъ ходить, если у него были слабыя ноги, его приносили къ нему. Онъ смачивалъ свой палецъ слюной, смазывалъ ею ноги ребенка, и это его укрѣпляло. Все это онъ дѣлалъ важно, серьезно. Что ты хочешь! тогда вѣра была крѣпка; тогда были такъ простодушны и добры. Онъ самъ ни за что на свѣтѣ не принялъ бы платы, да приходившіе къ нему по собственному почину люди были слишкомъ бѣдны, чтобы платить ему деньги; ему предлагали въ даръ дюжину яицъ, кусокъ сала, горсть льна, кусочекъ масла, мѣрку картофеля, нѣсколько фруктовъ. Онъ принималъ это. Дворяне, жившіе въ окрестныхъ городахъ, издѣвались надъ нимъ, но совершенно напрасно: онъ зналъ страну; онъ былъ ея душой и воплощеніемъ» («Souvenirs», стр. 28—29).

«Наивность, съ которой принимались (всякаго рода легенды), возвращала васъ на тысячи лѣтъ назадъ. Мнѣ разсказывали, какимъ образомъ мой отецъ былъ исцѣленъ въ дѣтствѣ отъ лихорадки. Утромъ до восхода солнца его повели въ часовню того святого, который исцѣлялъ отъ нея. Въ то же время пришелъ кузнецъ съ своей наковальней, своими гвоздями, своими клещами. Онъ зажегъ свой огонь, раскалилъ клещи и, держа раскаленное желѣзо передъ лицомъ святого, сказалъ: «если ты не освободишь этого ребенка отъ лихорадки, я тебя подкую какъ лошадь». Святой немедленно повиновался. Производство скульптурныхъ издѣлій изъ дерева долгое время процвѣтало въ Бретани. Деревянныя статуи святыхъ отличаются поразительнымъ реализмомъ; въ глазахъ людей съ пластическимъ воображеніемъ онѣ живутъ. Я вспоминаю одного милаго человѣка, немногимъ болѣе сумасшедшаго, чѣмъ остальные, который исчезалъ, когда только могъ, каждый вечеръ. Утромъ его находили въ церквахъ въ одной рубашкѣ, всего въ поту. Онъ всю ночь занимался тѣмъ, что вынималъ гвозди у распятій Христовыхъ и вытаскивалъ стрѣлы изъ тѣла святыхъ Севастіановъ» («Souvenirs» 86—87). Бретань, къ которой относятся всѣ эти разсказы, была, правда, наиболѣе отсталой изъ всѣхъ провинцій Франціи.

тогда, когда опытъ говорилъ противъ него. Шаблонный догматъ средняго общественнаго мнѣнія даннаго времени отличается неизмѣримо меньшей устойчивостью: ему вредятъ и конкуренція церковнаго догмата, и колебанія мысли, вытекающія изъ поисковъ передовой интеллигенціи, и всякій крупный фактъ жизни, находящійся въ дѣйствительномъ или кажущемся противорѣчіи съ ходячей теоріей.

Понятно, что такой грандіозный и по своимъ размѣрамъ и по своей сложности фактъ, какъ великая революція, принесшій столько неожиданныхъ не только для средняго обывателя результатовъ, долженъ былъ оказать сильнѣйшее вліяніе на общество и оттолкнуть его отъ идей, которыя оно вчера приняло на вѣру, и которыя сегодня потерпѣли такое крушеніе. Послѣ страшнаго напряженія и утомленія, вызваннаго революціей, послѣ того, какъ онъ убѣдился, что свобода предполагаетъ постоянную готовность къ самопожертвованію, обыватель сталъ искать спокойствія, освобожденія отъ гражданскихъ обязанностей, хотя бы и съ отреченіемъ отъ гражданскихъ правъ, вспомнилъ, что его хата въ сущности съ краю, и что всякъ сверчокъ долженъ знать свой шестокъ, охотно подчинился желѣзной волѣ Наполеона I и сталъ искать новаго слова, которое осмыслило бы въ его собственныхъ глазахъ совершившійся въ немъ переломъ настроеній и «міросозерцанія».

Первымъ въ высшей степени характернымъ симптомомъ этого перелома было возрожденіе религіозныхъ идей, начавшееся еще задолго до эпохи такъ наз. реставраціи Бурбоновъ, съ перваго года XIX вѣка.

Уже въ 1800 г. Сильвестръ Марешаль въ своей книгѣ «За и противъ библіи» заявилъ, что «первый годъ XIX вѣка характеризуется рѣзко выраженной религіозной реакціей». Въ 1801 г. появилась мало замѣченная въ свое время книга Балланша «О чувствѣ и его связи съ литературой и искусствами», а въ 1802 г., «Геній христіанства» Шатобріана, истинный манифестъ новаго направленія. Основная точка зрѣнія Шатобріана свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ самъ и тѣ, которые ему поклонялись, еще близки къ XVIII вѣку. Въ юности Шатобріанъ былъ атеистомъ. «Богъ, матерія и судьба это одно и то же... Такова моя система, вотъ во что я вѣрую». Съ тѣхъ поръ онъ «плакалъ и увѣровалъ», когда онъ узналъ, что мать его, умирая, велѣла передать ему просьбу, чтобы онъ сохранилъ вѣру своихъ предковъ. Теперь онъ заявляетъ, что «вообще можно сказать, что весь христіанскій культъ исполненъ самыхъ высокихъ нравственныхъ началъ хотя бы только потому, что онъ исполнялся нашими отцами, что наши матери, стоявшія около нашихъ колыбелей, были христіанками, а также и потому, что религія распѣвала псалмы надъ гробами нашихъ отцовъ и сопровождала ихъ въ могилы своими пожеланіями вѣчнаго мира». Нельзя сказать, чтобы эти соображенія поражали своей убѣдительностью, но болѣе убѣдительныхъ у Шатобріана не было. Глубина его новыхъ христіанскихъ убѣжденій никогда не была особенно велика, и въ этомъ смыслѣ крайне характерно, что въ своемъ «Геніи христіанства» онъ противополагаетъ не идеи христіанства и въ частности католицизма идеямъ XVIII вѣка, а неопредѣленную потребность чувства и въ частности чувство таинственнаго всему разсудочному складу просвѣщенія. «Нѣтъ ничего прекраснаго, привлекательнаго и великаго въ жизни, кромѣ таинственнаго,— говоритъ онъ.—Самыя очаровательныя чувства это тѣ, которыя насъ одновременно волнуютъ и смущаютъ. Стыдливость, цѣломудренная любовь, чистая дружба полны

таинственнаго. Развѣ невинность, которая по существу своему есть святое невѣдѣніе, не представляетъ самое невыразимое таинство? Женщины, прекраснѣйшая половина рода человѣческаго, не могутъ жить безъ мистерій». Эти разсужденія чрезвычайно характерны для всей его манеры. Онъ въ сущности ничего не доказываетъ, онъ просто риторически вопрошаетъ или восклицаетъ. Онъ ненавидитъ всякую ясную и отчетливую мысль, всякій грубый фактъ. Въ рецензіи на одну книгу Бональда онъ съ комическимъ для насъ ужасомъ разсказываетъ о томъ, какъ однажды маленькій мальчикъ, отвѣчая учителю на вопросъ: что такое человѣкъ, сказалъ: млекопитающее! Вотъ какъ онъ, съ своей стороны, «доказываетъ» троичность Божества: «Число три, повидимому, занимаетъ въ природѣ первое мѣсто; оно не производное, вотъ почему Пиѳагоръ его называлъ числомъ безъ матери. Даже въ политическихъ ученіяхъ можно найти то или другое темное преданіе о троичности. Граціи сдѣлали это число предѣломъ своего собственнаго числа».

Во всей этой абракадабрѣ есть здоровое зерно. Это протестъ чувства противъ голаго разсудка, оправданіе психологической законности религіозныхъ потребностей человѣка отъ ходячаго обвиненія, будто всѣ религіи являются простымъ нагроможденіемъ корыстныхъ выдумокъ. Но Шатобріанъ не останавливается на признаніи законности и неистребимости религіознаго творчества. Онъ идетъ дальше и желаетъ доказать, что высшей мыслимой формой этого творчества является католическое христіанство. Но онъ усматриваетъ доказательство этого положенія не въ томъ, что христіанство наилучшимъ образомъ разрѣшаетъ гнетущіе человѣчество философскіе и моральные вопросы, а въ томъ, что христіанство есть самое красивое изъ всѣхъ религіозныхъ ученій. «Изъ всѣхъ религій, которыя когда-либо существовали,—говоритъ онъ,—христіанство представляетъ самую поэтическую, самую человѣчную, наиболѣе благопріятствующую свободѣ, искусству и литературѣ. Современный міръ обязанъ ему всѣмъ отъ земледѣлія до абстрактныхъ наукъ, отъ убѣжищъ для несчастныхъ до храмовъ, построенныхъ Микеланджело и украшенныхъ Рафаэлемъ. Нѣтъ ничего болѣе божественнаго, чѣмъ его нравственное ученіе, ничего болѣе прелестнаго и великолѣпнаго, чѣмъ его догматы и его культъ; оно дѣйствуетъ благотворно на генія, очищаетъ вкусъ, развиваетъ добродѣтельныя страсти, даетъ силу мыслямъ, снабжаетъ писателя и художника самыми элегантными формами». По внутренней убѣдительности эта тирада ничѣмъ не уступаетъ его знаменитому разсужденію о таинствѣ причастія: «мы не знаемъ,—говоритъ онъ,—что можно было бы возразить противъ таинства, которое заставляетъ каждаго пройти черезъ такой кругъ поэтическихъ, моральныхъ, историческихъ и метафизическихъ идей, противъ таинства, которое начинается съ цвѣтовъ юности и прелести и которое кончается тѣмъ, что Богъ сходитъ на землю, чтобы отдать себя людямъ какъ духовную пищу».

За узкой, но ясной и точной мыслью XVIII вѣка послѣдовала, такимъ образомъ, болѣе широкая въ извѣстныхъ отношеніяхъ, но расплывчатая, лишенная дисциплины и моральной глубины эстетизирующая мысль неохристіанскаго «настроенія» [1]).

---

[1]) Въ частныхъ бесѣдахъ Шатобріанъ не скрывалъ малую глубину своихъ новыхъ религіозныхъ убѣжденій. Въ дневникѣ Сисмонди мы находимъ слѣдующую запись подъ 23 мая 1813 г.: «Шатобріанъ говорилъ о религіи у госпожи де Дюра; онъ постоянно воз-

Въ этомъ смыслѣ крайне характерно отношеніе всей этой литературы къ естественнымъ наукамъ. Жозефъ де Местръ, напр., требуетъ созданія «христіанской» химіи, которая доказала бы, что вода не разлагается на водородъ и кислородъ, а представляетъ элементъ. Онъ же ссылается на птицъ, какъ лучшее доказательство вздорности ученія о тяготѣніи, и уже потому признаетъ за ними таинственный характеръ, что Св. Духъ появился именно въ образѣ голубя. Вмѣсто серьезнаго изученія природы опять появляется средневѣковая тенденція къ якобы глубокомысленной аллегоризирующей игрѣ съ явленіями природы.—Развѣ не удивительно и умилительно,—спрашиваетъ Шатобріанъ, «видѣть, какъ крокодилъ строитъ гнѣздо и кладетъ яйца, подобно курицѣ, и какъ изъ нихъ вылупляется точно цыпленокъ маленькое чудовище? Сколько умилительныхъ истинъ содержитъ этотъ контрастъ! Какъ онъ побуждаетъ насъ любить всеблагость Божію».

Возрожденіе религіознаго интереса въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ влекло за собою съ необходимостью возрожденіе религіознаго авторитета и притомъ въ совершенно опредѣленной христіански-католической формѣ. Съ одной стороны, католицизмъ не только не потерялъ своего вліянія на народную массу, но подъ вліяніемъ постигшихъ его во время революціи гоненій даже усилилъ его въ весьма значительной степени. Нѣтъ ничего болѣе выгоднаго для всякой крупной религіозной организаціи, чѣмъ гоненія. Они не только создаютъ ей отдѣльныхъ мучениковъ, они подымаютъ общій тонъ жизни всей организаціи. Потерявъ свои громадныя земли, свои феодальные доходы и десятину, утративъ тѣсную связь съ государственной властью, въ силу которой до этого на церковь падала немалая доля отвѣтственности за то неустройство жизни, въ которомъ обвиняли тогда всякую власть какъ таковую, французская церковь снова должна была искать себѣ опоры не въ внѣшнихъ условіяхъ своей жизни, не въ богатствѣ и политическомъ вліяніи, а въ томъ, что ей нѣкогда обезпечило и богатство и вліяніе,—въ религіозныхъ и нравственныхъ запросахъ народа, которымъ она и все еще только она могла дать удовлетвореніе. Все то, что отдаляло церковь отъ народа и народъ отъ церкви, или почти все это отпало, и церковь въ лицѣ своихъ чтимыхъ пастырей стала снова близка народу. Чѣмъ больше усиливались гоненія, тѣмъ эта близость становилась болѣе интимной, и повышенное церковно-религіозное настроеніе народной массы создавало психическую атмосферу, которая не могла остаться безъ вліянія и на образованное меньшинство, такъ недавно еще пропитанное вольтеровскимъ: écrasez l'infâme!

Съ другой стороны, среди массы этого образованнаго меньшинства, какъ бы враждебно оно ни относилось къ церкви, основныя ученія христіанства въ той формѣ,

---

вращается къ ней, и, что представляется довольно страннымъ, такъ это та точка зрѣнія, съ которой онъ на нее смотритъ: онъ считаетъ какую-либо религію необходимой для поддержанія государства; онъ любитъ воспоминанія, и онъ привязывается къ той (религіи), которая нѣкогда существовала въ его странѣ; но онъ прекрасно чувствуетъ, что тѣ остатки религіи, къ которымъ онъ желаетъ привязаться (s'attacher), обращены въ пыль; онъ полагаетъ, что и для другихъ и для него необходимо вѣровать; онъ возводитъ это положеніе для себя въ законъ и не повинуется ему. Во всемъ этомъ, — прибавляетъ Сисмонди, — есть много непослѣдовательности и гораздо меньше неискренности, чѣмъ я бы предположилъ».

которую имъ далъ Руссо въ исповѣданіи савойскаго викарія, всегда оставались въ силѣ. Количество атеистовъ или сторонниковъ культа разума было всегда незначительно, а тотъ фактъ, что этотъ культъ былъ формально провозглашенъ именно гебертистами, т.-е. самой безпутной и распущенной частью якобинцевъ, уже самъ по себѣ дискредитировалъ въ широкихъ кругахъ самую идею этого культа. Въ этомъ смыслѣ очень характерно, что подавляющее большинство республиканцевъ послѣдующаго времени до самаго 1848 г. не только не были атеистами или агностиками, а, наоборотъ, деистами съ сильнымъ мистическимъ оттѣнкомъ мысли. Основная наклонность религіозной мысли, готовность принять безъ критической провѣрки и даже вопреки ей извѣстныя положенія, признаваемыя вѣрными потому, что они освѣщаютъ и освящаютъ жизненный путь человѣка, такимъ образомъ, сохранилась въ массѣ общества и тогда, когда оно считало себя въ правѣ пересмотрѣть многочисленныя положенія господствующаго ученія, отвергнуть одни и признать другія. Элементъ индивидуальной свободы мысли заключался, такимъ образомъ, именно въ этомъ пересмотрѣ готовыхъ ученій, а не въ потребности отвергнуть все, что не можетъ быть доказано. Самое важное изъ отвергнутыхъ этимъ теченіемъ ученій положительной религіи заключалось при этомъ, и это крайне характерно для жизнерадостнаго тона XVIII вѣка, въ ученіи о грѣховности человѣка съ его двумя существеннѣйшими моментами, ученіемъ о первородномъ грѣхѣ и ученіемъ объ искупительной смерти Христа. Отвергнувъ эти два пункта, религіозно-философская мысль XVIII вѣка тѣмъ самымъ перестала быть христіанской, точнѣе христіанской въ томъ смыслѣ, какъ понимали христіанство, начиная съ апостола Павла и связаннаго съ нимъ движенія, создавшаго всю христіанскую теологію и церковь. Да оно и понятно: тотъ, кто вѣрилъ съ Руссо въ возвышенность человѣческой природы, тотъ не могъ вѣровать согласно съ церковью въ ея органическую испорченность и грѣховность и не имѣлъ основанія искать внѣ человѣческой природы, внѣ человѣческаго разума и воли спасенія отъ собственнаго «я» и отъ міра.

Понятно, какое значеніе въ этомъ смыслѣ должны были имѣть разочарованія революціонной эпохи. Вѣра въ человѣка была серьезно поколеблена, сомнѣніе въ его разумѣ и волѣ стало всеобщимъ, за оптимистическимъ изображеніемъ человѣка-мудреца и святого, которому только внѣшнія условія мѣшаютъ проявить свою мудрую святость, поднялся грозный, страшный и жалкій образъ человѣка-звѣря. Испуганный обыватель отшатнулся отъ этого образа, вспомнилъ все то, что ему съ раннихъ лѣтъ твердили о грѣховности человѣка, о негодности его разума, объ испорченности его воли, и опять сталъ искать спасенія внѣ себя, т.-е. въ авторитетѣ, въ авторитетѣ той самой церкви, къ которой онъ недавно относился съ такимъ пренебреженіемъ и ненавистью, и которая въ его глазахъ пріобрѣла повышенный ореолъ благодаря той стойкости и упорству, которыя она проявила въ эпоху гоненій.

Характерной чертой произведеній двухъ наиболѣе вліятельныхъ и типичныхъ представителей реакціонной литературы этого времени, Жозефа де Местра и Бональда, является именно рѣзко религіозный и церковно-католическій характеръ ихъ аргументаціи.

Идея грѣховности человѣка и полной непособности его создать что-либо разумное безъ постояннаго руководства Божества проходитъ красной нитью черезъ

всѣ ихъ сочиненія. Въ этомъ именно смыслѣ полнаго тожества ихъ исходныхъ, основныхъ идей де Местръ могъ написать Бональду: «я ничего не думалъ, чего бы вы не написали, я ничего не написалъ, чего бы вы не думали».

Жозефъ де Местръ, савойскій аристократъ по происхожденію, долголѣтній посланникъ сардинскаго короля въ Петербургѣ, впослѣдствіи пэръ Франціи, родился въ 1754 г., т.-е. пережилъ революцію уже въ качествѣ вполнѣ сложившагося человѣка: ему было 35 лѣтъ, когда она началась. Лишенный ею своихъ средствъ и своего оффиціальнаго положенія—онъ занималъ высокую судебную должность такого же типа, какъ парламентская магистратура во Франціи,—онъ уже въ 1796 г. въ «Размышленіяхъ о французской революціи» формулировалъ свой взглядъ на происходившія во Франціи событія. Въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ, изъ коихъ наиболѣе важными были книги «О папѣ», о «Галликанской церкви» и «Петербургскіе вечера», онъ лишь дѣлалъ разнообразные выводы изъ одного и того же основного взгляда. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ де Местръ является непримиримымъ врагомъ ходячей философіи XVIII вѣка и въ частности Руссо и убѣжденнымъ сторонникомъ идеи авторитета,—идеи, которая въ немъ самомъ была такъ крѣпко заложена, что онъ въ юности читалъ лишь тѣ книги и тѣ страницы, которыя его мать ему позволила читать: будучи уже двадцатилѣтнимъ юношей и студентомъ туринскаго университета, онъ не открывалъ книги, не испросивъ разрѣшенія своей матери на ея прочтеніе. «Онъ будетъ всегда таковъ,—мѣтко замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ;—будучи старикомъ, онъ будетъ имѣть другую мать—церковь, у которой онъ попрежнему будетъ спрашивать, что ему читать и во что ему вѣровать».

Всѣ основныя политическія ученія XVIII вѣка, общественный договоръ, «Права человѣка и гражданина», народовластіе, равенство людей и гражданъ, идея писаной конституціи и идея ограниченія или тѣмъ болѣе упраздненія королевской власти, все это сплошной вздоръ. Что такое идея народовластія? Это фикція, которая придумана для того, чтобы устранить единственную дѣйствительную и разумную носительницу единства и послѣдовательности государственнаго развитія, т.-е. королевскую власть. Народъ по самому существу своему, какъ сумма отдѣльныхъ лицъ, не можетъ обладать ни единствомъ, ни послѣдовательностью воли, безъ которыхъ государство не можетъ существовать. То, что называютъ его волей, это математическій результатъ подсчета голосовъ и тотъ же самый деспотизмъ: во имя какого раціональнаго основанія можно требовать, чтобы 49000 человѣкъ подчинялись рѣшенію 50.000, съ которымъ они не согласны? Принципъ подсчета голосовъ не былъ бы несправедливъ только въ томъ случаѣ, когда онъ не нуженъ, т.-е. если бы люди были дѣйствительно равны; иначе говоря, если бы они были настолько схожи другъ съ другомъ, что въ каждомъ данномъ случаѣ они испытывали бы тѣ же чувства и руководились бы тѣми же мыслями. На самомъ же дѣлѣ люди рѣшительнѣйшимъ образомъ отличаются другъ отъ друга. Нѣтъ ничего болѣе нелѣпаго, чѣмъ идея человѣка вообще. «Въ мірѣ нѣтъ человѣка. Я видѣлъ въ своей жизни французовъ, итальянцевъ, русскихъ; благодаря Монтескье я знаю даже, что можно быть персіаниномъ; но что касается человѣка, то я заявляю, что я его не встрѣчалъ въ моей жизни; если онъ существуетъ, то безъ моего вѣдома». А разъ это такъ, то уже поэтому и идея общественнаго договора есть нелѣпость. Государство не есть продуктъ разсужденій—«ни-

когда ни одно общество не возникло изъ разсужденій»—государство это организмъ, который, подобно всякому организму, живетъ благодаря нѣкоей силѣ, заимствованной изъ далекаго прошлаго, котораго онъ не знаетъ, и благодаря внутреннему организующему принципу, котораго онъ также не знаетъ. Въ основѣ государственнаго бытія и развитія лежитъ не разсудочный договоръ извѣстнаго количества лицъ, которыя въ силу этого договора создаютъ націю, а великая тайна.

Но этого мало. Не только народовластіе и общественный договоръ суть фикціи, но и самая идея народнаго представительства покоится на смѣшеніи понятій. Въ ней смѣшивается идея представителя (représentant) съ идеей уполномоченнаго (mandataire). Представитель это тотъ, кто замѣняетъ лицо, неспособное дѣйствовать самолично. «Каждый день ребенокъ, безумный и отсутствующій замѣняются въ судахъ лицами, являющимися ихъ представителями, но получающими свои полномочія не отъ нихъ самихъ, а отъ закона. А народъ вѣдь соединяетъ въ высшей степени эти три качества, ибо онъ всегда ребенокъ, всегда безуменъ и всегда отсутствуетъ». Интересы народа должны имѣть представителя въ лицѣ короля, получающаго свои полномочія отъ Бога; самъ народъ никого не можетъ уполномочить быть его представителемъ.

Въ связи со всѣмъ этимъ падаетъ и идея конституціи. «Всякая писаная конституція ничтожна (est nulle)». Конституція данной страны не можетъ быть продуктомъ раціональнаго мышленія. Она есть продуктъ органическаго развитія народа и отраженіе его реальной жизни, или она есть фикція. Только та конституція прочна, происхожденіе которой теряется во мракѣ временъ, и содержаніе которой никогда не было влито въ строгую форму параграфовъ писанаго закона. Такова «достойная удивленія англійская конституція». Охотно, всѣмъ сердцемъ, активно люди повинуются только тому, что таинственно. Всякій писаный законъ вызываетъ критику; ему въ лучшемъ случаѣ повинуются, но его не почитаютъ, вѣрнѣе—ему не повинуются, ему уступаютъ. Но и независимо отъ этого писаный законъ по самому существу своему несправедливъ, ибо онъ слишкомъ абсолютенъ и недостаточно гибокъ для того, чтобы приспособляться къ каждому конкретному случаю.

Вся политика XVIII вѣка построена на ошибочномъ представленіи о человѣкѣ и на неправильномъ представленіи о государствѣ. Человѣкъ не есть умственно и нравственно совершенное существо, а государство не есть механическій аггрегатъ отдѣльныхъ людей, изъ коихъ каждый руководится правильно понятымъ собственнымъ интересомъ, когда создаетъ государство и служитъ ему. Центромъ государственной жизни является не идея интереса, а, во-первыхъ, чувство патріотизма, который по существу своему есть безусловная и съ разсудочной точки зрѣнія безпричинная слѣпая преданность своей странѣ, и, во-вторыхъ, національное преданіе. Франція не исчерпывается тридцатью милліонами людей, живущихъ между Пиренеями и Рейномъ; она состоитъ изъ сотенъ милліоновъ людей, которые здѣсь жили, живутъ и будутъ жить. Отечество—это союзъ живыхъ съ мертвыми и съ тѣми, кто будетъ жить въ той же странѣ. И мертвые имѣютъ въ немъ больше значенія, чѣмъ живые. Это они расчистили поле и построили домъ; воспоминаніе о нихъ создаетъ постоянство идеи отечества, отличаетъ отечество отъ кратковременнаго союза, готоваго ежеминутно распасться. И тутъ, такимъ образомъ, въ основаніи опять лежитъ тайна.

Внѣшнимъ выраженіемъ этого таинственнаго единства является единая коро-

левская власть одной династіи, постоянство власти которой служитъ символомъ вѣчности націи. Чѣмъ древнѣе династія, тѣмъ лучше для народа. Власть, существующая со вчерашняго дня, будетъ такъ же непрочна, такъ же подвержена критикѣ, какъ писаная конституція. Въ основѣ ея снова должна лежать тайна.

Эта королевская власть должна быть неограничена. Такова воля Божества; этого требуютъ единство и постоянство государственнаго развитія; только такая власть, не связанная никакимъ закономъ, способна смягчать односторонность и жесткость самаго закона. Но это отнюдь не значитъ, что королевская власть должна быть деспотична. «Вы говорите, что народы будутъ нуждаться въ сильныхъ правительствахъ,— пишетъ де Местръ одному изъ сторонниковъ деспотизма.—Если монархія вамъ кажется тѣмъ болѣе сильной, чѣмъ она неограниченнѣе, въ такомъ случаѣ Неаполь, Мадридъ и Лиссабонъ должны вамъ казаться крѣпкими правительствами... Будьте увѣрены, что для укрѣпленія монархіи необходимо обосновать ее на законахъ и избѣгать произвола».

Королевская власть не должна быть ограничена ни конституціонными правами народа, ни правами сильной знати. «Въ Европѣ нѣтъ больше знати (de grands)». Да и вообще идея правъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ группъ людей есть идея ложная. Власть должна быть обосновываема не на идеѣ права, а на идеѣ обязанности. Обязанность народа заключается въ преданности и повиновеніи отечеству и его представителю, королю, который самъ лишь органъ Божества. Обязанность знати заключается въ томъ, чтобы быть посредниками между королемъ и народомъ. Съ одной стороны, знать представляетъ «продолженіе суверенитета» (un prolongement de la souveraineté) и является хранительницей «консервативныхъ истинъ»; съ другой стороны, она должна быть выразительницей народныхъ интересовъ передъ престоломъ. Образуя какъ бы семейный совѣтъ короля, она постоянно должна проповѣдывать народамъ благодѣянія власти и королямъ благодѣянія свободы. Какъ дѣти сообщаютъ о своихъ наблюденіяхъ отцу, такъ знать должна окружать своими совѣтами короля, но она не должна его ограничивать.

Если говорятъ о неограниченной власти королей, то это неточно. Неограничена не ихъ власть, а ихъ обязанности. Какъ лучшее украшеніе знатности заключается въ томъ, что она обязываетъ (noblesse oblige!), такъ то же самое въ еще большей степени относится къ королямъ. Чѣмъ безграничнѣе власть королей, тѣмъ неограниченнѣе лежащая на нихъ отвѣтственность передъ тѣмъ, кто ихъ поставилъ надъ людьми, т.-е. передъ Богомъ. Въ самой идеѣ королевскихъ обязанностей и королевской отвѣтственности заключается самое серьезное ограниченіе ихъ власти, ограниченіе болѣе серьезное, чѣмъ измѣнчивое общественное мнѣніе или хрупкая конституція. Только Богъ, но зато самъ Богъ, привлекаетъ королей къ отвѣту.

А выразителемъ божественной воли на землѣ являются единоспасающая католическая церковь и ея верховный непогрѣшимый вождь, папа. Это не значитъ, чтобы король долженъ былъ бы быть рабомъ церкви, ея исполнительнымъ органомъ или подданнымъ. Король имѣетъ свою власть не отъ папы, а отъ Бога. Онъ долженъ подчиняться не папѣ, а той божественной истинѣ, хранительницей которой на землѣ являются церковь и папа. Какъ провести практически грань между

подчиненіемъ папѣ и подчиненіемъ божественной истинѣ, которую формулируетъ папа, это остается, правда, неяснымъ.

Эта практическая неясность не есть, разумѣется, единственное недоговоренное мѣсто у де Местра. Но, несмотря на всѣ его недомолвки и бьющіе въ глаза софизмы, среди которыхъ тонутъ многія справедливыя замѣчанія, разсыпанныя въ его трудахъ, его доктрина пріобрѣла огромное вліяніе и уступала въ этомъ отношеніи только доктринѣ Бональда.

Въ одномъ существенномъ пунктѣ, въ своеобразномъ культѣ таинственнаго и ирраціональнаго, теорія де Местра близко сходится съ «Геніемъ христіанства» и съ тѣмъ неопредѣленнымъ антиразсудочнымъ теченіемъ, выразителемъ котораго былъ Шатобріанъ. Какъ нѣкогда блаженный Тертулліанъ, такъ теперь де Местръ прямо объявляетъ ирраціональность основнымъ признакомъ высшей правды. «Я вѣрю, потому что это абсурдъ», говорилъ Тертулліанъ въ III вѣкѣ. Критеріемъ разума, говоритъ де Местръ, является очевидная доказанность (évidence) какого-либо положенія, а между тѣмъ «всякая кажущаяся очевидной истиной теорія находится въ противорѣчіи съ опытомъ». Вотъ примѣръ: «Теоретически нѣтъ ничего болѣе экстравагантнаго, чѣмъ наслѣдственная монархія. Если бы мы никогда ничего не слыхали о правительствѣ, и если бы пришлось выбирать какое-нибудь, тотъ былъ бы признанъ безумнымъ, кто сталъ бы колебаться между наслѣдственной и выборной монархіей (въ пользу первой). А между тѣмъ мы по опыту знаемъ, что первая, если принять во вниманіе совокупность фактовъ, есть наилучшее, что можно было бы придумать, а вторая наихудшее». Вотъ другой болѣе поразительный примѣръ. Теоретически закономъ міровой жизни должна быть справедливость, практически міръ построенъ на сплошной несправедливости. Черезъ весь міръ красной нитью проходитъ не господство разума, а господство силы; все, люди, животныя, растенія, каждый живетъ гибелью другихъ; каждый изъ насъ отвѣчаетъ не только за самого себя, а за всѣхъ, и зло (первородный грѣхъ!) переносится съ виновника на его невинное потомство. Міръ есть не воплощенное добро, а воплощенное зло, не воплощенный разумъ, а воплощенное безуміе. Это отнюдь не противорѣчитъ по мнѣнію де Местра христіанскому ученію, ибо все зло въ мірѣ ниспослано Божествомъ въ качествѣ наказанія и испытанія, какъ результатъ того оскорбленія Божества, которое содержалось въ первородномъ грѣхѣ. Все это чрезвычайно таинственно и ирраціонально, но именно поэтому это правда. Руководиться разумомъ значитъ безпрерывно ошибаться; надо руководиться ирраціональной вѣрой. Къ чему привело Францію во время революціи ея желаніе руководиться разумомъ?

Разумъ—вотъ врагъ, врагъ не только де Местра, но и Бональда. Какъ де Местръ, пожалуй, еще больше, чѣмъ де Местръ, Бональдъ убѣжденъ въ безусловномъ ничтожествѣ человѣка, который не только не могъ бы достигнуть никакихъ успѣховъ, но не могъ бы и удержать ихъ безъ постояннаго руководства и вмѣшательства Творца. Твореніе не есть совершившійся фактъ; оно не кончилось, оно безпрерывно продолжается, и только оно двигаетъ міръ впередъ, а не грѣховная воля или ничтожный разумъ человѣка. Все, чѣмъ кичится человѣкъ, искусства, общество, семья, его рѣчь и его мысль, все изобрѣтено и создано непосредственно самимъ Богомъ. Человѣкъ былъ чистымъ листомъ бумаги и наполнилъ его содержаніемъ Богъ, а не его

собственныя ощущенія, какъ училъ Кондильякъ. «Такъ какъ люди комбинируютъ идеи, они думаютъ, что они мыслятъ,—такъ излагаетъ теорію Бональда одинъ французскій писатель.—Это ошибка. Они располагаютъ, нанизываютъ, связываютъ, разъединяютъ и снова приводятъ въ порядокъ идеи, которыя имъ разъ навсегда даны Богомъ вмѣстѣ съ нѣкоторой свободой играть ими. Вотъ и все. По существу они всегда думаютъ Божью думу, они мыслятъ одну единственную мысль». Дѣло въ томъ, что мысль не можетъ существовать безъ рѣчи, а рѣчь со всѣми ея элементами, т.-е. со всѣми идеями, не есть продуктъ развитія, а непосредственный даръ Бога, ибо для того, чтобы изобрѣсть рѣчь, надо имѣть представленіе о ней, а между тѣмъ безъ рѣчи нѣтъ представленій. Точно также и общество. Если бы Богъ не создалъ общества, то его бы никогда не было, ибо человѣкъ внѣ общества не можетъ создать общества: вѣдь тогда общество было бы результатомъ обсужденія вопроса объ его созданіи между людьми, а между тѣмъ всякое обсужденіе уже предполагаетъ наличность общества.

Внѣ Бога и его постояннаго руководства, такимъ образомъ, нѣтъ возможности человѣческаго существованія. Всякая попытка обойтись безъ божественнаго руководства или дѣйствовать ему наперекоръ, всякая попытка обратиться къ индивидуальному разуму вопреки божественной традиціи, заключенной и постоянно проявляющейся въ языкѣ и въ обществѣ, есть безуміе. Задача человѣка заключается въ томъ, чтобы, отказавшись отъ всякаго личнаго умствованія и изобрѣтательства, искать самое чистое, самое неоспоримое, самое древнее преданіе. Таковымъ является христіанство, основныя идеи котораго такъ же стары, какъ міръ, который, между прочимъ, вовсе не такъ старъ, какъ насъ хотятъ увѣрить геологи и астрономы. Язычество есть не что иное, какъ продуктъ вырожденія наказанныхъ Богомъ за грѣхи ихъ прародителей народовъ.

Изъ догматовъ христіанскаго ученія наибольшую роль играетъ у Бональда догматъ троичности Божества. Число три играетъ всюду—и въ понятіи Бога, и въ мірѣ, и въ государствѣ, и въ семьѣ—необычайную роль. Всякое явленіе въ мірѣ должно быть разсматриваемо сквозь призму этого числа: причина, средство, эффектъ или власть, исполнители, подданные (pouvoir, ministre, sujet), вотъ тѣ, укладывающіяся въ мистическую троицу, точки зрѣнія, съ которыхъ слѣдуетъ разсматривать всякое явленіе. Вотъ примѣры. Что такое міръ? Причина (и власть)—Богъ, средство или, въ данномъ случаѣ, посредникъ (и исполнитель)—Христосъ, эффектъ (и подданный)—міръ. Что такое человѣкъ? Причина—душа, средство—органы, эффектъ—сохраненіе и воспроизведеніе. Что такое государство? Причина (и власть)—король, средство (и исполнитель)—патриціатъ, эффектъ—сохраненіе и воспроизведеніе людей (или подданный—народъ). Что такое семья? Причина—мужъ, средство—жена, эффектъ—дѣти.

Поразительно ребяческій характеръ этихъ схоластическихъ разсужденій не мѣшаетъ Бональду высказывать ихъ съ полной увѣренностью въ ихъ неопровержимости и глубинѣ и дѣлать изъ нихъ весьма существенные выводы. Разъ король есть причина и власть, а патриціатъ, состоящій изъ знати, духовенства и судебной магистратуры, средство и исполнитель, то этимъ уже предуказывается въ то же время характеръ единственно правильной государственной организаціи. Существуетъ только

одна конституція—все, что ей противорѣчитъ, равносильно отсутствію конституціи—и сущность ея заключается въ единствѣ власти. Въ отличіе отъ де Местра Бональдъ поэтому глубоко презираетъ Англію. «Одна вѣра, одинъ король, одинъ законъ» (un roi, une loi, une loi)—вотъ его девизъ.

Теоретически и онъ, однако, отнюдь не понимаетъ неограниченную власть какъ простой деспотическій произволъ. Бональдъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о старомъ порядкѣ и радикально не согласенъ съ тѣми, кто видитъ въ немъ голый деспотизмъ. Какъ-разъ наоборотъ. Не послѣ, а именно до революціи интересы подданныхъ были наилучшимъ образомъ защищены отъ произвола. Тогда существовали истинно-свободные суды, парламенты, должности въ которыхъ передавались по наслѣдству, а не замѣщались по избранію или по назначенію, и доступъ въ которые въ то же время не былъ закрытъ ни для кого, кто пріобрѣталъ надлежащія данныя, а именно матеріальную независимость и знанія, чтобы проникнуть въ ряды магистратуры. Тогда существовали основанныя точно также на правѣ собственности, т.-е. независимыя отъ каприза власти, вольности провинцій, городовъ, корпорацій, наконецъ, отдѣльныхъ лицъ. «Все это было собственностью. Право собственности, отдѣлявшее, какъ непроходимый барьеръ, слабыхъ отъ сильныхъ, образовывало вокругъ монарха ограду, черезъ которую онъ не могъ перешагнуть». Ошибочно думать, что свобода или вольности могутъ быть дарованы. Онѣ могутъ быть только пріобрѣтаемы собственнымъ усиліемъ. То, что называютъ привилегіями, есть лишь формальное закрѣпленіе пріобрѣтенныхъ правъ на свободу, и никому не возбранялось тогда проложить себѣ путь къ привилегіямъ. Странно предполагать, напр., что французское дворянство было замкнутой кастой: «Конституція говорила всѣмъ частнымъ семьямъ: когда вы исполните ваше предназначеніе въ домашней жизни, которое заключается въ томъ, чтобы пріобрѣсть независимость путемъ труда, порядка и экономіи; когда вы пріобрѣтете достаточно, чтобы не нуждаться болѣе въ другихъ и быть въ состояніи служить государству на свой счетъ, тогда высшая честь, на которую вы можете претендовать, заключается въ томъ, чтобы поступить на службу къ государству, и съ этого момента вы пріобрѣтаете право на всѣ государственныя функціи». Такимъ образомъ, знать была въ сущности демократическимъ учрежденіемъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была свободна отъ плутократическаго духа: надо было пріобрѣсть средства, чтобы имѣть возможность поступить въ ряды знати, но, разъ проникнувъ въ знать, надо было всецѣло сосредоточиться на служеніи государству, съ чѣмъ несовмѣстимо дальнѣйшее стремленіе къ обогащенію.

Итакъ, старый порядокъ не былъ деспотіей, ибо онъ долженъ былъ считаться съ пріобрѣтенными вольностями. Помимо всего указаннаго, тогда вѣдь существовали вдобавокъ и генеральные штаты, къ которымъ Бональдъ относится безъ особаго сочувствія, но которые давали возможность произвести въ крайнихъ случаяхъ смотръ наличнымъ, явнымъ и скрытымъ силамъ страны и все же не имѣли претензіи раздѣлять власть съ королемъ.

Отъ всѣхъ этихъ истинныхъ преградъ для деспотизма не осталось ничего, и это результатъ революціи. Нѣтъ больше ни настоящей знати, ни крѣпкой организаціи духовенства, ни парламентовъ, ни провинціальныхъ, городскихъ и иныхъ вольностей. Всѣ они замѣнены всеподавляющей машиной однообразной бюрократіи. А

то, что появилось взамѣнъ ихъ, идея народнаго представительства, есть ошибка и, хуже чѣмъ ошибка, отрицаніе основного жизненнаго принципа государственной власти, ея единства.

Это единство государственной власти должно быть возстановлено. Должна быть возстановлена неограниченная королевская власть. Но она должна быть возстановлена не одна хотя бы уже потому, что она одна не могла бы справиться со всѣми своими врагами. Необходимо возстановить еще другое, а именно вліяніе знати и духовенства. Подобно тому, какъ въ человѣческомъ организмѣ есть функціи, независимыя отъ воли человѣка и могущія быть уничтоженными этой волей только въ случаѣ самоубійства, напр., кровообращеніе или пищевареніе, такъ и въ государствѣ должны существовать независимыя отъ государства организаціи, имѣющія свое собственное право на бытіе и служащія государству, не получая импульса отъ его главы. Уничтоженіе такихъ организацій можетъ быть лишь результатомъ «безпорядочнаго и насильственнаго дѣйствія, которое равнялось бы своего рода соціальному самоубійству».

Особенно велико будетъ въ дѣлѣ реставраціи значеніе духовенства. Необходимо искоренить дурныя, антихристіанскія революціонныя наклонности. «До сихъ поръ религія разсматривалась какъ потребность человѣка; пора взглянуть на нее какъ на общественную необходимость».

Дѣла у защитниковъ «одной вѣры, одного короля, одного закона» будетъ много. Ядъ мятежнаго духа давно уже разъѣдаетъ европейское общество. Не революція и не философія XVIII вѣка представляютъ его первое проявленіе; онъ содержался уже въ картезіанствѣ съ его исходными сомнѣніями. «Возвышенные умы имѣютъ по своей природѣ тенденцію къ абсолютной истинѣ (vers l'absolu) и стремятся постоянно упростить (simplifier) свои идеи... Сомнѣніе, на которомъ успокаиваются посредственные умы, является для сильныхъ умовъ тѣмъ же, чѣмъ для сильныхъ характеровъ является состояніе безпокойства и неувѣренности, примириться съ которымъ они не способны». Но первымъ крупнымъ проявленіемъ зла былъ протестантизмъ, а подготовило его появленіе разложеніе средневѣковой системы съ его упадкомъ сословнаго начала, съ развитіемъ ненавистныхъ Бональду городовъ, съ упадкомъ господствующаго значенія земледѣлія. Только земледѣльческій бытъ развиваетъ и сохраняетъ въ людяхъ настоящую религіозность, которая и является вѣрнѣйшей основой истиннаго государственнаго строя. Для характеристики малой глубины религіознаго чувства, т.-е. истинной религіозности Бональда, ничто, кстати сказать, не можетъ быть такъ характерно, какъ его объясненіе особой религіозности земледѣльческаго класса. Оказывается, она объясняется тѣмъ, что земледѣльческіе продукты сохраняются на виду у всѣхъ, а потому могутъ быть спасены отъ расхищенія только религіознымъ страхомъ!

Если де Местръ хотѣлъ возвратить Европу къ временамъ неограниченнаго хозяйничанія папъ и послушныхъ имъ, какъ хранителямъ божественной истины, королей, то Бональдъ вздыхалъ, такимъ образомъ, о добромъ старомъ времени натуральнаго или домового хозяйства. Промышленность и торговля постоянно внушаютъ ему враждебное чувство, и онъ вовсе не согласенъ съ тѣми, кто считаетъ ихъ хотя бы и зломъ, но зломъ неизбѣжнымъ. Они вообще, изобрѣтеніе машинъ въ

частности, представляются ему несчастіемъ для Франціи. Города въ его глазахъ центры революціонной заразы, и для спасенія дѣтей отъ нея необходимо устраивать школы не въ нихъ, а въ деревняхъ.

Задача законодателя заключается въ томъ, чтобы возможно ближе вернуться къ старымъ порядкамъ. Неправильно думать, будто законодатель долженъ считаться съ условіями времени и съ ходомъ историческаго развитія. Бональдъ глубоко презираетъ исторію. «Тѣ, кто въ дѣлахъ управленія исключительно руководится историческими фактами и тѣмъ, что они называютъ опытомъ, а не принципами, которые научаютъ связывать факты и извлекать изъ нихъ опытъ, тѣ вполнѣ походятъ на мореплавателей, которые не захватили бы съ собой ни компаса, ни буссоли, а исключительно разсказы о путешествіяхъ и дневники моряковъ». Если естественныя науки ведутъ отчасти къ зоолатріи (культу животныхъ), отчасти къ бестіальности, то историческія науки способны только запутать умъ и запугать его. Врагъ раціоналистовъ XVIII вѣка Бональдъ самъ былъ самымъ крайнимъ раціоналистомъ по методу своихъ разсужденій.

Въ этомъ отношеніи онъ идетъ еще гораздо дальше де Местра. Несмотря на всѣ свои подчасъ удивительные парадоксы, де Местръ все же понималъ, что революція представляетъ неустранимый фактъ огромнѣйшей важности въ исторіи европейскихъ народовъ, и въ отдѣльныхъ своихъ сужденіяхъ по поводу тѣхъ или иныхъ конкретныхъ фактовъ политической жизни проявлялъ нерѣдко большой практическій смыслъ. Бональдъ и на практикѣ и въ теоріи былъ такимъ же, лишеннымъ всякаго чувства дѣйствительности, раціоналистомъ-фантазеромъ, какимъ де Местръ былъ преимущественно въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ.

Самая любопытная особенность и того и другого—это ихъ близкое духовное родство съ доктринерами XVIII вѣка. Несмотря на діаметральную противоположность ихъ исходной точки, оба также ставятъ абстрактные вопросы объ абсолютныхъ достоинствахъ какой-либо формы государственной и общественной жизни и такимъ же путемъ логическихъ дедукцій развиваютъ и защищаютъ свою мысль, какъ, напр., Руссо. Если въ ихъ разсужденіяхъ и въ особенности въ разсужденіяхъ де Местра содержится иногда зерно истины или даже крупная истина, которая осталась незамѣченной въ XVIII вѣкѣ, то они обязаны этимъ не болѣе тщательному изученію человѣка и человѣческаго общества—ни тотъ, ни другой не понимаютъ значенія такого изученія,—а отчасти разрозненнымъ наблюденіямъ временъ революціи, отчасти тому, что логическая дедукція изъ ихъ односторонней истины могла также точно дать нѣкоторые цѣнные результаты, какъ и логическая дедукція изъ односторонней истины ихъ противниковъ. Или точнѣе: исходя изъ своего основного положенія, они могли быть подготовлены къ незамѣтному для нихъ самихъ воспріятію такихъ фактовъ жизни, которые ускользали отъ вниманія ихъ противниковъ, которые, въ свою очередь, оказались болѣе чуткими въ другихъ областяхъ. Какъ реакція противъ односторонностей XVIII вѣка, ихъ теоріи поэтому имѣютъ свое историческое значеніе, сами же по себѣ онѣ не представляютъ шага впередъ: помимо возрожденія интереса къ религіозному творчеству они почти не расширяютъ постановки проблемъ, выдвинутыхъ ихъ предшественниками, а то, что они даютъ взамѣнъ доктринъ послѣднихъ, именно вслѣдствіе этого не построено на

болѣе прочномъ базисѣ. Да и въ области религіознаго вопроса ихъ точка зрѣнія поражаетъ своей узостью, архаичностью и условностью.

Но какъ бы ни оцѣнивать ихъ труды, де Местръ и Бональдъ были наиболѣе видными представителями того общественнаго движенія, которое нашло себѣ выраженіе въ политикѣ эпохи реставраціи, и которому чрезвычайно быстро удалось снова оттолкнуть отъ себя болѣе широкіе слои общества, столь склонные въ началѣ вѣка искать спасенія въ возстановленіи религіознаго и политическаго авторитета.

Соображенія и настроенія, руководившія этими общественными слоями, когда они привѣтствовали сначали имперію, а потомъ бросились въ объятія легитимной монархіи Бурбоновъ, и которыя стоятъ въ самой тѣсной связи съ тѣмъ поворотомъ въ сторону религіи и авторитета, о которомъ выше было сказано, изображены съ большой силой въ знаменитой рѣчи одного изъ вождей французскихъ легитимистовъ временъ второй республики и второй имперіи, въ рѣчи Берріе (Berryer), произнесенной имъ въ національномъ собраніи 14 іюля 1851 г. при обсужденіи вопроса о ревизіи конституціи въ интересахъ Наполеона III.

«Хотите ли вы, господа,— говорилъ онъ,—чтобы я вамъ изложилъ мою исповѣдь?.. Я пережилъ въ своей жизни четыре великія формы государственной власти. Моя юность совпала съ эпохой замѣчательной государственной организаціи имперіи, и мое воображеніе, моя молодая горячность увлекались созданнымъ ею положеніемъ, которое вознесло такъ высоко величіе націи, среди которой я родился. А! это меня привлекало; я былъ добрымъ имперіалистомъ, когда мнѣ было 18 лѣтъ; я былъ еще имперіалистомъ и 20 лѣтъ. О! эта слава имперіи! Но вѣдь я вышелъ изъ коллежа при звукѣ пушекъ іенскаго боя, и чья голова не была тогда очарована? Но я наблюдалъ жизнь: я тогда былъ студентомъ... Я началъ понимать, я почувствовалъ деспотизмъ, и онъ сталъ мнѣ ненавистенъ. Я не дождался его паденія, чтобы придти къ этому убѣжденію; у меня тутъ (среди депутатовъ) есть друзья дѣтства, и они знаютъ, что еще до паденія имперіи я имъ говорилъ: вы не отдаете себѣ отчета въ нашемъ правительствѣ; оно ненавистно, оно невыносимо! Слава не покрываетъ этого (т.-е. деспотизма)!.. Итакъ, я почувствовалъ деспотизмъ, и онъ испортилъ въ моихъ глазахъ славу. А затѣмъ я видѣлъ, какъ мало можно разсчитывать на постоянныя побѣды; я видѣлъ какъ наши пораженія довели иностранцевъ до Парижа; я видѣлъ, какъ великая правительственная система, огромное могущество, покоившееся на одномъ человѣкѣ, исчезли, исчезли въ одинъ день, потому что мечъ его былъ сломленъ, и потому что онъ однажды не былъ тріумфаторомъ. Не было болѣе правительства, не было законовъ; вмѣстѣ съ однимъ человѣкомъ все гибло, все исчезало. Вотъ когда я понялъ, что горе народамъ, существованіе которыхъ покоится по очереди на измѣнчивости народныхъ страстей или на главѣ одного единственнаго человѣка! Я понялъ тогда необходимость принципа.

Я посвятилъ мою жизнь убѣжденію, которое я воспринялъ моимъ юнымъ опытомъ; я увѣровалъ въ способность принципа сохранить, удержать, развивать, сдѣлать могущественнымъ человѣческое общество, а не власть королей... Они рѣдки, эти великіе геніи, которыхъ наслѣдственность возводитъ на престолъ, они рѣдки, слишкомъ рѣдки. Благодаря благодѣянію небесъ въ ихъ крови можетъ со-

вершаться передача доброжелательныхъ и отеческихъ чувствъ, любви къ странѣ, ревности за страну, въ которой они родились; это обыкновенное, это традиціонное явленіе; но какъ бы тамъ ни было, вѣдь и великіе короли, обязанные своимъ положеніемъ самимъ себѣ, тоже не многочисленны. Принципъ, наоборотъ, принципъ, который обезпечиваетъ устойчивость власти, который въ силу этого обезпечиваетъ свободу и смѣлость великаго народа подъ сѣнью серьезно и прочно установленнаго и не оспариваемаго порядка—о! я понимаю его могучее значеніе не для интересовъ личности короля, а для интересовъ народа. Вотъ какъ я понялъ этотъ принципъ, въ какомъ смыслѣ я къ нему привязался, въ какомъ смыслѣ я посвятилъ себя ему. Я сталъ тогда роялистомъ, роялистомъ по принципу, національнымъ роялистомъ, я сталъ роялистомъ (простите мнѣ это выраженіе и не смѣйтесь, потому что вы оскорбили бы этимъ смѣхомъ самое истинное, самое глубокое, самое искреннее изъ моихъ чувствъ), я сталъ роялистомъ, потому что я патріотъ, очень хорошій патріотъ»!

Принципъ, о которомъ говорилъ Берріе съ воодушевленіемъ, искренность котораго нетрудно распознать и теперь при чтеніи его рѣчи, это принципъ легитимизма. Разсужденія блестящаго оратора и выдающагося адвоката Берріе практически совпадаютъ съ ученіями де Местра и Бональда и грѣшатъ тѣмъ же страннымъ, логически несообразнымъ и лишь психологически понятнымъ противорѣчіемъ, которое можно было замѣтить и у нихъ. Такъ же, какъ и они, онъ считаетъ необходимымъ возстановленіе законной власти Бурбоновъ во всемъ ея объемѣ, строгую наслѣдственность власти Божьей милостію; такъ же, какъ и они, онъ придаетъ этой власти патріархальный, отеческій характеръ со всей юридической неограниченностью и заботливой строгостью отцовской власти; такъ же, какъ и они, онъ подчеркиваетъ ея служебный характеръ; такъ же, какъ и они, онъ рѣзко отрицаетъ деспотизмъ и полагаетъ, что неограниченная власть монарха совмѣстима съ свободою народа. Такъ же, какъ и они, наконецъ, онъ былъ строгимъ католикомъ и ревнителемъ всеобъемлющаго вліянія церкви на народную жизнь.

Въ извѣстномъ смыслѣ этотъ плебей по происхожденію для насъ даже болѣе характеренъ и интересенъ, чѣмъ его аристократическіе собратья. Будучи не аристократомъ, а виднымъ представителемъ одной изъ наиболѣе независимыхъ либеральныхъ профессій и не принадлежа по своему возрасту къ поколѣнію де Местра и Бональда (Бональдъ родился такъ же, какъ де Местръ, въ 1754 году, т.-е. былъ всего на пять лѣтъ моложе Мирабо и на пять же лѣтъ старше Дантона), Берріе не можетъ быть заподозрѣнъ въ личныхъ интересахъ феодаловъ XVIII вѣка и долженъ быть признанъ болѣе типичнымъ для того общественнаго движенія, которое совершалось въ началѣ XIX вѣка, чѣмъ они. То, къ чему онъ стремился, обезпеченіе народной свободы и народнаго благоденствія подъ сѣнью неограниченной власти, страдало роковымъ внутреннимъ противорѣчіемъ, но именно взгляды и жизнь Берріе являются однимъ изъ лучшихъ доказательствъ въ пользу того, что мысль о возможности примирить эти противоположности отнюдь не служила фальшивымъ прикрытіемъ голыхъ сословныхъ интересовъ и простого сочувствія къ неограниченному произволу.

Личность и взгляды Берріе служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы переходнымъ звеномъ отъ легитимизма Бональда къ легитимизму такъ наз. доктринеровъ, иначе

говоря, такихъ несомнѣнныхъ, хотя и весьма умѣренныхъ либераловъ и сторонниковъ конституціонной идеи, какъ Ройэ-Колларъ, Гизо, Жорданъ, де Серръ и ихъ не особенно многочисленные, но вліятельные друзья, о которыхъ еще будетъ дальше рѣчь.

Какъ бы ни оцѣнивать внутреннее достоинство теорій строгихъ легитимистовъ, общественное теченіе было благопріятно для нихъ, когда власть Людовика XVIII была «возстановлена» въ 1814 г., и именно оно обезпечило королю радушный, а нерѣдко и восторженный пріемъ, который достался на его долю, когда онъ снова послѣ почти двадцатипятилѣтняго отсутствія вернулся въ «свое» королевство, до послѣдней степени утомленное безконечными войнами «узурпатора» и страшнымъ гнетомъ его военно-бюрократическаго деспотизма.

ГЛАВА IV.

Внутренняя политика реставраціи и возрожденіе оппозиціоннаго настроенія.

Внутреннія противорѣчія новаго порядка, созданнаго возвращеніемъ Людовика XVIII и октроированной имъ хартіей, проявились съ поразительной быстротой.

Эти противорѣчія заключались отчасти въ административно-политической организаціи государства, отчасти въ глубокомъ разладѣ навыковъ, интересовъ и тенденцій разныхъ слоевъ общества.

Хартія Людовика XVIII создавала снабженное довольно значительными правами народное представительство на базисѣ чрезвычайно узкаго избирательнаго права и на ряду съ всемогущей бюрократіей.

Согласно хартіи король раздѣляетъ верховную власть съ двумя палатами, палатой назначенныхъ королемъ наслѣдственныхъ или пожизненныхъ пэровъ Франціи и палатой депутатовъ: законы проходили черезъ обѣ палаты и только съ ихъ согласія могли восходить на санкцію короля. Король созывалъ палаты, отсрочивалъ ихъ засѣданія, могъ распустить палату депутатовъ и назначить новые выборы. Палаты имѣли право контролировать дѣятельность министровъ и привлекать ихъ къ отвѣтственности. Предѣлы надзора — въ порядкѣ ли одной только закономѣрности, или также и цѣлесообразности дѣйствій министровъ—и формы министерской отвѣтственности—была ли то отвѣтственность только уголовная, или также политическая—не были выяснены. Самымъ существеннымъ ограниченіемъ полномочій палатъ было отсутствіе у той и другой права законодательной иниціативы и права вносить поправки въ предлагаемые на ихъ разсмотрѣніе законопроекты. Въ общихъ чертахъ, однако, основныя положенія хартіи соотвѣтствовали въ этой области англійской конституціи.

Хартія устанавливала въ то же время чрезвычайно высокій активный и пассивный избирательный цензъ: активнымъ избирательнымъ правомъ обладали лица не моложе 30 лѣтъ, платившіе не менѣе 300 франковъ прямыхъ налоговъ, пассивнымъ—лица не моложе 40 лѣтъ, платившіе не менѣе 1000 франковъ прямыхъ налоговъ. Общее количество избирателей доходило всего до 88000 человѣкъ (и возросло къ 1830 г. до 110000 человѣкъ); общее количество могущихъ быть избранными не превышало 14000 человѣкъ, тогда какъ общее количество французскаго

населенія доходило до 30 милліоновъ, изъ коихъ не менѣе 7 милліоновъ взрослыхъ мужинъ. При такихъ условіяхъ участіе въ политической жизни или принадлежность къ тому, что тогда называли характернымъ терминомъ «страны въ законномъ смыслѣ» (pays légal), было рѣдчайшей привилегіей, достававшейся на долю только очень состоятельныхъ людей; вопросъ о томъ, будутъ ли депутаты избираться путемъ прямого или двустепеннаго голосованія, въ сущности терялъ значеніе.

Если прибавить къ этому, что хартія не обезпечивала ни свободы собраній, ни свободы союзовъ, и что законодательство о печати, свобода которой была формально признана хартіей, помимо цѣлаго ряда другихъ нарушеній этой свободы предъявляло газетамъ такія денежныя требованія (200000 франковъ залога, гербовый или штемпельный сборъ съ каждаго экземпляра по 10 сантимовъ и почтовый сборъ съ каждаго экземпляра по 5 сантимовъ), которыя дѣлали газету недоступной подавляющему большинству гражданъ, то получится полная картина совершенной оторванности массы населенія отъ политической жизни. Лишенная политическихъ правъ масса населенія, судьбу которой въ данномъ случаѣ раздѣляютъ впрочемъ и избиратели, вдобавокъ подчинена централизованной до послѣдней степени бюрократіи, окончательно сложившейся при Наполеонѣ. Самъ Наполеонъ однажды сказалъ: «при содѣйствіи моихъ префектовъ, моихъ жандармовъ, моихъ священниковъ я могу сдѣлать все, что захочу» и если въ этомъ и было преувеличеніе, то тенденція созданной имъ административной организаціи охарактеризована этими словами совершенно точно. Никакой тѣни самоуправленія ни въ одной области государственной жизни: повсюду назначенныя центромъ и отвѣтственныя только передъ нимъ должностныя лица, послушные исполнители всѣхъ велѣній императора и его министровъ, строгіе владыки по отношенію къ населенію. Всякая попытка привлечь ихъ къ отвѣтственности помимо воли министровъ должна разбиться о пресловутую ст. 75 конституціи VIII года, отмѣненную только послѣ паденія второй имперіи въ 1870 г.,—статью, согласно которой ни одно должностное лицо не можетъ быть предано суду безъ разрѣшенія его начальства, тогда какъ всякая попытка самихъ должностныхъ лицъ отстоять свою самостоятельность, въ свою очередь, разбивается о безусловное право начальства увольнять подчиненныхъ безъ объясненія причинъ. Вся эта система была цѣликомъ воспринята Людовикомъ XVIII, о которомъ въ этомъ смыслѣ справедливо говорили, что онъ «легъ въ кровать Наполеона». Теоретическое сочувствіе легитимистовъ къ вольностямъ XVIII вѣка, которое проявляется, какъ выше было указано, даже и у Бональда, не привело ни къ какимъ практическимъ результатамъ въ смыслѣ реорганизаціи административной системы. Было бы, впрочемъ, несправедливо усматривать въ этомъ доказательство сознательной лживости ихъ теорій. Вопросъ о децентрализаціи былъ поднятъ раньше всего именно роялистами, но правильное разрѣшеніе его встрѣчало два непреоборимыхъ препятствія: во-первыхъ, совершенно естественное стремленіе королевской власти не потерять главной опоры своего могущества, во-вторыхъ, невозможность создать въ новой демократической по своему соціальному строю Франціи ту именно форму феодально-аристократическаго самоуправленія, которая одна только и соотвѣтствовала бы основнымъ взглядамъ легитимистовъ.

Какъ бы тамъ ни было, изъ сказаннаго ясно, какое искушеніе заключалось для королевской власти въ такой административной организаціи на случай серьезнаго

конфликта ея съ палатой депутатовъ. Выдвинуть противъ палаты, опирающейся на сто тысячъ человѣкъ, всю огромную силу администраціи (и войска), не значитъ ли это выставить противъ ничтожной кучки людей всю мощь государства, не значитъ ли это быть безусловно увѣреннымъ въ побѣдѣ?

Таково первое противорѣчіе новаго строя,—противорѣчіе, сказавшееся въ событіяхъ, приведшихъ къ іюльской революціи, когда король, опираясь на знаменитую ст. 14 хартіи, предоставлявшую ему право «издавать необходимые для исполненія законовъ и для безопасности государства регламенты и ордоннансы», нарушилъ конституцію, измѣнивъ избирательный законъ и пріостановивъ свободу печати своею властью безъ участія и вопреки волѣ распущенной въ то же время палаты депутатовъ.

Второе противорѣчіе новаго строя шло еще дальше, глубоко захватывало народную жизнь и подготовило то общественное настроеніе, которое создало возможность революціоннаго отвѣта на этотъ королевскій вызовъ. Сущность его заключалась въ томъ, что вслѣдствіе реставраціи Бурбоновъ государственная власть очутилась въ рукахъ легитимистовъ-реакціонеровъ чистой воды, органически неспособныхъ понять потребности возникшаго въ эпоху революціи новаго общества, но зато готовыхъ всѣми силами препятствовать какъ его дальнѣйшему развитію, такъ и самому его существованію.

Самымъ прочнымъ результатомъ великой революціи,—результатомъ, формальное признаніе котораго составляло одну изъ важнѣйшихъ сторонъ хартіи, было уничтоженіе стараго сословно-феодальнаго общественнаго строя и признаніе безусловнаго гражданскаго равноправія. Всѣ грани, отдѣлявшія старыя сословія другъ отъ друга, были упразднены; всѣ препятствія для личной предпріимчивости какъ въ области государственной, такъ и въ области экономической жизни уничтожены. Кодексъ Наполеона съ его рѣзко индивидуалистическимъ направленіемъ окончательно закрѣпилъ эти завоеванія революціи, и созданное Наполеономъ новое имперское дворянство было безсильно нарушить этотъ результатъ. Хартія его признала. Но этого мало. Революція была переворотомъ не только въ юридическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи: конфискація королевскихъ, церковныхъ и весьма значительной части частновладѣльческихъ, помѣщичьихъ земель и провозглашеніе ихъ національными имуществами, подлежащими отчужденію для покрытія государственнаго долга, привела къ мобилизаціи громадной массы земель и къ распредѣленію ихъ между значительнымъ количествомъ новыхъ и старыхъ собственниковъ. Неувѣренность въ судьбѣ этихъ земель и необходимость обезпечить ихъ отъ посягательствъ старыхъ владѣльцевъ была однимъ изъ главныхъ основаній, препятствовавшихъ возвращенію старой династіи, какъ гарантія ихъ Наполеономъ была одной изъ главныхъ основъ его владычества. О возвращеніи этихъ земель не могло быть больше и рѣчи, и хартія должна была опредѣленно признать ихъ неприкосновенность, точнѣе неприкосновенность всѣхъ тѣхъ національныхъ имуществъ, которыя до 1814 г. поступили въ частную собственность, что относилось, кстати сказать, далеко не ко всѣмъ. По разсчетамъ Лаверня стоимость общей массы проданныхъ въ революціонное время церковныхъ и помѣщичьихъ земель не превышала двухъ милліардовъ франковъ, т.-е. была значительно меньше стоимости всѣхъ конфискованныхъ земель этого порядка,

доходившей до 6 милліардовъ. Такъ, не подверглись распродажѣ ни большая часть лѣсовъ, одного изъ главныхъ богатствъ церкви, ни разнообразныя церковныя строенія (церкви, монастыри, школы, богоугодныя заведенія), ни также болѣе половины частно-владѣльческихъ имѣній. Часть нераспроданныхъ имуществъ поступила въ собственность государства (напр., лѣса и часть церковныхъ строеній) или коммунъ, часть была возвращена своимъ прежнимъ владѣльцамъ, покинувшимъ ряды эмигрантовъ, еще во время имперіи или послѣ возвращенія Людовика XVIII въ силу закона 5 декабря 1814 г.[1]).

Несмотря на то, что весьма значительная часть земель и недвижимостей вообще осталась за ихъ старыми владѣльцами, мобилизація земель стоимостью въ два милліарда представляла, разумѣется, фактъ первостепенной важности. Вмѣстѣ съ установленіемъ принципа полнаго гражданскаго равноправія, съ уничтоженіемъ всѣхъ сословныхъ, корпоративныхъ, провинціальныхъ и коммунальныхъ привилегій, она окончательно подорвала старый аристократическій режимъ и создала новое общество, въ которомъ положеніе каждаго его члена опредѣлялось исключительно его личными качествами и имущественнымъ положеніемъ, а не его происхожденіемъ, и въ которомъ ничья энергія не встрѣчала юридическихъ препятствій пробить себѣ путь въ ряды командующихъ благодаря своей матеріальной независимости и своимъ интеллектуальнымъ даннымъ круговъ.

Непрочность политическихъ и прочность этихъ соціальныхъ результатовъ революціи объясняется не какими-либо особыми качествами французскаго національнаго характера, въ родѣ, напр., особаго національнаго пристрастія французовъ къ равенству и безразличнаго отношенія ихъ къ свободѣ, а представляетъ простой результатъ того общеисторическаго, характернаго для всякаго народа факта, что народная масса мало интересуется и мало понимаетъ значеніе слишкомъ далекихъ для нея политическихъ вопросовъ и, наоборотъ, весьма настойчиво и упорно добивается необходимыхъ для ея повседневнаго матеріальнаго благополучія и болѣе доступныхъ ея пониманію экономическихъ и соціальныхъ реформъ. Та часть революціонныхъ учрежденій, которая была связана съ идеей свободы, именно поэтому оказалась весьма непрочной, въ то время, какъ та, которая улучшала матеріальное положеніе массы и обезпечивала просторъ ея экономической дѣятельности, оказалась, наоборотъ, необычайно прочной и пережила всѣ революціи XIX вѣка, не подвергаясь никакимъ сколько-нибудь существеннымъ измѣненіямъ.

А между тѣмъ въ глазахъ легитимистовъ соціальные результаты революціи были столь же нестерпимы, какъ ея политическіе результаты. Въ извѣстномъ смыслѣ они были даже болѣе нестерпимы, ибо напоминали имъ ежедневно о томъ, что ихъ вліяніе на народъ подорвано въ корню, и что каждый день, въ теченіе котораго новыя соціальныя силы продолжаютъ дѣйствовать, они все болѣе подтачиваютъ послѣдніе остатки стараго общественнаго уклада. Благодаря избирательному закону политическая власть, правда, снова очутилась въ рукахъ знати. Но какъ возстановить утраченное соціальное вліяніе?

Легитимисты прекрасно понимали огромное значеніе ихъ прежняго соціальнаго

[1]) Ср. объ этомъ Lavergne, «Économie rurale de la France depuis 1789», особ. стр. 19 и 25.

вліянія для всего стараго порядка. Когда они жаловались на то, что изъ современной жизни исчезло почтеніе (respect), они вовсе не имѣли въ виду только внѣшній почетъ и удовлетвореніе своего самолюбія бѣлой кости или, какъ говорятъ на западѣ, голубой крови. Сущность дѣла заключалась для нихъ въ томъ, что чисто-демократическіе нравы исключаютъ возможность длительнаго существованія патріархальной или вообще сколько-нибудь сильной монархіи. Недаромъ еще Монтескье замѣтилъ, что монархическая власть нуждается для своей прочности въ наслѣдственной аристократіи, связанной съ монархіей традиціонной службой и внушающей массѣ населенія въ ея повседневной жизни то самое почтеніе, на которомъ зиждется и добровольное подчиненіе монарху во всѣхъ тѣхъ сравнительно болѣе рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ самъ обращается къ народу. Въ новомъ обществѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ еще могло существовать вліяніе крупнаго землевладѣльца какъ такового на крестьянъ, но это было все же нѣчто иное, чѣмъ традиціонное вліяніе знатнаго сеньера, которое опиралось отнюдь не исключительно на то, что онъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ и единственнымъ матеріальнымъ владыкой во всемъ округѣ, чего, кстати сказать, теперь тоже ужъ больше не было. А если таково было положеніе въ деревняхъ, то о городахъ нечего было и говорить.

Но если все это такъ, то существуетъ только одно средство, чтобы спасти положеніе, т.-е. чтобы обезпечить прочность какъ самой монархіи, такъ и аристократіи. Это средство заключается въ перевоспитаніи общества, въ возстановленіи въ немъ добраго стараго чувства почтительной преданности властямъ предержащимъ. Необходимо возстановить повиновеніе авторитету. А это можетъ быть достигнуто только церковью.

Стремленіе возстановить потрясенное чувство почтенія къ авторитету при помощи церкви, правда, отнюдь не исключаетъ попытокъ возстановить матеріальный базисъ вліянія знати, попытокъ, главнымъ результатомъ которыхъ былъ законъ 27 апрѣля 1825 г., коимъ бывшимъ эмигрантамъ было предоставлено право на вознагражденіе за понесенныя ими въ эпоху революціи потери. Согласно закону сумма вознагражденія была опредѣлена въ 998 милліоновъ франковъ, и государство взяло на себя этотъ долгъ, причемъ новые его кредиторы должны были получить не капиталъ, соотвѣтствующій ихъ признаннымъ закономъ претензіямъ, а лишь проценты съ него (по 3% годовыхъ). Но какъ бы значительно ни было это вознагражденіе, оно не возстанавливало ни традиціоннаго вліянія сеньеровъ, ни даже ихъ земельныхъ владѣній. А между тѣмъ этотъ законъ былъ самой крупной матеріальной побѣдой, которую знати удалось одержать въ эпоху реставраціи.

Всѣ остальныя попытки вернуть себѣ прежнее соціальное вліяніе и укрѣпить на немъ независимый какъ отъ королевской власти, такъ и отъ хартіи, политическій авторитетъ разбились либо о пассивное сопротивленіе массы общества, либо о сопротивленіе палаты пэровъ, въ которой элементы, связанные черезъ наполеоновскую эпоху съ революціонной идеей гражданскаго равноправія, всегда играли очень большую роль. Идея Полиньяка, вѣрнаго выразителя ультрароялистскихъ вожделѣній, о необходимости «реорганизовать общество, вернуть духовенству его преобладаніе въ государствѣ, создать могущественную аристократію, окружить ее привилегіями» не осуществилась. Несмотря на всѣ старанія, не удалось возстановить даже

преимущественное право старшаго сына на земельныя владѣнія отца, расходившееся съ принципами наполеоновскаго кодекса: палата пэровъ провалила соотвѣтственный законопроектъ въ 1826 г.

Тѣмъ бо́льшее значеніе пріобрѣталъ при такихъ условіяхъ вопросъ о возстановленіи «преобладанія церкви въ государствѣ», и въ этой области въ самомъ дѣлѣ были достигнуты большіе результаты. Можно смѣло сказать, что наиболѣе характерной для внутренней политики реставраціи чертою оказалось, если не считать деспотическаго характера ея администраціи, ея рѣзко религіозное или точнѣе церковное направленіе. Этимъ и объясняется бурный взрывъ антиклерикальныхъ страстей, сопровождавшій іюльскую революцію и придающій ей ея специфическій, отличающій ее отъ революціи 1848 г., оттѣнокъ. Этотъ же антиклерикализмъ проходитъ красной нитью черезъ стихотворенія Беранже и черезъ памфлеты Поля Луи Курье, двухъ наиболѣе популярныхъ представителей оппозиціонной литературы эпохи [1]).

Успѣхи легитимистовъ именно въ этой области объясняются въ значительной мѣрѣ тѣмъ общимъ поворотомъ общественнаго мнѣнія въ пользу религіи вообще и католицизма въ частности, о которомъ было сказано выше, поворотомъ, который далеко не ограничивался предѣлами одной только Франціи, а проявляется даже въ протестантской Германіи и въ православной Россіи: и тамъ и тутъ именно въ это время наблюдается переходъ ряда выдающихся людей въ католицизмъ. Въ то время какъ церковь встрѣчала почти повсемѣстно почтительное вниманіе, свѣтская аристократія осталась, наоборотъ, все тѣмъ же ненавистнымъ для новыхъ демократическихъ слоевъ учрежденіемъ, какимъ была и прежде. Но и сочувствіе къ католической церкви было на самомъ дѣлѣ вовсе не такимъ неограниченнымъ, какъ это могло казаться нѣкоторое время. Это сочувствіе относилось скорѣе къ гонимой, чѣмъ къ воинствующей и тѣмъ болѣе къ торжествующей церкви. Чѣмъ больше сглаживались воспоминанія о гонимой церкви, чѣмъ болѣе выступалъ ея воинственно-торжествующій характеръ, тѣмъ болѣе значительными становились тѣ слои общества, въ которыхъ, возрождалась старая «янсенистская» или вольтеріанская вражда противъ постояннаго вмѣшательства церкви въ повседневную жизнь. Какъ янсенизмъ, такъ и вольтеріанство находили и въ XVIII вѣкѣ широкій откликъ, главнымъ образомъ, именно потому, что повседневная жизнь общества отошла слишкомъ далеко отъ строгихъ требованій католицизма, который, какъ и всякая сильная въ своемъ родѣ и законченная религіозная система, не желалъ довольствоваться ролью чисто-теоретической схемы религіознаго міропониманія или объекта періодическаго вниманія вѣрующаго въ моменты его участія въ культѣ, а стремился проникнуть въ жизнь вѣрующихъ и подчинить ее своимъ всеобъемлющимъ указаніямъ. Упадокъ вліянія католицизма проистекалъ изъ глубокаго внутренняго несоотвѣтствія его сложившейся въ эпоху римской имперіи аскетической, отрицающей міръ и требующей умерщвленія плоти, морали съ тѣмъ индивидуалистическимъ развитіемъ европейской психики, основной чертой котораго было утвержденіе жизни на почвѣ захватывающаго все болѣе обширные круги стремленія воспользоваться возможно большей долей ея благъ путемъ примѣненія къ ней личной энергіи, отрицавшей готовыя формы жизни и прочныя рамки суще-

[1]) Ср. П. Л. Курье, сочиненія, ч. I. СПБ. 1897 г., изд. Пантелѣева.

ствованія каждаго класса и каждаго отдѣльнаго лица. Пробабилизмъ и иныя моральныя ученія католической церкви XVII и XVIII вѣковъ съ ихъ казуистическимъ и часто безнравственнымъ характеромъ и съ тенденціей замѣнить строгое исполненіе прежнихъ ученій покорностью по отношенію къ церкви, воплощавшейся въ духовникѣ, не могли устранить розни между обыденной жизнью и церковнымъ ученіемъ, хотя и были обязаны своимъ возникновеніемъ именно полубезсознательному стремленію къ этой цѣли. Они отталкивали какъ-разъ наиболѣе серьезныя въ нравственномъ отношеніи натуры отъ церкви; настроеніе ихъ выразилось еще въ XVII вѣкѣ въ знаменитыхъ письмахъ Паскаля. Вражда къ іезуитамъ, эта основа массоваго сочувствія французскаго общества XVIII вѣка къ янсенизму, питалась въ самомъ дѣлѣ небезосновательнымъ убѣжденіемъ, что именно орденъ іезуитовъ являлся однимъ изъ главныхъ выразителей клерикальной игры съ нравственнымъ ученіемъ католицизма, соединенной съ клерикальнымъ же стремленіемъ къ господству надъ государствомъ. Стремленіе этическаго богословія католицизма этой эпохи—однимъ изъ характернѣйшихъ представителей его въ XVIII вѣкѣ былъ знаменитый Альфонсъ Лигуорійскій—примирить противорѣчія обыденной жизни и старой церковной морали не имѣло, такимъ образомъ, успѣха. Жизнь и церковное ученіе расходились все больше и больше, и даже самые набожные свѣтскіе люди были на самомъ дѣлѣ совершенно несогласны не только съ католицизмомъ, но и съ христіанскою жизнью. Это противорѣчіе представляло одну изъ главныхъ причинъ успѣха философіи XVIII вѣка: разъ установился извѣстный укладъ жизни, онъ всегда ищетъ себѣ теоретическаго обоснованія, и въ XVIII вѣкѣ онъ нашелъ его въ произведеніяхъ тѣхъ писателей, которые осуждали самымъ рѣшительнымъ образомъ аскетизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ и противополагали ученію о полной негодности міра и человѣка ученіе о красотѣ міра и совершенствѣ человѣка. Не философія XVIII вѣка создала антихристіанское общество, а порвавшее въ своей реальной жизни съ католицизмомъ общество нашло себѣ отраженіе въ соотвѣтственной философіи. Послѣдняя, разумѣется, значительно усилила антихристіанское направленіе жизни—вѣдь всякая опредѣленная мысль усиливаетъ то смутное настроеніе, изъ котораго она рождается,—но она его не создала.

При такихъ условіяхъ понятно, что возродившіяся симпатіи къ католицизму могли бы послужить опорой для возстановленія его безграничнаго по принципу моральнаго вліянія лишь постольку, поскольку самая повседневная жизнь общества перемѣнилась бы, иначе говоря, постольку, поскольку каждый членъ общества или хотя бы ихъ большинство вернулись къ тому состоянію духовной жизни народа, которое характеризуется полнымъ отсутствіемъ или чрезвычайной слабостью развитія индивидуальныхъ стремленій и индивидуальнаго разума и безусловнымъ господствомъ привычныхъ массовыхъ настроеній, массовыхъ взглядовъ и массовыхъ формъ жизни, т.-е. къ періоду кровныхъ союзовъ, натуральнаго хозяйства и эпической поэзіи. Недаромъ Бональдъ сочувствовалъ натуральному хозяйству.

Нечего говорить, что Франція была очень далека отъ такого состоянія. Подавляющая масса ея общества какъ была, такъ и оставалась не католической и не христіанской по своему складу жизни. Испуганная великой революціей, эта масса могла временно усомниться во взглядахъ своихъ философовъ и могла броситься въ

объятія смутнаго религіознаго чувства. Но эта революція не была достаточно сильна, это религіозное чувство не было достаточно глубоко, чтобы оказать серьезное воздѣйствіе на обыденную жизнь. Жизнь оставалась той же, массовые психическіе навыки оставались тѣ же, и при такихъ условіяхъ рано или поздно должно было снова проявиться массовое стремленіе найти теоретическое оправданіе своей жизни, и это оправданіе могло меньше всего уложиться въ тѣсныя формулы аскетической морали. Новый разрывъ съ католицизмомъ былъ, такимъ образомъ, совершенно неизбѣженъ, но клерикальная политика реставраціи ускорила разрывъ и до чрезвычайности затруднила положеніе не только церкви, но и слишкомъ тѣсно съ нимъ связаннаго государства Бурбоновъ. «Теократія нашего времени,—говорилъ въ 1825 г. такой умѣренный и строго-религіозный человѣкъ, какъ Ройэ-Колларъ,—имѣетъ не столько религіозный, сколько политическій характеръ. Она образуетъ часть системы всеобщей реакціи, которую мы переживаемъ. Рекомендаціей ей долженъ служить ея контръ-революціонный характеръ. Несомнѣнно, революція была безбожна до фанатизма, до жестокости. Но именно это и привело къ ея гибели и можно съ увѣренностью сказать, что отплата ей той же жестокостью, даже если бы она осталась только на бумагѣ, служила бы обвиненіемъ противъ контръ-революціи и заклеймила бы ее». Рѣчь, изъ которой взяты эти слова, была произнесена противъ законопроекта объ установленіи за святотатство смертной казни (въ иныхъ случаяхъ съ предварительнымъ отсѣченіемъ правой руки, какъ это полагалось за отцеубійство и приравненныя къ нему преступленія). Несмотря на энергичные протесты либераловъ и доктринеровъ противъ законопроекта, онъ былъ принятъ обѣими палатами, причемъ въ палатѣ пэровъ большинство въ четыре голоса образовалось вслѣдствіе голосованія ея духовныхъ членовъ... за смертную казнь.

Законъ о святотатствѣ, примѣненіе котораго было ограничено исключительно предѣлами католическаго вѣроисповѣданія, былъ лишь однимъ изъ длинной цѣпи клерикальныхъ мѣропріятій этой эпохи. Введеніемъ къ нимъ служила уже хартія, гдѣ, правда, всѣмъ вѣроисповѣданіямъ была гарантирована защита государства, но гдѣ въ то же время католическое вѣроисповѣданіе было признано «государственной религіей». Не трудно понять, что въ глазахъ клерикально-легитимистской партіи это означало возвращеніе къ принципамъ стараго порядка, исключавшимъ не только равноправіе вѣроисповѣданій, но самое право протестантизма и отчасти еврейской религіи на существованіе.

Если оставить въ сторонѣ отмѣну развода, прошедшую въ обѣихъ палатахъ безъ преній въ 1815 г., то первымъ крупнымъ признакомъ клерикальнаго движенія была попытка замѣнить наполеоновскій конкордатъ съ папой (въ 1801 г.) новымъ, болѣе выгоднымъ для церкви. Согласно заключенному въ 1817 г. предварительному договору, предполагалось возстановить прежній конкордатъ 1516 г., причемъ органическіе статуты, коими Наполеонъ I подчинилъ сношенія французской церкви строгому контролю государства, отмѣнялись. Въ то же время должны были быть возстановлены упраздненныя въ 1801 г. епископства и архіепископства, а всѣ духовныя должности и учрежденія должны были быть обезпечены землями и доходами изъ государственной казны въ формѣ ренты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, король и папа обязывались устранить возможно скорѣе всѣ препятствія, которыя мѣшали благу религіи и

исполненію церковныхъ законовъ. Взамѣнъ всего этого папа снова соглашался признать совершившуюся въ 1789 г. секуляризацію и распродажу церковныхъ имуществъ, причемъ онъ, однако, не переставалъ требовать себѣ вознагражденія за отобранныя у него въ эпоху революціи графства Авиньонское и Венессенское.

Если бы этотъ предварительный договоръ превратился въ настоящій конкордатъ, чего не произошло вслѣдствіе чрезвычайно рѣшительныхъ протестовъ даже многихъ роялистовъ, французское государство очутилось бы въ болѣе зависимомъ отъ папы положеніи, чѣмъ даже въ XVIII вѣкѣ, а французскому обществу грозило бы возрожденіе старой нетерпимой политики Людовика XIV. Недаромъ Бональдъ говорилъ съ такими симпатіями о кровавыхъ лигистахъ конца XVI вѣка; недаромъ какъ онъ, такъ и де Местръ усматривали въ протестантизмѣ одну изъ язвъ европейской жизни.

Новый конкордатъ не былъ заключенъ, но тенденціи клерикаловъ были такимъ образомъ раскрыты. Въ основѣ ихъ лежало стремленіе «устранить всѣ препятствія, мѣшавшія благу религіи (т.-е. католической церкви) и исполненію церковныхъ законовъ». Практически отсюда вытекали три главныхъ требованія: обезпеченіе матеріальной независимости церкви, установленіе (или возстановленіе) владычества церкви надъ школой, подчиненіе жизни всего общества руководству церкви.

Матеріальная независимость церкви была уничтожена революціей вмѣстѣ съ секуляризаціей громадныхъ церковныхъ имуществъ и не была возстановлена Наполеономъ I, обезпечившимъ духовнымъ лицамъ государственное жалованье, но не вернувшимъ церкви ея имущества. Возвращеніе этихъ имуществъ составляло поэтому долгое время предметъ страстныхъ желаній широкихъ массъ духовенства: какъ въ 1814—5 г., такъ и позднѣе духовныя лица (особенно монахи) часто произносили горячія рѣчи противъ «ограбленія» церкви и грозили «грабителямъ», т.-е. тѣмъ, кто купилъ эти земли, небесными карами, вызывая этимъ и недовольство и безпокойство за судьбу пріобрѣтеннаго, что отражалось, между прочимъ, и на томъ, что цѣны на прежнія національныя имущества вплоть до 1825 г. (до вознагражденія эмигрантовъ) оставались сравнительно болѣе низкими, чѣмъ цѣны на другія земли. Тѣмъ не менѣе, надеждъ на возвращеніе церковныхъ имуществъ въ сущности не было, и приходилось изыскивать другія средства. Таковымъ не безъ основанія было признано неограниченное право церкви на полученіе всякаго рода дареній отъ вѣрующихъ, право, на которомъ въ значительной мѣрѣ основывались гигантскія владѣнія старой церкви, и которое неоднократно (еще со времени Людовика IX Святого) подвергалось ограниченіямъ и подчинялось контролю со стороны государства. Экономическая опасность этого права заключалась въ томъ, что разъ какія-либо недвижимости попадали въ собственность «мертвой руки», онѣ тѣмъ самымъ иммобилизировались, исключались изъ гражданскаго оборота, точно такъ же, какъ нѣкогда майораты, и не мало затрудняли свободное развитіе хозяйственной жизни, что противорѣчило характеру общества, евангеліемъ котораго былъ кодексъ Наполеона. Съ другой стороны, быстрый ростъ церковныхъ имуществъ долженъ былъ чрезвычайно сильно содѣйствовать росту соціальнаго вліянія церкви. Несмотря на это, уже въ 1816 г. всѣмъ признаннымъ государствомъ церковнымъ учрежденіямъ (къ числу непризнанныхъ со временъ Людовика XV принадлежалъ іезуитскій орденъ) было пре-

доставлено право принимать въ даръ какъ движимыя, такъ и недвижимыя имущества. Это право было, правда, обусловлено королевскимъ разрѣшеніемъ, но при господствующемъ вліяніи духовенства это ограниченіе было очевидно практически безсильнымъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не признать характернымъ, что даже при всемъ вліяніи клерикальныхъ стремленій не удалось освободить церковь отъ этого формальнаго ограниченія.

Еще важнѣе, чѣмъ возстановленіе возможности новаго скопленія всякаго рода имуществъ въ рукахъ церкви, былъ быстрый ростъ ея вліянія на школу, изъ которой не только революція, но и Наполеонъ ее почти совершенно устранили. Тотъ «университетъ», который создалъ Наполеонъ и который представлялъ совокупность всѣхъ учащихъ силъ страны, подчиненныхъ строго іерархической организаціи и желѣзной дисциплинѣ по мысли его основателя долженъ былъ быть чисто-государственнымъ учрежденіемъ; участіе въ немъ церковныхъ ученій и представителей церкви должно было допускаться лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ государство признаетъ это для себя полезнымъ. «При созданіи корпораціи учащихъ моя основная цѣль—говорилъ онъ—заключается въ томъ, чтобы имѣть средство направлять (diriger) политическіе и нравственные взгляды». Пока это не будетъ достигнуто, во Франціи «не будетъ прочнаго политическаго устройства: пока съ самаго дѣтства не будутъ научаться тому, слѣдуетъ ли быть республиканцемъ или монархистомъ, католикомъ или невѣрующимъ, государство не будетъ представлять націи; оно будетъ покоиться на невѣрной и непрочной основѣ и будетъ постоянно подвержено безпорядкамъ и измѣненіямъ». «Я хочу имѣть корпорацію (учащихъ),—заявлялъ онъ по тому же поводу,—корпорацію іезуитовъ, но не тѣхъ, суверенъ которыхъ находится въ Римѣ, а такихъ, единственнымъ стремленіемъ коихъ было бы быть полезными (государству), единственнымъ интересомъ — общественный интересъ» [1]).

И, тѣмъ не менѣе, именно организація «университета» была, какъ нельзя болѣе, удобна для того, чтобы сдѣлать школу орудіемъ клерикальныхъ вожделѣній. Лица, вступающія въ эту корпорацію, согласно декрету 20 марта 1808 г., «обязываются точно исполнять статуты и регламенты университета. Они обѣщаютъ великому магистру (Grand Maître, такъ назывался начальникъ университета) повиновеніе во всемъ, что онъ прикажетъ ради службы императору и ради блага преподаванія. Они обязуются не покидать корпораціи учащихъ и свои обязанности иначе, какъ получивъ согласіе великаго магистра. Они не будутъ имѣть права принять какую-либо платную государственную или частную должность безъ подлиннаго разрѣшенія великаго магистра. Они обязаны сообщать великому магистру и его органамъ обо всемъ, что по ихъ свѣдѣніямъ совершается въ учебныхъ заведеніяхъ въ нарушеніе доктринъ и принциповъ учащей корпораціи». Въ будущемъ, имѣлось даже въ виду потребовать отъ нихъ безбрачія и совмѣстной жизни, дабы вся ихъ жизнь была въ такой же мѣрѣ исполнена монашеской преданности разъ избранному дѣлу, какъ

[1]) Упоминаніе объ іезуитахъ объясняется здѣсь огромнымъ вліяніемъ этого ордена на школьное дѣло, вліяніемъ, упрочившимся во всѣхъ католическихъ странахъ еще съ XVI вѣка.

она должна быть исполнена монашескаго повиновенія perinde ac cadaver [1]). Въ случаѣ неисполненія ими ихъ обязанностей имъ грозитъ исключеніе изъ списковъ университета, влекущее за собой «неспособность занимать какую-либо должность въ какой-либо отрасли государственнаго управленія»,—наказаніе, налагаемое великимъ магистромъ по его усмотрѣнію. «Абсолютная субординація всѣхъ членовъ университета представляетъ его первую потребность,—гласитъ декретъ 15 ноября 1811 г.;—безъ дисциплины и безъ повиновенія нѣтъ университета. Это повиновеніе должно быть немедленнымъ, а въ тѣхъ серьезныхъ случаяхъ, когда допускается апелляція къ правительству, повиновеніе должно всегда предшествовать апелляціи».

Цѣль самого Наполеона заключалась при этомъ въ устраненіи церковнаго вліянія на школу: «я не хочу, чтобы священники совались въ народное образованіе», заявлялъ онъ. Считая религію одной изъ наиболѣе вѣрныхъ опоръ порядка, онъ отнюдь не исключаетъ ее изъ школы, но не желаетъ также, чтобы религіозныя и моральныя идеи католицизма пріобрѣли слишкомъ большое вліяніе на молодежь и черезъ нее на будущее общество. Единственный принципъ, который онъ дѣйствительно цѣнилъ въ католицизмѣ, это принципъ добровольнаго и всемѣрнаго подчиненія авторитету. Этотъ же принципъ и долженъ быть внѣдренъ въ молодежь при помощи его университета, предназначеннаго, если можно такъ выразиться, секуляризировать церковное ученіе въ предѣлахъ школы. «Надо стремиться къ тому, чтобы молодые люди не были ни слишкомъ набожными (bigots), ни слишкомъ невѣрующими», говорилъ онъ въ засѣданіи государственнаго совѣта; «они должны быть приспособлены къ состоянію націи и общества».

«Наполеонъ,—писалъ одинъ изъ его враговъ, Ламеннэ, тогда еще страстный клерикалъ,—не понимавшій власти иначе какъ въ формѣ самой неограниченной власти, военнаго деспотизма, сдѣлалъ попытку раздѣлить французскій народъ на двѣ категоріи. Одна, составленная изъ народной массы, была предназначена наполнять обширные кадры его арміи: вслѣдствіе того звѣроподобнаго состоянія (abrutissement), въ которомъ онъ хотѣлъ ее оставить, она должна была оказаться способной къ пассивному повиновенію, къ фанатической преданности. [2]) Другая, занимавшая благодаря своему богатству болѣе высокое положеніе, должна была руководить первой согласно видамъ владыки, который властвовалъ одинаково надъ обѣими. Съ этой цѣлью она должна была воспитываться въ школахъ, гдѣ она пріобрѣтала свѣдѣнія, относившіяся преимущественно къ военнымъ дѣламъ и къ чисто-матеріальной администраціи, подвергаясь въ то же время дрессировкѣ для выработки въ ней привычки къ механическому повиновенію; узы тщеславія и интереса должны были впослѣдствіи связать эту послѣднюю категорію съ его особой и отождествить ее въ нѣкоторомъ родѣ съ его системой управленія».

Когда Бурбоны замѣнили Наполеона, среди легитимистовъ сначала проявилось желаніе уничтожить «университетъ», который казался слишкомъ тѣсно связаннымъ

---

[1]) Декретъ 17 марта 1808 г. ст. 102.

[2]) На народное образованіе въ бюджетѣ не предусматривалось никакихъ расходовъ. Лишь въ 1812 г. одному монашескому ордену, носившему характерное названіе frères ignorantins и имѣвшему право на веденіе низшаго обученія, было выдано 4520 франковъ.

съ «узурпаторомъ», но они скоро убѣдились, что ненавистная имъ прежде организація можетъ послужить прекраснѣйшимъ оружіемъ въ ихъ же рукахъ, и помимо двухъ-трехъ детальныхъ измѣненій они оставили всю систему Наполеона въ силѣ, измѣнивъ лишь направленіе ея дѣятельности въ клерикальномъ духѣ.

Въ области низшаго народнаго образованія, впрочемъ, нечего было и мѣнять. Оно и при Наполеонѣ находилось всецѣло въ рукахъ и подъ постояннымъ надзоромъ духовенства. Отчасти по недостатку денежныхъ средствъ, отчасти за отсутствіемъ надлежащаго свѣтскаго преподавательскаго персонала, отчасти потому, что Наполеонъ вовсе не считалъ желательнымъ широкое распространеніе образованія среди народной массы [1]), опасаясь не безъ основанія, что оно затруднитъ возможность деспотическаго управленія, онъ предоставилъ народное образованіе въ узкомъ смыслѣ этого слова частной иниціативѣ, главнымъ образомъ, монашескаго ордена «братьевъ христіанскихъ школъ» [2]). И они, правда, подчинены университету, но университетъ добровольно раздѣляетъ надзоръ надъ ними съ епископами: циркуляръ великаго магистра де Фонтана просилъ епископовъ издать приказъ, чтобы всѣ приходскіе священники присылали «детальныя замѣчанія» о школьныхъ учителяхъ ихъ прихода, и прибавлялъ: «когда эти замѣчанія будутъ собраны, вы будете добры препроводить ихъ мнѣ съ вашими собственными заключеніями; согласно этимъ заключеніямъ, я утвержу учителя, который заслужитъ ваше ходатайство, и онъ получитъ дипломъ, который дастъ ему право продолжать свои функціи; наоборотъ, тотъ, по отношенію къ коему у меня не будетъ означенныхъ гарантій, не получитъ диплома, и я озабочусь замѣнить его немедленно лицомъ, которое вы признаете наиболѣе способнымъ».

Школьная политика реставраціи сводилась, такимъ образомъ, къ распространенію пріемовъ, допущенныхъ Наполеономъ по отношенію къ низшему образованію, на среднее и высшее. Увольненіе негодныхъ или сомнительныхъ, съ этой точки зрѣнія, представителей университета убѣжденными или лицемѣрными сторонниками клерикальныхъ ученій представляло самое простое средство для достиженія желательнаго эффекта. Внѣшнимъ образомъ дѣло было закончено, когда въ 1822 г. великимъ магистромъ былъ назначенъ епископъ Фрэссину, принадлежавшій впрочемъ къ относительно болѣе умѣреннымъ представителемъ церкви. Два года спустя, эта мѣра была дополнена формальнымъ подчиненіемъ всѣхъ учителей надзору епископовъ.

При воинствующемъ настроеніи духовенства послѣдствія этой политики не нуждаются въ долгихъ поясненіяхъ. Вся школа была пропитана духомъ самаго нетерпимаго католицизма, и въ результатѣ никогда вражда къ церкви, скрывавшаяся подъ показной набожностью, не была такъ велика даже въ средней школѣ. Высшая же школа, несмотря на увольненіе ряда профессоровъ, въ томъ числѣ историка Гизо

---

[1]) Декретъ 15 ноября 1811 г., ст. 192: «Инспектора академіи должны слѣдить за тѣмъ, чтобы учителя низшихъ школъ не распространяли своего преподаванія за предѣлы чтенія и ариѳметики».

[2]) «Если—заявилъ онъ въ ихъ защиту въ государственномъ совѣтѣ въ 1806 г.—ихъ (т.-е. этихъ frères ignorantins) обязываютъ обѣтомъ отказаться отъ всякихъ знаній, кромѣ умѣнія читать и писать и четырехъ правилъ ариѳметики, то это дѣлается лишь съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе подходящими для ихъ назначенія».

и философа Кузена, уже потому оставалась сравнительно болѣе свободной отъ воздѣйствія церкви, что здѣсь элементъ воспитанія поневолѣ отступалъ на задній планъ, и что нечѣмъ было замѣнить внушавшихъ подозрѣніе свѣтскихъ спеціалистовъ. Но и тутъ, разумѣется, не обходилось безъ проявленій клерикальнаго гнета, хотя бы, напр., въ формѣ обязательнаго участія учащихся въ религіозныхъ празднествахъ; основаній для дальнѣйшаго развитія антиклерикальнаго настроенія, доходившаго иногда, хотя впрочемъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, до антирелигіознаго настроенія, было, такимъ образомъ, достаточно и здѣсь.

При неизбѣжной тѣсной связи семьи и школы, которой не могло устранить и чрезвычайное развитіе интернатовъ, одного этого было довольно, чтобы раздражить широкіе круги общества. Но этого мало. Упрочивъ свое вліяніе въ школѣ, клерикалы съ первыхъ же дней реставраціи предприняли походъ и на внѣшкольное, взрослое населеніе, дабы подчинить всю его жизнь своимъ правиламъ. «На ряду со сборщикомъ податей въ сюртукѣ, на ряду съ жандармомъ въ формѣ, крестьянинъ, рабочій, мелкій буржуа встрѣчаетъ священника въ сутанѣ, который также даетъ ему приказанія и подчиняетъ его извѣстному порядку во имя церкви, какъ два другихъ во имя государства»,—говоритъ Тэнъ, характеризуя отношеніе народной массы къ церкви [1]). «Между тѣмъ всякій порядокъ стѣснителенъ, а этотъ болѣе чѣмъ другіе. Вамъ нѣтъ дѣла до сборщика податей, разъ онъ получилъ свои деньги, ни до жандарма, разъ вы не совершили никакого насильственнаго дѣйствія. Священникъ гораздо болѣе требователенъ; онъ вмѣшивается въ домашнюю и частную жизнь и стремится управлять всѣмъ человѣкомъ. При исповѣди и съ высоты церковной каѳедры онъ поучаетъ своихъ прихожанъ, онъ даетъ имъ руководящія указанія вплоть до ихъ интимной жизни, и его стѣснительныя внушенія касаются всѣхъ сторонъ ихъ поведенія, всѣхъ ихъ дѣйствій, даже тѣхъ, которыя совершаются не публично, а дома, за столомъ и въ постели, не исключая моментовъ отдыха и спокойствія, часовъ досуга и пребыванія въ трактирѣ. Когда крестьянинъ уходитъ послѣ какой-нибудь проповѣди противъ трактира и пьянства, можно услышать, какъ онъ ропщетъ и говоритъ: «Чего онъ вмѣшивается въ наши дѣла? Пусть говоритъ свою мессу и оставитъ насъ въ покоѣ». Они нуждаются въ немъ для крестинъ, для свадьбы, для похоронъ; но ихъ дѣла его не касаются. Вдобавокъ среди тѣхъ правилъ, которыя онъ предписываетъ соблюдать, есть много неудобныхъ, нелѣпыхъ или непріятныхъ,—посты, пассивное присутствіе при произносимой на латинскомъ языкѣ мессѣ, при долгихъ службахъ, при церемоніяхъ, всѣ детали которыхъ имѣютъ значеніе, но символическій смыслъ которыхъ въ настоящее время исчезъ для присутствующихъ. Прибавьте къ этому машинальное произнесеніе молитвъ, «Отче нашъ» и «Ave», колѣнопреклоненія и крестное знаменіе и въ особенности обязательную исповѣдь въ опредѣленное время. Отъ всѣхъ этихъ обязанностей рабочій себя уже освободилъ, а крестьянинъ освобождаетъ себя нынѣ. Во многихъ церквахъ большая воскресная месса собираетъ лишь женщинъ и то подчасъ въ небольшомъ количествѣ, одну или двѣ кучки дѣтей, приведенныхъ учителемъ-монахомъ или учительницей-монахиней, да нѣсколько старцевъ; подавляю-

[1]) Taine, «Origines de la France contemporaine», т. VI, стр. 146—147.

щее большинство мужчинъ не входитъ въ церковь; они остаются внѣ ея, подъ порталомъ и на церковной площади, бесѣдуя между собой объ урожаѣ, о мѣстныхъ новостяхъ и о погодѣ».

То, что Тэнъ говоритъ въ девяностыхъ годахъ о народной массѣ, въ эпоху реставраціи вполнѣ примѣнимо къ буржуазнымъ слоямъ и къ значительной части рабочихъ. Уже въ 1847 г. одинъ парижскій священникъ полагалъ, что «изъ 32 милліоновъ французовъ лишь два милліона дѣйствительно христіане и ходятъ къ исповѣди».

Противъ этого «возврата къ язычеству», чтобы воспользоваться выраженіемъ того же Тэна, возврата, который, какъ мы видѣли, вытекаетъ изъ самаго существа современной европейской жизни, и были направлены всѣ усилія церкви [1]). Съ этой цѣлью она требовала, чтобы ея представителямъ было возвращено право веденія всѣхъ списковъ о гражданскомъ состояніи; съ этой цѣлью она боролась противъ идеи гражданскаго брака, которую одни упрекали въ томъ, что она ведетъ къ узаконенію конкубината, тогда какъ другіе уже самый гражданскій бракъ признавали за конкубинатъ. Съ этой цѣлью, наконецъ, была организована внутренняя миссія для обращенія новоявленныхъ язычниковъ въ христіанство.

Было бы странно отрицать за католической или за какой бы то ни было иною церковью право оплакивать и осуждать отрицательныя съ ея да подчасъ и не только съ ея точки зрѣнія явленія или право бороться всѣми мирными средствами увѣщанія съ этими явленіями. То, что придавало специфическую окраску ея дѣятельности, это была не идея борьбы съ «язычествомъ», а совершенное неумѣніе и нежеланіе ея обходиться въ этой борьбѣ безъ помощи государства, безъ содѣйствія доноса, злобныхъ обвиненій и полицейскаго или административнаго вмѣшательства. Трудно было отличить, гдѣ кончается священникъ, и гдѣ начинается жандармъ, особенно въ такое время, когда набожность считалась доказательствомъ политической благонадежности и, наоборотъ, отсутствіе ея вызывало сомнѣнія въ вѣрности свѣтской власти. Вотъ почему французское общество ощущало тягостный гнетъ клерикальныхъ лозунговъ съ особенной силой, съ такой силой, что въ его представленіи вся Франція превратилась въ объектъ какого-то гигантскаго клерикальнаго заговора, главными организаторами котораго являются таинственная «конгрегація» и орденъ іезуитовъ. Въ настоящее время не можетъ подлежать сомнѣнію, что значеніе этихъ двухъ учрежденій было до чрезвычайности преувеличено стоустой молвой. Но какъ до великой революціи всѣ были убѣждены въ существованіи «голоднаго договора» (pacte de famine) между королемъ и хлѣбными «ростовщиками», какъ тогда никто не сомнѣвался въ томъ, что главная причина государственнаго банкротства заключается въ расточительности двора и въ частности Маріи-Антуанетты и ея друзей, или въ томъ, что Бастилія до послѣдней степени переполнена

---

[1]) Строго говоря, явленіе, на которое обращаетъ вниманіе Тэнъ, сложнѣе, чѣмъ это ему, повидимому, представляется. Оно только отчасти представляетъ «возвратъ къ язычеству», отчасти же оно представляетъ прямое продолженіе язычества. Послѣдняя сторона дѣла по всѣмъ видимостямъ даже значительно важнѣе первой. Когда въ самомъ дѣлѣ современные европейскіе народы были во всей своей массѣ дѣйствительно христіанскими?!

несчастными узниками, такъ теперь легенда о конгрегаціи и іезуитахъ пріобрѣла самое широкое распространеніе.

Это вовсе не значитъ, чтобы конгрегація и іезуиты не играли никакой роли. Значеніе ихъ въ качествѣ орудій клерикальной идеи не можетъ подлежать сомнѣнію; но они были обязаны своимъ значеніемъ не силѣ своей организаціи или беззастѣнчивости своихъ средствъ борьбы, а значительному распространенію клерикальной идеи въ самомъ обществѣ, начиная отъ самыхъ верхнихъ его слоевъ и кончая крестьянствомъ. «Наши миссіонеры всюду развели огонь,—писалъ старый галликанецъ графъ Монлозіе еще въ 1818 г. изъ своего имѣнія одному пріятелю.—Пусть лучше пришлютъ къ намъ марсельскую чуму, лишь бы намъ не присылали болѣе миссіонеровъ... Мы начинали успокаиваться; сегодня мы болѣе раздѣлены и взаимно раздражены, чѣмъ когда-либо». Большинство населенія относилось враждебно къ этой агитаціи, но повсюду находилось воинствующее меньшинство, страстно поддерживавшее ее. Какъ двадцать-пять лѣтъ раньше политическій строй и условія времени выдвинули воинствующее якобинское меньшинство, терроризировавшее всю Францію, такъ теперь новый политическій строй и измѣнившіяся условія времени выдвинули воинствующее клерикальное меньшинство, собиравшееся терроризировать и дѣйствительно терроризировавшее ту же Францію. И такъ же мало, какъ парижскій якобинскій клубъ создалъ якобинское движеніе, конгрегація и іезуиты создали клерикальное движеніе. Подобно якобинскому клубу, они лишь организовали до извѣстной степени это движеніе, направляли его, указывали ему ближайшія задачи и обезпечивали ему своимъ вліяніемъ на центральную власть болѣе или менѣе открытую и энергичную поддержку государства. Главное отличіе конгрегаціи по сравненію съ якобинскимъ клубомъ заключалось въ томъ, что якобинскій клубъ дѣйствовалъ открыто, всѣ его засѣданія были публичны, тогда какъ конгрегація дѣйствовала въ потемкахъ, что, разумѣется, чрезвычайно содѣйствовало росту легенды о ней.

Конгрегація возникла еще до реставраціи въ эпоху острой борьбы Наполеона I съ папской властью въ лицѣ папы Пія VII. Тогда именно рядъ образовавшихся независимо другъ отъ друга религіозныхъ обществъ соединился въ одну «конгрегацію» (по иниціативѣ Монморанси, ставшаго впослѣдствіи министромъ Людовика XVIII и Карла X). Въ отличіе отъ другихъ аналогичныхъ обществъ, ограничивавшихся созерцательной религіозной жизнью, конгрегація послѣ возвращенія Бурбоновъ скоро принялась за практическую дѣятельность, направленную къ «возстановленію преобладанія церкви въ государствѣ», какъ выразился одинъ изъ ея членовъ, Полиньякъ, и къ борьбѣ съ «нечестивыми законами (lois impies), подъ властью которыхъ мы живемъ», какъ выразился другой ея членъ, де Марселюсъ. Полное соотвѣтствіе этой цѣли съ настроеніемъ воинствующаго клерикальнаго меньшинства дало ей возможность присоединить къ себѣ многочисленныя мѣстныя организаціи и воспользоваться вліяніемъ цѣлаго ряда органовъ печати, а могущественное покровительство графа Артуаскаго (впослѣдствіи короля Карла X) привлекало къ ней всякаго рода религіозно-индифферентные, но желавшіе заслужить расположеніе власти элементы. «Люди, торопившіеся сдѣлать карьеру, вступали въ нее какъ на путь, который можетъ привести къ успѣху»,—писалъ одинъ несомнѣнный роялистъ этого времени.

Не меньшую роль, чѣмъ конгрегація, игралъ орденъ іезуитовъ, распространявшій свое вліяніе и на самую конгрегацію. Упраздненный папою Климентомъ XIV въ 1774 г., орденъ въ 1815 г. былъ возстановленъ или, вѣрнѣе, снова признанъ буллою, Sollicitudo omnium папы Пія VII, какъ вѣрное и сильное оружіе въ борьбѣ съ атеизмомъ и революціонными идеями. Запрещенный еще до буллы Климента XIV во Франціи, онъ, однако, строго говоря, нуждался здѣсь въ упраздненіи направленныхъ противъ него законодательныхъ актовъ, чтобы возобновить свою дѣятельность на законномъ основаніи. Несмотря на это, орденъ не счелъ нужнымъ добиваться легализаціи и, проникнувъ еще въ эпоху Наполеона (благодаря покровительству его дяди кардинала-архіепископа Ліонскаго, Феша) во Францію, онъ возобновилъ здѣсь свою дѣятельность подъ псевдонимомъ ордена «отцовъ вѣры» (pères de la foi), а послѣ реставраціи отказался и отъ псевдонима. Основавъ рядъ учебныхъ заведеній, онъ съ 1818 г. становится во главѣ миссіонерскаго дѣла внутри Франціи и захватываетъ руководство многочисленными «маленькими семинаріями», ближайшимъ образомъ предназначенными давать образованіе будущимъ священникамъ, но посѣщаемыми также весьма значительнымъ количествомъ дѣтей, которыя никогда не вступятъ въ ряды духовенства.

Таковы конкретныя проявленія дѣятельности конгрегаціи и іезуитовъ. Но общество видитъ во всемъ этомъ лишь ничтожную долю ихъ дѣйствительнаго значенія, и озлобленіе противъ нихъ растетъ съ поразительной быстротой.

Выразителемъ этого настроенія сдѣлался уже упомянутый графъ Монлозіе, нѣкогда членъ Національнаго Собранія 1789 г. Убѣжденный роялистъ, католикъ и феодалъ, семидесятилѣтній Монлозіе (онъ родился въ 1755, т.-е. былъ всего на годъ моложе де Местра и Бональда) раздѣлялъ отвращеніе легитимистовъ къ философіи XVIII вѣка и мечталъ о возстановленіи соціально-политическаго владычества феодальной знати. «Правительство, поставленное лицомъ къ лицу съ націей, составленной и организованной совершенно иначе, чѣмъ любая другая нація,—съ націей, единственнымъ двигателемъ которой являются соображенія объ общихъ, т.-е. объ индивидуальныхъ интересахъ, таковы единственные элементы общества,—писалъ онъ въ 1819 г.—Разъ нація дошла до такого состоянія, надо торопиться *измѣнить ея строй, несмотря ни на что и вопреки ея волѣ* (malgré tout et malgré elle), или же необходимо управлять ею при помощи чистаго деспотизма. Воспользуйтесь вашей силой, покуда она въ вашемъ распоряженіи, чтобы заставить эту толпу адвокатовъ, медиковъ, живописцевъ, ученыхъ, писателей, архитекторовъ и купцовъ, которой вы постоянно угождаете, занять свойственное ей мѣсто... Освятите все то изъ результатовъ революціи, что необходимо въ интересахъ порядка, но избѣгайте нивелировки». Но этотъ приверженецъ феодальной утопіи, этотъ ревностный католикъ оказался въ то же время однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей старой галликанской вражды къ клерикализму, носителя котораго онъ попрежнему усматриваетъ въ іезуитахъ. «Повсюду,—писалъ онъ,—гдѣ замѣчается движеніе, волненіе, театръ,—можно съ увѣренностью встрѣтить іезуитовъ. Это—ихъ пища, ихъ элементъ. Какъ-разъ въ такой странѣ, какъ Франція,—странѣ, которую революція разодрала на части, и которая волнуется въ борьбѣ партій, имъ можно дѣйствовать съ успѣхомъ. При Бонапартѣ онъ (іезуитъ) былъ лишь какой-то отецъ вѣры, очень

маленькій, очень скромный, очень незамѣтный человѣчекъ. Какъ только совершается реставрація, конгрегаціи приходятъ въ движеніе. До этого момента имя іезуита скрывалось; теперь оно произносится открыто».

Ничего не можетъ быть характернѣе для настроенія французскаго общества, какъ письмо стараго графа къ Карлу X отъ 18 мая 1825 г.: «несомнѣнно, я стою выше всякихъ подозрѣній (въ невѣріи), по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается моихъ принциповъ, моего почтенія и моей привязанности ко всему, что связано съ религіозными истинами, единственной основой соціальнаго бытія. Да и какая другая узда могла бы быть наложена на страсти людей? Но соблаговолите мнѣ повѣрить, ваше величество, что въ тотъ день, когда государь подчинится руководству духовенства (а уже теперь говорятъ слишкомъ много о вліяніи послѣдняго), нельзя будетъ больше достигнуть никакихъ результатовъ. Безъ сомнѣнія, духовенство является могущественнымъ союзникомъ, и его функціи священны, но предоставить ему руководство собой—значитъ погубить его и погубить себя».

Годъ спустя, Монлозіе пришелъ къ убѣжденію, что король находится въ полной духовной зависимости отъ клерикаловъ, и тогда онъ издалъ свой знаменитый «Мемуаръ касательно религіозной и политической системы, направленной къ ниспроверженію религіи, общества и престола». «Вся Франція—говорится здѣсь—проникнута убѣжденіемъ, что ею управляютъ нынѣ не король и его государственные люди, а, какъ Англіей въ эпоху Стюартовъ, іезуиты и конгрегаціи. Я знаю, что у однихъ это вызываетъ чувство скорби, у другихъ наклонность къ насмѣшкѣ, у наибольшаго числа чувство стыда, котораго ни одна нація не можетъ долго вынести... Вы хотите внушить Франціи почтеніе къ священникамъ?—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.—Такъ не втягивайте ихъ, ради Бога, въ мірскія отношенія и дѣла! Что бы они вамъ ни говорили, помѣшайте имъ проституировать себя въ мелочахъ человѣческой жизни».

Задача мемуара заключалась, съ одной стороны, въ томъ, чтобы доказать фактами владычество господствующей надъ провинціями и подчиняющей себѣ даже центральную власть конгрегаціи, ростъ вліянія іезуитовъ, развитіе ультрамонтанскаго духа въ духовенствѣ и постоянное стремленіе церкви къ захвату свѣтской власти; съ другой стороны,—въ томъ, чтобы показать всю опасность такого порядка вещей и, наконецъ, въ томъ, чтобы доказать несоотвѣтствіе этого порядка съ дѣйствующимъ законодательствомъ и потребовать устраненія его путемъ строгаго соблюденія законовъ. Въ заключеніе самъ Монлозіе оставлялъ за собою право донести о совершаемыхъ противозаконіяхъ судамъ по полученіи имъ предварительныхъ разъясненій отъ компетентныхъ юристовъ.

Впечатлѣніе, произведенное его трактатомъ, было колоссальное. Всѣ оппозиціонные элементы сразу почуяли въ немъ чрезвычайно сильнаго союзника, и имя его сразу пріобрѣло громадную популярность. Съ другой стороны, онъ сдѣлался естественно предметомъ самыхъ ожесточенныхъ нападеній со стороны легитимистовъ-клерикаловъ. Большинство изъ нихъ ограничивалось анонимными выступленіями; но нѣкоторые изъ ихъ наиболѣе крупныхъ представителей, въ томъ числѣ Бональдъ, выступили открыто противъ него. И вотъ что отвѣтилъ Монлозіе Бональду: «большую часть политическихъ и религіозныхъ взглядовъ г. де Бональда я не могу оспаривать,

такъ какъ я ихъ раздѣляю. Съ перваго момента моего возвращенія во Францію я имѣлъ счастіе сходиться съ нимъ по великимъ вопросамъ о разводѣ, о бракѣ, о семьѣ, о знати, о достоинствахъ и превосходствѣ католической религіи, а также и монархическаго образа правленія. Въ этихъ отношеніяхъ я уже давно желалъ бы вступить съ нимъ въ тѣсную связь. Но когда я замѣтилъ, что онъ входитъ въ котерію поповъ, что онъ раздѣляетъ ихъ стремленія и покровительствуетъ ихъ системѣ захватовъ; когда я замѣтилъ, что онъ почти въ такой же степени ультрамонтанъ, какъ и французъ, что его монархія почти цѣликомъ заключается въ папѣ, его евангеліе въ обрядахъ; когда я замѣтилъ, что онъ вмѣстѣ съ многими другими высиживалъ яйцо, которое съ тѣхъ поръ раскрылось, тогда я продолжалъ, разумѣется, видѣть въ немъ друга религіи и монархіи, но, если ужъ это нужно сказать, друга самаго враждебнаго, самаго опаснаго и самаго гибельнаго».

При полной и несомнѣнной искренности спорящихъ, при однородности ихъ основныхъ политическихъ и соціальныхъ взглядовъ столкновеніе Бональда и Монлозіе пріобрѣтало особенно важное значеніе. Послѣдовательность была несомнѣнно на сторонѣ Бональда; зато на сторонѣ Монлозіе было въ данномъ случаѣ чутье жизни. И тотъ и другой признавали необходимость полной, хотя бы и насильственной реорганизаціи соціальной жизни на аристократическихъ началахъ, но, тогда какъ Бональдъ сознавалъ невозможность добиться этого результата при помощи однихъ законодательныхъ мѣръ и именно поэтому считалъ необходимымъ использовать могущественный рычагъ церковнаго вліянія на народное міросозерцаніе, Монлозіе, въ свою очередь, болѣе близкій въ этомъ отношеніи къ общественному настроенію, прекрасно понималъ конечное безсиліе и серьезную опасность этого средства, противъ котораго въ немъ самомъ возмущался его традиціонный галликанизмъ, и, слѣдуя традиціи XVIII в., былъ склоненъ придавать чрезмѣрное значеніе силѣ декретовъ и вмѣшательству государственной власти въ повседневную жизнь общества. Если бы обѣ стороны договорили свои положенія до конца, и каждая могла бы оцѣнить силу довода противника въ той области, гдѣ онъ былъ правъ, оба должны были придти къ заключенію въ полной безнадежности ихъ соціально-политическаго идеала. Даже больше. Разъ нельзя было вернуть Францію къ патріархальному, феодально-абсолютистическому режиму ни силою декретовъ, ни силою церкви, разъ демократизація и секуляризація французской жизни должна была быть признана совершившимся фактомъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, падалъ внутренній смыслъ всей той политики, съ которой реставрація окончательно отожествила себя въ лицѣ Карла X и всей старшей линіи Бурбоновъ вплоть до будущаго претендента Генриха V (графа Шамбора).

Если таковъ былъ внутренній смыслъ обострившихся такимъ путемъ споровъ, то ближайшее практическое ихъ значеніе было уже, но оказало все же немалое вліяніе на судьбу реставраціи. Дѣло Монлозіе послужило шумнымъ проявленіемъ начавшагося, разумѣется, еще раньше разслоенія роялистической партіи и въ высокой степени содѣйствовало ослабленію монархіи Бурбоновъ, какъ потому, что выступленіе Монлозіе еще усилило то состояніе безпокойства и недовольства, которое начало охватывать буржуазные слои общества, такъ и потому, что оно оттолкнуло отъ реставраціи многихъ убѣжденныхъ роялистовъ весьма консервативнаго образа мыслей и ослабило ихъ противодѣйствіе растущей оппозиціи.

Въ этомъ отношеніи крайне характерна судьба того торжественнаго «доноса» (dénonciation), который былъ поданъ Монлозіе 16 іюля 1826 г. апелляціонной палатѣ въ Парижѣ противъ злоупотребленій церкви и въ частности іезуитовъ и противъ забвенія, въ которое благодаря вліянію клерикаловъ впала знаменитая «галликанская» декларація французскаго духовенства 1682 г. Какъ и слѣдовало ожидать, палата признала себя некомпетентной принять ожидаемыя «доносчикомъ» мѣры,—время старыхъ парламентовъ прошло безвозвратно,—но въ то же самое время она категорически признала, что дѣйствующее законодательство безусловно не допускаетъ негласнаго возстановленія іезуитскаго ордена, заявивъ при этомъ, «что эдикты, и постановленія (на которые она ссылалась) были основаны на признаніи несовмѣстимости исповѣдуемыхъ орденомъ принциповъ и независимости всякаго правительства, принциповъ, еще болѣе несовмѣстимыхъ съ конституціонной хартіей». Постановленіе было принято палатой большинствомъ двухъ третей ея членовъ, въ томъ числѣ и ея предсѣдателемъ де Сегіе, и вызвало крайнее недовольство двора, выразившееся въ рѣзкомъ обращеніи короля и членовъ его семьи съ представителями палаты во время ближайшей аудіенціи.

Это постановленіе представляло несомнѣнное пораженіе для всемогущаго при дворѣ клерикализма. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя за нимъ послѣдовало второе пораженіе, нанесенное клерикаламъ палатой пэровъ, въ которую Монлозіе обратился 20 декабря того же 1826 г. съ петиціей, въ которой онъ просилъ содѣйствія палаты для борьбы съ церковными злоупотребленіями. Разсмотрѣвъ его петицію и устранивъ изъ нея рядъ пожеланій, которыя она предлагала оставить безъ послѣдствій, комиссія палаты предложила пэрамъ высказаться за препровожденіе той части петиціи, которая касалась незаконности существованія іезуитскаго ордена, къ предсѣдателю совѣта министровъ, иначе говоря, предложила присоединиться по этому вопросу къ протесту Монлозіе, а палата, несмотря на просьбу министра церковныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Фрэссину, выступившаго съ апологіей іезуитовъ и настаивавшаго на принятіи простого перехода къ очереднымъ дѣламъ, отвергла переходъ и присоединилась значительнымъ большинствомъ голосовъ къ предложенію комиссіи.

Практическое значеніе всѣхъ этихъ фактовъ осталось, однако, почти равнымъ нулю. Клерикализмъ попрежнему господствовалъ, но кругъ его враговъ въ то же время постоянно увеличивался.

Если такой феодалъ, какъ Монлозіе, если апелляціонная палата и палата пэровъ были настолько недовольны направленіемъ внутренней политики, то поэтому можно судить о томъ, что творилось въ болѣе широкихъ кругахъ общества. Въ своихъ мемуарахъ крайне умѣренный и ревностно религіозный Гизо, который, впрочемъ, былъ протестантомъ, такъ отзывается объ этой эпохѣ. Стараясь дать характеристику крупнѣйшаго государственнаго дѣятеля изъ легитимистовъ, долголѣтняго премьеръ-министра Виллеля, онъ говоритъ о затруднительномъ положеніи послѣдняго по отношенію къ его же сторонникамъ. «У него были весьма разнородные сторонники, оказывавшіе ему поддержку на весьма различныхъ условіяхъ. Если бы онъ имѣлъ дѣло только съ тѣми, которыхъ я назову политиками и мірянами партіи, ему могло бы удасться ихъ удовлетворить и управлять при ихъ содѣйствіи. Несмотря на свои предразсудки, бо́льшая часть провинціальныхъ дворянъ и рояли-

стическихъ буржуа не была ни особенно страстна, ни особенно требовательна; въ существѣ дѣла они раздѣляли нравы новой Франціи, находили или возвращали себѣ безъ труда свое мѣсто въ ея рядахъ и приспособились къ конституціонному режиму, какъ только перестали быть побѣжденными. Вознагражденіе эмигрантовъ, кой-какія гарантіи вліянія на мѣстныя дѣла и раздача имъ государственныхъ должностей на долгое время были бы достаточными, чтобы обезпечить г. де Виллелю ихъ содѣйствіе. Но другую часть его арміи, многочисленную, вліятельную и необходимую, а именно религіозную партію, было гораздо труднѣе какъ удовлетворить, такъ и направлять». Результатомъ дѣятельности этой партіи «была война, объявленная значительной частью католической церкви Франціи современному французскому обществу, его принципамъ, его политической и гражданской организаціи, его происхожденію и тенденціямъ... Никогда подобная война не была менѣе разумна и менѣе своевременна. Она остановила развитіе реакціи, начавшейся въ эпоху консульства въ пользу религіозныхъ вѣрованій и чувствъ... Движеніе, которое возвращало Францію къ христіанству, было искреннимъ и болѣе серьезнымъ, чѣмъ казалось; то была вмѣстѣ и общественная потребность и наклонность ума; общество, утомленное потрясеніями и измѣненіями, искало прочныхъ точекъ опоры, на которыя оно могло бы опереться и отдохнуть; умы, которымъ опротивѣла земная и матеріальная атмосфера, стремились подняться снова къ болѣе высокимъ и болѣе чистымъ горизонтамъ, а наклонности моды въ области нравовъ дѣйствовали въ томъ же направленіи, что и инстинкты общественнаго интереса. Если бы это движеніе было предоставлено своему естественному теченію и поддержано вліяніемъ духовенства, исключительно занятаго возстановленіемъ христіанской вѣры и жизни, оно имѣло бы большіе шансы распространиться и вернуть религіи ея законную власть. Но, вмѣсто того, чтобы удержаться въ этой высокой области, многіе члены и слѣпые сторонники католическаго духовенства спустились къ вопросамъ міра и проявляли болѣе страстное стремленіе къ тому, чтобы отбросить французское общество къ его старымъ формамъ жизни, дабы вернуть церкви ея прежнее мѣсто, нежели къ тому, чтобы реформировать души и морально ими руководить. Ошибка была глубока; христіанская церковь не похожа на языческаго Антея, который возстанавливаетъ свои силы, когда коснется земли; церковь, наоборотъ, возстанавливаетъ ихъ въ дни опасности тѣмъ, что отдѣляется отъ земли и подымается снова къ небесамъ. Когда увидѣли, что она теряетъ связь съ своей настоящей и возвышенной миссіей, чтобы требовать репрессивные законы и руководить раздачей должностей; когда увидѣли, что ея желанія и усилія направлены прежде всего противъ принциповъ и учрежденій, которыя составляютъ нынѣ самое существо французскаго общества, когда свобода совѣсти, публичность, закономѣрное отдѣленіе гражданской и религіозной жизни, свѣтскій характеръ государства оказались въ опасности и подверглись нападеніямъ, тогда подымавшаяся волна религіозной реакціи остановилась и уступила мѣсто противоположной волнѣ. Вмѣсто того движенія, которое разрѣжало ряды партіи невѣрующихъ въ пользу религіозной партіи, обѣ стороны сомкнули свои ряды; XVIII вѣкъ возродился во всеоружіи; Вольтеръ, Руссо, Дидро и наиболѣе посредственные изъ ихъ учениковъ распространились снова повсемѣстно, собирая многочисленные отряды поклонниковъ. Во имя церкви была объявлена война обществу;

общество отвѣтило церкви войною за войну». «То были уже не тайныя общества, то были умы, которые повсемѣстно приходили въ броженіе и проявляли его со страстью. И въ этомъ общественномъ движеніи сопротивленіе подымалось съ особенной страстностью противъ претензій и преобладанія партіи фанатиковъ».

Блестящимъ показателемъ этого настроенія можетъ служить грандіозный успѣхъ безконечнаго ряда новыхъ изданій всякаго рода сочиненій XVIII вѣка, притомъ не только какихъ-либо небольшихъ брошюръ, а также огромныхъ, доходящихъ подчасъ до 80 томовъ, полныхъ собраній сочиненій. Безъ преувеличенія можно сказать, что Вольтеръ, Дидро и т. д. только въ эпоху реставраціи проникли глубоко въ ряды французской буржуазіи и вторично одержали полную побѣду надъ католицизмомъ [1]). «Вотъ почему съ 1830 г. священники были вынуждены въ теченіе двухъ лѣтъ отказаться отъ публичнаго ношенія своего костюма и могли вернуть себѣ популярность только вниманіемъ къ больнымъ, проявленнымъ ими въ эпоху холеры (1831—2 г.)».

Главная ставка послѣдовательныхъ легитимистовъ была, такимъ образомъ, не только проиграна, но оказалась даже однимъ изъ самыхъ сильныхъ боевыхъ средствъ противъ реставраціи. Ничто не содѣйствовало въ такой степени быстрому росту оппозиціоннаго настроенія, какъ назойливая клерикальная политика строгихъ роялистовъ. Она подготовила почву для быстраго возрастанія либеральной, а отчасти и республиканской оппозиціи, которая впервые дала себя знать еще во времена Людовика XVIII, затѣмъ была временно сломлена измѣненіемъ избирательнаго закона въ 1820 г., чтобы потомъ снова проявиться сначала въ палатѣ депутатовъ, чему, начиная съ 1827 г., не помѣшалъ даже этотъ крайне реакціонный законъ, а затѣмъ, когда была сдѣлана новая попытка измѣнить избирательный законъ, въ іюльской революціи [2]).

---

[1]) Согласно тайному докладу, представленному въ 1825 г. министру внутреннихъ дѣлъ, за послѣднія восемь лѣтъ (1817—1824) было напечатано и продано 31600 экземпляровъ 90-томнаго изданія сочиненій Вольтера, т.-е. приблизительно столько же, сколько въ 80-ые г. XVIII вѣка (ок. 40000). За то же время было продано 24000 экземпляровъ сочиненій Руссо.

[2]) Избирательный законъ 1816 г., устанавливавшій ежегодное переизбраніе одной пятой части палаты прямыми выборами по вышеуказанному цензу, далъ въ 1817 г. 25 «независимыхъ» или либераловъ (изъ 258 депутатовъ), въ 1818 г. 45, въ 1819 г. 90 либераловъ. Страхъ передъ этими результатами и убійство герцога Беррійскаго въ 1820 г. привели въ томъ же году къ измѣненію избирательнаго закона: количество депутатовъ было увеличено до 430; ежегодное переизбраніе пятой части было замѣнено переизбраніемъ всей палаты черезъ каждыя пять лѣтъ; изъ 430 депутатовъ 258 избирались попрежнему всѣми лицами съ цензомъ въ 300 франковъ прямыхъ налоговъ, а 172 избирались добавочно лицами съ цензомъ въ 1000 франковъ, участвовавшими уже въ избраніи первыхъ 258 и получившими, такимъ образомъ, право двойного голоса. Выборы, совершившіеся на основаніи этого закона въ февралѣ 1824 г. подъ сильнѣйшимъ открытымъ давленіемъ правительства, дали ультра-роялистскую палату, въ которой было всего 19 либераловъ; но уже выборы 1827 г., во время которыхъ чрезвычайно рѣзко проявилось разложеніе роялистской партіи, дали 190 лѣвыхъ. Къ 1830 г. вслѣдствіе назначенія министерства Полиньяка число голосовъ оппозиціи возросло до 221, а назначенные тогда же послѣ роспуска избранной въ 1827 г. палаты новые выборы довели это число, не-

Внутреннія противорѣчія созданнаго хартіей строя оказались, такимъ образомъ, болѣе сильными, чѣмъ параграфы самой хартіи, вдобавокъ слишкомъ неопредѣленной какъ-разъ по самымъ важнымъ пунктамъ, по вопросу объ избирательномъ правѣ, о свободѣ печати и о предѣлахъ дискреціонной власти короля, предусмотрѣнной ст. 14. Возможность измѣнять избирательный законъ при содѣйствіи реакціоннаго большинства (въ 1820 г.) или даже по усмотрѣнію короля (удачно въ 1815, неудачно въ 1830 г.) давала просторъ абсолютистическимъ навыкамъ, а тѣсный союзъ короны съ церковью и знатью—всякаго рода феодально-клерикальнымъ вожделѣніямъ. Въ результатѣ консервативное настроеніе большинства населенія, участвовавшаго такъ или иначе въ политической жизни, смѣнилось рѣшительно оппозиціоннымъ и даже такіе враги революціи и страстные сторонники порядка, какъ Ройэ-Колларъ, Гизо, герцогъ де Брольи и т. д., очутились въ рядахъ «крамольниковъ».

Оппозиціонное настроеніе находило немало пищи и помимо феодально-клерикальной политики правительства. Рѣшенная въ 1825 г. конверсія 5% ренты, понизившая доходъ съ государственныхъ бумагъ до 3%, вызвала тѣмъ большее недовольство среди массы кредиторовъ государства, что ее не безъ основанія объясняли желаніемъ найти средства для вознагражденія эмигрантовъ. Фискальная система была построена на грандіозномъ развитіи косвенныхъ налоговъ и обращалась крайне бережно съ доходами отъ землевладѣнія, а законы о хлѣбной торговлѣ обезпечивали землевладѣльцамъ высокія цѣны на хлѣбъ, въ то время какъ чрезвычайно высокій тарифъ почти запретительныхъ пошлинъ содѣйствовалъ вздорожанію продуктовъ промышленности.

Тѣмъ не менѣе, матеріальное положеніе страны было благопріятно. Прекращеніе безконечныхъ войнъ Наполеона I освободило Францію отъ громадныхъ расходовъ и безпрерывныхъ потерь людьми. Курсъ 5% государственной ренты, который въ 1816 г. не доходилъ даже до 60, поднялся къ 1825 г. до 100, чтобы послѣ конверсіи упасть всего до 95. Именно въ это время начала усиленно развиваться крупная промышленность съ фабрично-машиннымъ производствомъ. Замѣтно улучшалась и техника земледѣлія. Если не считать нѣкоторыхъ волненій 1816 и 1817 гг., вызванныхъ неурожаемъ и значительнымъ вздорожаніемъ хлѣбныхъ цѣнъ, то можно сказать, что народная масса не проявляла остраго безпокойства и замыкалась по обыкновенію въ свои повседневные экономическіе интересы. Полнаго спокойствія не было, правда и въ ея рядахъ, такъ какъ и въ нее проникали опасенія, вызванныя толками о стремленіи двора возстановить старый, до революціонный порядокъ. Но отсюда до революціоннаго настроенія было еще далеко.

Истиннымъ носителемъ оппозиціоннаго и революціоннаго настроенія были буржуазія отъ самыхъ верхнихъ до низшихъ ея слоевъ и отчасти рабочіе, особенно рабочіе самыхъ крупныхъ промышленныхъ центровъ и прежде всего Парижа. До

смотря на вмѣшательство короля въ избирательную кампанію, до 270. Отвѣтомъ на эти выборы были іюльскіе ордоннансы, содержавшіе новое измѣненіе избирательнаго закона: количество депутатовъ было снова сокращено до 258, и при установленіи ценза промысловый налогъ впредь не долженъ былъ приниматься во вниманіе, иначе говоря, въ выборахъ должны были участвовать только крупнѣйшіе землевладѣльцы. Результатомъ этого была іюльская революція.

самой іюльской революціи, когда они впервые напомнили о себѣ болѣе широкимъ кругамъ, рабочіе, однако, не играли сколько-нибудь замѣтной роли. Сознаніе обособленности ихъ интересовъ и интересовъ буржуазіи было развито крайне слабо, и начавшія появляться съ 1824 г. первыя исторіи великой революціи Тьера и Минье вовсе не считались съ этимъ фактомъ. Историческіе труды Гизо и другихъ изслѣдователей болѣе раннихъ эпохъ національной и европейской исторіи точно также выдвигали на первый планъ «средній классъ» или «третье сословіе», не различая въ должной мѣрѣ разныхъ его слоевъ.

Атмосфера оппозиціи была буржуазная, и поскольку къ ней примѣшивались другіе элементы, изъ коихъ особенное значеніе имѣли ветераны наполеоновскихъ войскъ и воспитанная ими на наполеоновскихъ традиціяхъ молодежь, они мало или вовсе не измѣняли основного характера движенія. Въ результатѣ совершенно понятно и естественно, что на долю буржуазіи, которая составляла единственный оплотъ противъ реакціи, выпали и всѣ выгоды революціи и вся отвѣтственность за направленіе дальнѣйшаго развитія Франціи. Ясно, какое значеніе при такихъ условіяхъ имѣетъ вопросъ о господствовавшихъ среди буржуазіи политическихъ и соціальныхъ взглядахъ.

ГЛАВА V.

Характеръ и главныя направленія оппозиціонной мысли.

Разочарованіе, охватившее послѣ неудачнаго исхода великой революціи все французское общество, обезпечило представителямъ абсолютистической, клерикальной и феодальной идеи возможность сыграть роль, не соотвѣтствовавшую ни малой глубинѣ ихъ собственныхъ идей, ни ихъ незначительному количеству. Разочаровавшись въ своихъ революціонныхъ вожакахъ и въ своей собственной способности къ свободному коллективному строительству въ области соціальной и политической жизни, общество не только не препятствовало хвалителямъ «добраго, стараго времени» вернуться къ власти, но въ лицѣ значительной своей части даже привѣтствовало ихъ возвращеніе; не отдавая себѣ отчета въ глубокомъ противорѣчіи между новыми тенденціями общественнаго развитія и старыми формами государственной организаціи.

Опытъ эпохи реставраціи очень скоро показалъ, что не только сами Бурбоны, но и весь командующій классъ «ничего не позабыли и ничему не научились», что люди, мечтающіе о временахъ натуральнаго хозяйства и средневѣковой теократіи, не способны отдать себѣ отчетъ въ потребностяхъ общества, рѣшительно вступившаго въ фазисъ капиталистическаго развитія и строптиваго отношенія не только «высшихъ десяти тысячъ», но и широкихъ общественныхъ слоевъ ко всякому внѣшнему авторитету и всякимъ готовымъ формамъ жизни.

Острѣе всего это противорѣчіе естественно чувствовалось среди совокупности городскихъ элементовъ французскаго населенія, тогда какъ масса крестьянства была не столь далека отъ натуральнаго хозяйства и отъ церковно-религіознаго типа мышленія, чтобы ощущать съ должной силой архаичность господствовавшей соціально-политической системы. Ни въ 1830, ни въ 1848 г. крестьянство не

сыграло никакой активной роли въ революціонномъ движеніи, а когда оно впервые выступило на сцену—при выборахъ въ Національное Собраніе 1848 г. и при избраніи президента республики,—оно проявило глубоко консервативныя соціальныя и политическія наклонности и готовность вручить свою судьбу попрежнему какому-нибудь опекуну, имя котораго внушало ему довѣріе.

Оппозиціонное движеніе, начавшееся съ 20-хъ годовъ и усиливавшееся вплоть до 1848 г., было, такимъ образомъ, чисто-городскимъ. А среди французскихъ городовъ, въ свою очередь, Парижъ занималъ и по количеству своего населенія, и по своему административному значенію, и по связаннымъ съ нимъ культурнымъ и революціоннымъ воспоминаніямъ, и по своему значенію въ экономической и культурной жизни страны столь исключительное положеніе, какъ ни одинъ другой городъ ни въ одной изъ другихъ европейскихъ странъ. Парижъ и является поэтому главнѣйшимъ центромъ оппозиціоннаго движенія и задаетъ тонъ всѣмъ остальнымъ городамъ, а прежде всего, конечно, болѣе крупнымъ изъ ихъ числа, тогда какъ въ болѣе мелкихъ проявляются многія черты, сближающія ихъ скорѣе съ деревней.

Само собою разумѣется, однако, что и городской классъ не представляетъ чего-нибудь вполнѣ однороднаго; какъ по экономическимъ, такъ и по культурно-психологическимъ чертамъ въ его составѣ можно различать рядъ подраздѣленій. Древнѣйшимъ типомъ городского обывателя былъ мелкій ремесленникъ и мелкій торговецъ, на ряду съ которымъ съ теченіемъ времени появились болѣе или менѣе крупный капиталистъ, съ одной стороны, пролетарій—съ другой. Несмотря на то что этими тремя группами отнюдь не исчерпывается вся масса городского населенія—стоитъ только вспомнить о весьма многочисленной и объединяемой особыми признаками группѣ чиновниковъ,—несмотря далѣе на то, что ни одна изъ трехъ названныхъ выше группъ не представляется, въ свою очередь, вполнѣ однородной, несмотря, наконецъ, на большое количество переходныхъ звеньевъ, три указанныхъ типа могутъ считаться въ общемъ довольно опредѣленными и достаточно исчерпывающими составъ городского населенія, особенно если причислять къ каждому изъ нихъ тѣхъ представителей чиновничества, лицъ свободныхъ профессій и т. д., которыя по всему своему складу жизни подходятъ ближе всего именно къ крупной и средней буржуазіи, или къ мелкой буржуазіи, или къ пролетаріату.

Экономическіе интересы, образъ жизни и характеръ міросозерцанія каждой изъ этихъ группъ имѣютъ свои особенности, и эти особенности не могутъ не отразиться и на политическихъ взглядахъ ихъ членовъ. Согласно съ этимъ мы можемъ ожидать, что встрѣтимъ не менѣе трехъ особенно типичныхъ направленій оппозиціонной мысли среди городского класса. Дѣйствительность подтверждаетъ это ожиданіе. Такими теченіями являются либеральное, радикально-республиканское и соціалистическое. Первое свиваетъ себѣ гнѣздо преимущественно среди крупной и средней, второе—среди мелкой буржуазіи, а третье—среди пролетаріата.

Необходимо лишь сдѣлать одну оговорку. Ни одно изъ этихъ трехъ теченій не возникало, не создавалось съ спеціальной цѣлью служить опредѣленнымъ классовымъ интересамъ.

Крупныя системы политическихъ идей возникаютъ не потому, что извѣстный

классъ нуждается въ оправданіи своихъ интересовъ и стремленій и выдвигаетъ изъ своей среды людей, способныхъ формулировать эти идеи. Онѣ возникаютъ какъ продуктъ добросовѣстнаго, не руководящагося эгоистическими интересами, мышленія. Создающая ихъ мысль работаетъ, разумѣется, надъ извѣстнымъ конкретнымъ матеріаломъ и подвергается опасности переоцѣнить значеніе однихъ и недостаточно оцѣнить значеніе другихъ данныхъ общественнаго опыта, недостаточно оцѣнить сложность общественныхъ явленій, иначе говоря, опасности дать одностороннее разрѣшеніе политической проблемы. Именно вслѣдствіе своей односторонности такое рѣшеніе будетъ соотвѣтствовать лишь части сталкивающихся въ общественной жизни интересовъ, и представители этихъ интересовъ именно въ силу этого и воспользуются имъ, найдутъ въ немъ выраженіе своихъ потребностей, своихъ чаяній и стремленій.

Задача, которую ставятъ себѣ создатели соотвѣтственныхъ соціальныхъ и политическихъ системъ, заключается, такимъ образомъ, не въ обезпеченіи интересовъ какого-либо класса, а въ разрѣшеніи вопроса, въ чемъ заключается благо всего общества. Смотря потому, какія вліянія обратили на себя ихъ главное вниманіе, они усматриваютъ благо всего общества въ созданіи такихъ условій жизни, которыя лучше всего гарантируютъ нормальное развитіе тѣхъ сторонъ жизни, которыя имъ представляются наиболѣе цѣнными. А вопросъ о томъ, что именно они признаютъ цѣннымъ, отнюдь не разрѣшается ихъ собственной принадлежностью къ тому классу, который впослѣдствіи воспримете ихъ идеи потому, что ихъ теоретическая и его практическая оцѣнка явленій жизни совпадутъ. Графъ Сенъ-Симонъ и Карлъ Марксъ не были пролетаріями, еврей и профессоръ Шталь не былъ прусскимъ юнкеромъ, адвокатъ Берріе не былъ французскимъ дворяниномъ, Радищевъ или декабристы не были крѣпостными крестьянами. Но теоретическія сужденія каждаго изъ нихъ могли совпадать съ практическими потребностями извѣстнаго общественнаго класса.

Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ и можно говорить о томъ, что три указанныхъ системы служили отраженіемъ настроенія и интересовъ трехъ группъ французскаго городского класса.

Въ основѣ каждой изъ нихъ лежитъ опредѣленная идея, отъ осуществленія которой, по мнѣнію ея сторонниковъ, зависитъ общественное благо,—идея свободы личности въ основѣ либеральной, идея народнаго верховенства—въ основѣ радикальной, идея соціальной справедливости и солидарности—въ основѣ соціалистической доктрины. Каждая изъ этихъ теорій представляетъ отраженіе общаго міросозерцанія ея представителей и даетъ опредѣленный критерій для оцѣнки всѣхъ крупныхъ явленій народной жизни.

Характеръ каждой изъ нихъ удобнѣе всего выяснить, разсмотрѣвъ ихъ отношеніе къ опыту, пережитому Франціей въ эпоху великой революціи, отношеніе, которое позволяетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оцѣнить степень глубины каждой изъ нихъ.

Нетрудно прежде всего убѣдиться въ томъ, что всѣ эти три теоріи распадаются съ этой точки зрѣнія на двѣ группы, смотря по тому, научились ли онѣ чему-либо изъ указаннаго опыта, или нѣтъ. Въ первую группу входятъ либеральная и соціалистическая доктрина, во-вторую—радикально-республиканская. Либераль-

ная и соціалистическая доктрины имѣютъ, въ самомъ дѣлѣ, при всемъ своемъ глубокомъ различіи одну общую черту: и та и другая признаютъ постановку политической задачи, изъ которой исходили дѣятели революціи, неправильной, причемъ одна изъ нихъ видитъ ошибку въ самомъ существѣ политическихъ доктринъ революціи, другая же видитъ ее въ слишкомъ узкой постановкѣ этихъ доктринъ, въ частности въ области соціальнаго вопроса. Радикально-республиканская доктрина 20—40-хъ годовъ, наоборотъ, всецѣло примыкаетъ къ идеологіи великой революціи, вполнѣ соглашаясь съ ея основными идеями и не усматривая никакой принципіальной узости въ ихъ постановкѣ.

Говоря конкретнѣе, либеральная доктрина отвергаетъ идею высокаго, умственнаго и нравственнаго совершенства человѣка вообще и группы людей, образующихъ данный народъ, въ частности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идею народнаго верховенства и тѣсно связанную съ ней идею всемогущества разумной государственной власти, т.-е. всѣ основныя положенія господствовавшей въ 1789 г. политической теоріи. Ея основная идея заключается въ идеѣ свободы личности, отъ обезпеченія которой зависитъ интенсивное развитіе всѣхъ хранящихся въ народѣ силъ, и которая подлежитъ поэтому самой тщательной охранѣ какъ противъ неразумнаго деспотизма монарха, такъ и противъ столь же неразумнаго господства массы, т.-е. совокупности безличныхъ, если можно такъ выразиться, людей, находящихся подъ властью слѣпыхъ страстей и по тому самому неспособныхъ ни пользоваться свободой, ни даже оцѣнить ея значеніе, какъ показалъ сначала опытъ первой республики (и подготовлявшихъ ее событій), а затѣмъ наполеоновская диктатура. Идея свободы и идея демократіи, такимъ образомъ, противополагаются этой доктриной какъ идеи, взаимно другъ друга исключающія. Истинная политическая свобода такъ же несовмѣстима съ этой точки зрѣнія съ самодержавіемъ монарха, какъ и съ самодержавіемъ народа. Для устраненія грозящихъ ей опасностей необходимо не только формально ограничить всевластіе государства установленіемъ ненарушимыхъ вольностей личности, но необходимо самую государственную власть передать тѣмъ классамъ или, точнѣе, тому классу общества, который одинъ только цѣнитъ свободу и одинъ только способенъ ею пользоваться, не злоупотребляя содержащимися въ ней самой опасностями какъ вслѣдствіе своего достаточнаго умственнаго развитія, такъ и вслѣдствіе своихъ матеріальныхъ интересовъ. Въ противномъ случаѣ, т.-е. если власть будетъ находиться либо въ рукахъ неограниченнаго короля, либо въ рукахъ неограниченнаго демоса, и тотъ и другой могутъ въ любой моментъ отмѣнить необходимыя вольности личности и тѣмъ самымъ нанести непоправимый ударъ личной свободѣ и личной иниціативѣ. Итакъ, необходимо вручить государственную власть классу, органически заинтересованному въ личной и политической свободѣ. Такой классъ существуетъ; это такъ наз. «среднее сословіе». Ему и должна быть вручена государственная власть, но, дабы оградить его отъ его же возможныхъ увлеченій, государственная власть не должна быть сосредоточена цѣликомъ и непосредственно въ рукахъ его представителей, а должна быть распредѣлена между разными учрежденіями, изъ коихъ наибольшее значеніе должны имѣть король, палата пэровъ и палата депутатовъ. Несмотря на преобладающее положеніе, отводимое при этомъ послѣдней, какъ наиболѣе вѣрной выразительницѣ взглядовъ го-

сподствующаго въ интересахъ свободы класса, нормальное функціонированіе государственной власти требуетъ добровольнаго соглашенія этихъ трехъ учрежденій. Всякое посягательство на любое изъ нихъ, т.-е. въ томъ числѣ и на авторитетъ королевской власти, грозитъ разрушить то сложное равновѣсіе элементовъ государственной власти, внѣ котораго нѣтъ спасенія.

Такова та теорія, представителями разныхъ оттѣнковъ которой являются, чтобы назвать лишь самыхъ крупныхъ, госпожа де Сталь, Бенжаменъ Констанъ, доктринеры съ Ройэ-Колларомъ во главѣ, Гизо и Тьеръ. Въ извѣстномъ смыслѣ къ ней примыкаетъ и Токвиль, несмотря на существенныя поправки, которыя онъ былъ вынужденъ внести въ нее.

Ясно, до какой степени эта теорія противорѣчитъ всѣмъ основнымъ тенденціямъ соціализма. Въ отличіе отъ либеральной доктрины соціалистическая исходитъ изъ вѣры въ человѣка, въ его умственныя силы и нравственную природу, все равно считаетъ ли она возможнымъ разсчитывать для осуществленія своихъ идей на свободное творчество однихъ людей и на сознательное подражаніе другихъ, какъ дѣлаютъ такъ наз. утописты, или же разсчитываетъ ли она на стихійную игру общественныхъ силъ, на неизбѣжно приводящую къ желанной цѣли борьбу классовъ, какъ это дѣлаетъ такъ наз. научный соціализмъ или марксизмъ. Въ этомъ отношеніи соціалистическая доктрина примыкаетъ, такимъ образомъ, всецѣло къ Руссо и къ ходячей идеологіи 1789 г. Но опытъ революціи все же не пропалъ для нея даромъ. Какъ ярый врагъ революціи Сенъ-Симонъ, такъ и всѣ остальные соціалисты усматриваютъ главную задачу общественнаго развитія въ устраненіи соціальнаго неравенства и всего вытекающаго изъ него моральнаго и культурнаго зла и признаютъ, что всякое измѣненіе одного только политическаго строя, въ концѣ концовъ, является безплоднымъ. Все равно, отрицаютъ ли они при этомъ совершенно всякую революцію вообще, какъ Сенъ-Симонъ, Оуэнъ, Фурье и Кабе, считаютъ ли они политическую революцію средствомъ для соціальной, какъ Луи Бланъ и Марксъ, полагаютъ ли они, что, наоборотъ, соціальная революція должна быть средствомъ для политической, т.-е. для уничтоженія государства, какъ Прудонъ, во всякомъ случаѣ, они усматриваютъ причину неудачи великой революціи въ неправильной, слишкомъ узкой постановкѣ самой задачи, въ непониманіи важности и существа соціальнаго вопроса, въ культѣ декрета. Значительно менѣе однородно ихъ отношеніе къ вопросу о политической свободѣ. Одни изъ нихъ считаютъ вопросъ о политическихъ формахъ жизни совершенно безразличнымъ или склоняются даже къ своего рода аристократической организаціи общества, напоминающей нѣкоторыя платоновскія идеи (Сенъ-Симонъ), другіе являются, наоборотъ, страстными сторонниками демократіи или даже совершенно отрицаютъ всякую власть. Преслѣдуя прежде всего коренную реорганизацію всего соціальнаго строя на началахъ справедливости и солидарности, и тѣ и другіе оперируютъ, однако, немало съ идеей свободы, но у нихъ идея свободы имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ у либераловъ. Послѣдніе понимаютъ подъ свободой право каждаго совершать какія угодно дѣянія, не имѣющія непосредственно общественно-вреднаго характера; соціалисты же понимаютъ подъ свободой добровольное, не вынужденное никакой внѣшней силой, подчиненіе каждаго индивида общественно-полезнымъ тре-

бованіямъ общежитія, причемъ они расходятся, какъ сказано, по вопросу о томъ, кто именно: народъ или какая-либо иная власть или вообще никто будетъ пользоваться правомъ надзора надъ отдѣльными лицами и, вытекающимъ отсюда, правомъ призывать ихъ къ повиновенію, буде они забудутъ о немъ. Соціалистическая идея свободы въ смыслѣ добровольнаго подчиненія, которая одна только спасаетъ представленіе о соціалистическомъ государствѣ будущаго отъ обычнаго упрека въ деспотизмѣ или «каторжномъ» характерѣ, является очевидно наиболѣе яркимъ проявленіемъ той вѣры въ умственную и нравственную природу человѣка, которая, какъ уже сказано, рѣзко отдѣляетъ соціалистовъ отъ либераловъ и сближаетъ ихъ съ политическими радикалами.

Политическій радикализмъ весь построенъ на этой вѣрѣ, но онъ рѣзко отличается отъ соціализма тѣмъ, что онъ отрицаетъ надобность или возможность или какъ надобность, такъ и возможность коренной реорганизаціи соціальнаго строя съ устраненіемъ частной собственности и организаціей хозяйственной жизни на тѣхъ или иныхъ коллективистическихъ началахъ. По мнѣнію его представителей, всецѣло примыкающихъ къ идеологіи 1789 г., все общественное зло заключается въ томъ, что государственная власть находится въ рукахъ того или иного, феодально-аристократическаго или буржуазнаго, меньшинства, а не въ рукахъ народа. Народъ, который представляется и имъ въ такомъ же видѣ какъ нѣкогда Руссо, никогда не ошибается; ошибаются только отдѣльныя личности, въ которыхъ коллективная мудрость святого народа уступаетъ мѣсто эгоизму и всякаго рода скверным наклонностямъ личности. Несмотря на всю ея странность, именно такова, напр., теорія знаменитаго историка Мишлэ. Изучая исторію великой революціи, онъ на каждомъ шагу подчеркиваетъ, что народъ всегда правъ, и что всѣ грѣхи революціи совершены помимо него и вопреки его взглядамъ и волѣ. Если это такъ, тогда, разумѣется, только одна политическая система и имѣетъ смыслъ; это—неограниченная демократія. Но если это такъ, если существующая соціальная система не исключаетъ такого результата, тогда, очевидно, нѣтъ и никакой надобности добиваться ея коренного переустройства. Такова дѣйствительно точка зрѣнія этихъ политическихъ радикаловъ. Это не значитъ, разумѣется, чтобы они признавали существующее положеніе вещей идеальнымъ, но они полагаютъ, что оно можетъ быть приспособлено къ народнымъ потребностямъ безъ коренной ломки хозяйственной организаціи общества путемъ свободнаго воздѣйствія общенародной воли, которая не должна встрѣчать на своемъ пути никакихъ внѣшнихъ препятствій. Безошибочный инстинктъ народной души подскажетъ подходящее рѣшеніе всѣхъ возникающихъ вопросовъ. Въ то же самое время именно этотъ инстинктъ свидѣтельствуетъ въ пользу частной собственности: надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ упорно масса народа, крестьянство, стремилась къ собственности, и какъ цѣпко она ее защищаетъ отъ всякихъ посягательствъ и грозящихъ ей опасностей. Только самый крайній деспотизмъ могъ бы заставить ее отказаться отъ своего тяготѣнія къ собственности и именно въ деспотическихъ наклонностяхъ упрекаетъ, напр., тотъ же Мишлэ соціалистическія системы. Но если онъ отстаиваетъ, такимъ образомъ, свободу отъ соціалистическихъ построеній, какъ онъ ихъ себѣ представляетъ, то онъ понимаетъ ее опять-таки иначе, чѣмъ либералы. Въ глазахъ политическаго радикализма, истин-

наго преемника Руссо, свобода заключается не столько въ огражденіи личности, ея правъ и иниціативы, отъ посягательствъ какой бы то ни было государственной власти, сколько согласно античному представленію—въ участіи всѣхъ въ политической жизни страны, а вопросъ, какъ свобода отдѣльной личности можетъ быть совмѣщена съ практически неограниченнымъ народовластіемъ, либо вовсе не разрѣшается, либо разрѣшается мистической увѣренностью въ томъ, что народная воля не можетъ привести къ нарушенію правъ и интересовъ отдѣльныхъ членовъ народа.

При всемъ различіи трехъ указанныхъ основныхъ теченій оппозиціонной мысли онѣ, такимъ образомъ, сходятся въ одномъ отношеніи. Всѣ эти три системы имѣютъ абсолютный характеръ, т.-е. исходятъ изъ извѣстныхъ основныхъ принциповъ, цѣнность которыхъ не зависитъ отъ условій мѣста и времени, и приводятъ къ извѣстнымъ выводамъ, подлежащимъ осуществленію, во что бы то ни стало, безотносительно къ конкретнымъ условіямъ данной жизни. Коренная идея научнаго построенія политическихъ идей, мысль, что всякая политическая система имѣетъ относительное значеніе и можетъ быть хороша или плоха, или иначе осуществима или неосуществима въ зависимости отъ общаго состоянія народной жизни, иногда, правда, высказывается теоретически (ее можно найти у Гизо, у Мишлэ, позднѣе у Маркса), но она не оказываетъ никакого серьезнаго вліянія на формулировку практическихъ задачъ времени, да вдобавокъ остается недоступной массѣ сторонниковъ каждаго ученія, той массѣ, отъ средняго настроенія которой зависитъ характеръ соотвѣтственной партійной дѣятельности.

Вотъ почему типичный либерализмъ не считается съ фактомъ возрастающей демократизаціи жизни и, упорно отстаивая свою позицію, доводитъ дѣло до февральской революціи; вотъ почему соціализмъ не считается съ фактомъ антисоціалистическихъ или, по меньшей мѣрѣ, несоціалистическихъ навыковъ массы и доводитъ дѣло до страшной іюньской бойни; вотъ почему радикализмъ не считается съ фактомъ крайне низкаго уровня какъ общаго, такъ и политическаго развитія народной массы и доводитъ дѣло до возрожденія цезаризма въ его наихудшей формѣ, т.-е. цезаризма безъ настоящаго Цезаря.

ГЛАВА VI.

Либерализмъ.

§ 1. Зарожденіе либерализма.—Бенжаменъ Констанъ и госпожа де Сталь.

Идея свободы личности въ томъ смыслѣ, который придаетъ этому многозначащему, а поэтому и неопредѣленному понятію либеральная доктрина, представляла одну изъ основныхъ идей XVIII вѣка, въ теченіе котораго въ общество постепенно проникаютъ какъ сознаніе ея важности для народной жизни, такъ и пониманіе основныхъ условій, необходимыхъ для ея обезпеченія. Это, однако, не мѣшаетъ тому, что она нигдѣ не получаетъ чистаго выраженія, а постоянно соединяется съ другими, нерѣдко противорѣчащими ей идеями, и почти столь же постоянно обосновывается не реально-политически, а, если такъ можно выразиться, метафизически.

Къ числу ея первыхъ далеко несовершенныхъ представителей принадлежатъ

Вольтеръ и физіократы. Первый выдвигаетъ въ сущности свободу совѣсти и свободу пропаганды свободно добытаго убѣжденія: God and liberty; физіократы выдвигаютъ свободу экономической дѣятельности: laissez faire, laissez passer. Какъ Вольтеръ, такъ и физіократы считаютъ осуществленіе своего представленія о свободѣ совмѣстимымъ хотя и съ просвѣщеннымъ, но все же съ абсолютизмомъ, въ которомъ они даже усматриваютъ необходимаго союзника противъ невѣжества народа (по выраженію Вольтера, какъ извѣстно, la canaille) и своекорыстія привилегированныхъ. Гораздо глубже смотритъ на вопросъ Монтескье, духовный отецъ европейскаго либерализма XIX вѣка; для него уже совершенно ясно, что никакая свобода не можетъ быть обезпечена безъ созданія опредѣленныхъ, гарантирующихъ ее, формъ политической организаціи. Именно въ этомъ заключается основаніе его теоріи «противовѣсовъ» противъ деспотизма и государственной власти, изъ которой вытекаетъ идея раздѣленія уравновѣшивающихъ другъ друга властей. Но если идея свободы соединена у Вольтера съ идеей просвѣщеннаго абсолютизма, то у Монтескье она соединяется съ идеей рѣзко аристократической въ сословномъ смыслѣ организаціи общественной жизни. Третью стадію развитія занимающей насъ идеи представляетъ доктрина аббата Мабли, соединившаго идею раздѣленія властей, взятую имъ у Монтескье, съ идеей демократіи (народовластія), взятой имъ у Руссо. Эта доктрина легла въ основаніе дѣятельности Учредительнаго Собранія, стремившагося къ созданію «королевской демократіи». При этомъ, однако, выяснилось, что, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ понимали тогда соединеніе свободы съ демократіей, оно не приводитъ ни къ истинной свободѣ, ни къ истинной демократіи, а лишь къ анархіи: свобода не получаетъ достаточныхъ гарантій ни противъ всевластія Учредительнаго Собранія, ни противъ всевластія толпы, а демократія въ смыслѣ господства всего народа въ лицѣ его законныхъ представителей надъ всѣми индивидуумами, входящими въ его составъ, разбивается о безсиліе не только высшей государственной магистратуры, т.-е. королевской власти, но центральной государственной власти вообще. Опасность такого положенія вещей была сознана нѣкоторыми наиболѣе дальновидными дѣятелями еще въ 1789 г., причемъ, среди нихъ уже тогда можно отмѣтить два основныхъ теченія, характерныхъ для либеральнаго движенія XIX вѣка: одно, представителями котораго являются Мунье, Малле дю Панъ и др., усматриваетъ корень зла въ соединеніи идей свободы и демократіи и стремится къ устраненію послѣдней, другое, главнымъ представителемъ котораго былъ Мирабо, принимаетъ основныя идеи Монтескье, устраняя ихъ сословно-аристократическій характеръ, и стремится совмѣстить свободу съ демократіей путемъ организаціи монархически-парламентарнаго государственнаго строя.

Цѣль, которой добивались сторонники этой послѣдней идеи, какъ извѣстно, не была достигнута. Демократическія тенденціи Руссо оказались болѣе сильными, чѣмъ либеральныя тенденціи Монтескье, и послѣ краткаго опыта «королевской демократіи» идея народнаго верховенства одержала верхъ надъ идеей свободы, и принявши форму якобинизма, привела къ террору. Идея раздѣленія властей и система противовѣсовъ были замѣнены диктатурой конвента, какъ единаго верховнаго органа народнаго самодержавія.

Въ результатѣ демократическая идея была глубочайшимъ образомъ и надолго

дискредитирована. Подавляющее большинство общества бросилось въ объятія военной диктатуры или старой легитимной монархіи, а меньшинство, сохранившее свои прежнія убѣжденія или неспособное примириться съ деспотизмомъ, въ какой бы формѣ онъ ни являлся, противопоставило идею свободы идеѣ демократіи, и поставило себѣ задачу спасти свободу не только отъ самодержавія монарха, но и отъ самодержавія демоса.

Первыми яркими представителями этой идеи были госпожа де Сталь и Бенжаменъ Констанъ. «Подъ свободой—говорилъ Констанъ—я подразумѣваю побѣду личности (le triomphe de l'individualité) какъ надъ авторитетомъ, который желалъ бы управлять деспотически, такъ и надъ массами, которыя претендуютъ на право поработить меньшинство большинству... Есть такая часть человѣческой личности, которая по необходимости остается индивидуальной и независимой... Когда общество переступаетъ эту черту, оно становится узурпаторомъ; когда ее переступаетъ большинство, оно становится мятежнымъ (factieuse)... Разъ власть совершаетъ подобнаго рода акты, то представляется безразличнымъ, изъ какого источника она себя выводитъ, будетъ ли она индивидуальной или народной; хотя бы то была вся нація за исключеніемъ лишь одного гражданина, котораго она притѣсняетъ, ея власть не стала бы отъ этого болѣе законной». Ясно, что этимъ самымъ идея неограниченнаго верховенства государства вообще отвергнута: по мѣткому замѣчанію одного французскаго ученаго, идеѣ государства противополагается божественное право человѣка (le droit divin de l'homme). Это безусловное право человѣка на самоопредѣленіе вытекаетъ, въ свою очередь, изъ нравственной природы человѣка, изъ автономіи его совѣсти. Въ область его свободной совѣсти, въ ту область, гдѣ государство встрѣчается съ его нравственнымъ чувствомъ, оно ни при какихъ условіяхъ и никогда не имѣетъ права вмѣшиваться. Вѣдь «даже тѣ,—говоритъ Констанъ,—кто объявляетъ повиновеніе законамъ строгимъ и абсолютнымъ долгомъ, всегда дѣлаютъ исключеніе изъ этого правила въ пользу того, что ихъ занимаетъ. Такъ, Паскаль дѣлалъ исключеніе для религіи; въ религіозныхъ вопросахъ онъ не подчинялся авторитету гражданскаго закона и, не повинуясь ему въ этомъ отношеніи, не обращалъ вниманія на преслѣдованіе». Всякій законъ, который вмѣшивается не только въ область мыслей, вѣрованій, моральной личности человѣка въ узкомъ смыслѣ слова, но и въ область личныхъ силъ человѣка вообще, въ область его активной дѣятельности, его здоровья, его собственности, въ большей степени, чѣмъ это безусловно необходимо для самаго существованія государства, представляетъ собою тираническій законъ, который не можетъ претендовать на повиновеніе угнетаемой имъ человѣческой личности.

Изъ этого ясно, что функціи государства должны строго ограничиваться охраной внѣшней и внутренней безопасности гражданъ. Система Констана представляетъ не что иное, какъ распространеніе основного принципа физіократовъ laissez faire, laissez passer съ области чисто-экономическихъ отношеній на всѣ стороны общественной жизни. Это система либерализма, доведенная до своего логическаго завершенія, т.-е. доведенная логически до абсурда, такъ какъ она лишаетъ организованное въ государство общество права противополагать признаннымъ общественно-вредными тенденціямъ и результатамъ индивидуальной свободы идею самосохраненія

того самаго общества, безъ котораго и внѣ котораго личность все равно не можетъ развиваться. Подобно тому, какъ демократическая система Руссо обожествляетъ общенародную волю и практически порабощаетъ личность, такъ либеральная система Констана обожествляетъ личность и практически отрицаетъ общество. «Систематическій либералъ—говоритъ не безъ основанія Фагэ по поводу Констана,—это анархистъ, не имѣющій полной смѣлости своего убѣжденія; анархистъ, это — непримиримый либералъ (un libéral intransigeant)».

Помимо извѣстнаго эгоизма и въ тѣсной связи съ нимъ во всякой либеральной доктринѣ содержится въ скрытомъ или явномъ видѣ извѣстный аристократизмъ, сословный аристократизмъ Монтескье, классовый аристократизмъ Ройэ-Коллара и Гизо, аристократизмъ личности Констана. Самое отношеніе Констана къ «массѣ», его страхъ передъ ея тираническими наклонностями служитъ отраженіемъ этого аристократизма. «Всю свою жизнь онъ проводилъ либеральную политику, не уважая людей, проповѣдывалъ религіозность, не будучи въ состояніи проникнуться вѣрой, искалъ во всемъ эмоцій, не доходя до страсти. Ему принадлежитъ печальная честь служить самымъ совершеннымъ типомъ такого рода противорѣчивой натуры, одновременно искренной и лживой, краснорѣчивой и сухой, горячей и безсильной»,— говоритъ Сентъ-Бевъ, подчеркивая противорѣчивость этого крайне интереснаго характера и ума. Но Сентъ-Бевъ ошибается, когда онъ считаетъ несовмѣстимыми либерализмъ и пессимистическую оцѣнку людей. Они, наоборотъ, тѣсно связаны другъ съ другомъ: самая идея охраны личности противъ посягательствъ «массы» или толпы есть продуктъ недовѣрія къ толпѣ, т.-е. въ послѣдней инстанціи, къ составляющимъ ее людямъ. Руссо, вѣрящій въ человѣка и въ народъ, именно поэтому не нуждается ни въ какихъ гарантіяхъ противъ какихъ-либо злоупотребленій съ его стороны.

Но аристократизмъ Констана не имѣетъ ничего общаго съ аристократизмомъ Монтескье. Онъ не только не связанъ съ идеей сословныхъ привилегій, но прямо отрицаетъ ихъ во имя равенства всѣхъ гражданъ. «Способность рода человѣческаго къ совершенствованію есть не что иное, какъ стремленіе къ равенству»,—говоритъ Констанъ. Но это равенство, если оно будетъ достигнуто, будетъ заключаться въ поднятіи толпы до равнаго обладанія высшими качествами человѣческой личности, а не въ подчиненіи высшихъ индивидуальностей низшимъ. Путь же къ этой цѣли заключается въ свободѣ каждаго и въ томъ равенствѣ, которое исключаетъ подчиненіе одной личности другой, а не въ томъ, въ силу котораго всѣ подчиняютъ своей волѣ каждаго. Требованіе Руссо, чтобы «каждая личность отчудила свои права въ пользу общества въ убѣжденіи, что это отчужденіе фиктивно, такъ какъ оно совершается всѣми», представляется ему и нелѣпымъ и недопустимымъ. Личность не можетъ, она *не имѣетъ права* отрекаться отъ своей автономности въ пользу *принижающаго* ее искусственнаго равенства. Но это не значитъ, чтобы она должна была окружать себя искусственными же сословными перегородками. Всякая личность имѣетъ равное право на возможно полную свободу, на возможно широкое развитіе своего «я». Ея дѣло воспользоваться этой свободой, использовать «открытую всѣмъ карьеру», какъ выразился Наполеонъ I, и занять соотвѣтствующее ея внутренней цѣнности мѣсто. Вопросъ о томъ, не есть ли юридическое равенство всѣхъ

въ проявленіи своихъ способностей при данныхъ условіяхъ соціальной жизни лишь фиктивное равенство, не возникалъ въ немъ вовсе. Въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ бы признать глубокую односторонность своей теоріи, превозносившей автономность личности среди соціальныхъ условій, препятствовавшихъ личности воспользоваться своей автономностью не менѣе сильно, чѣмъ тѣ деспотическія формы политической организаціи, съ которыми онъ боролся во всѣхъ ихъ видахъ и всю свою жизнь.

Та же аристократическая философія баловней современнаго соціальнаго строя лежитъ также въ основаніи трудовъ знаменитой дочери Неккера, госпожи де Сталь, въ частности въ основаніи ея «Размышленій о французской революціи», въ которыхъ она проявила несомнѣнное политическое чутье и столь же несомнѣнную неспособность понять болѣе глубокія причины того сначала анархическаго, затѣмъ деспотическаго характера общественнаго движенія, которое опредѣлило все теченіе великой революціи. Значеніе этого труда, какъ выразителя цѣлаго большого направленія общественной мысли, хорошо указано уже упомянутымъ Фагэ: «извѣстное состояніе умовъ, аристократическое безъ надменности, либеральное, религіозное или, вѣрнѣе, почтительное къ религіи, воодушевлявшееся французской революціей, не принимая ея радикальныхъ выводовъ, состояніе умовъ, которое до послѣднихъ лѣтъ выражало взгляды не столько какой-либо партіи, сколько замѣтной части французскаго общества, можетъ быть по справедливости пріурочено къ ея имени, какъ имени своей первой представительницы».

Ея критическая оцѣнка политическаго творчества Учредительнаго Собранія, которое не пожелало воспользоваться наличными данными для созданія конституціи, а разрушило всѣ старыя условія жизни до основанія и «скомбинировало конституцію какъ планъ нападенія», не лишена глубины. Ея утвержденіе что «разъ въ странѣ существуетъ какой-либо жизненный принципъ», законодатель долженъ имъ воспользоваться при созданіи конституціи, не долженъ ломать жизнеспособныхъ учрежденій, а долженъ пытаться «насадить» новое учрежденіе на старые фундаменты, такъ какъ въ противномъ случаѣ его собственныя созданіи будутъ не жизнеспособны, несомнѣнно также въ значительной мѣрѣ справедливо особенно для страны съ такими давними традиціями, какой была Франція. Довольно остроумна и та мысль, что Учредительное Собраніе, предполагавшее создать новое государство, на самомъ дѣлѣ лишь перемѣстило центръ государственной власти. Въ пользу политическаго чутья автора говоритъ, наконецъ, и то, что дочь Неккера, ненавидѣвшая въ Мирабо врага ея отца, одна изъ первыхъ оцѣнила глубину его политическихъ взглядовъ. Но въ то же самое время она, какъ и все ея поколѣніе, не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ причинахъ революціи, которыхъ она лишь бѣгло касается въ разныхъ мѣстахъ своей книги, а потому и не можетъ правильно понять ея хода.

Основной смыслъ революціи заключался, по ея мнѣнію, въ обезпеченіи свободы. Идея свободы не была чужда старой Франціи и если ужъ говорить объ узурпаціи, то въ этой узурпаціи повинно не конституціонное движеніе, а абсолютизмъ, постепенно уничтожившій всѣ существовавшія нѣкогда ограниченія королевской власти. Свобода, такимъ образомъ, не только естественное право человѣка,

но и историческое право французскаго народа, нарушенное абсолютизмомъ,—плодотворная послѣдствіями мысль, на которой покоится цѣлый рядъ историческихъ изысканій въ области средневѣковой и новой исторіи Франціи, начиная съ работъ Гизо. Но къ 1789 г. этой свободы больше не было; старая неписаная конституція, далеко не совершенная, но всегда ограничивавшая власть, къ этому времени перестала существовать и не была замѣнена другой, если не считать таковой организованный произволъ королей. «А между тѣмъ—говоритъ она—всякій народъ имѣетъ право на конституцію, и это право признавалось самими сторонниками традиціонной монархіи». Въ этомъ смыслѣ революція была, такимъ образомъ, совершенно законна. Она противополагала вѣчно юное старое право народа новому праву короля, и если бы она ограничилась установленіемъ свободы и сумѣла ее обезпечить, госпожа де Сталь не была бы вынуждена осуждать ее за ея увлеченіе въ сторону того равенства, которое она отрицаетъ также и въ томъ же смыслѣ, какъ Констанъ.

Организація свободы личности представляется и ей, такимъ образомъ, цѣлью не только конституціи, но и самаго существованія государства. А право личности на свободу вытекаетъ и у нея изъ идеи нравственной автономіи личности. «Вѣритъ ли одинъ, что божество открывается каждому человѣку въ отдѣльности, какъ оно открывается сердцу человѣка, когда молитва и дѣла подготовили сердце понять его; утверждаетъ ли другой, что безсмертіе начинается уже на этой землѣ для того, кто чувствуетъ въ себѣ вкусъ къ вѣчнымъ предметамъ; вѣритъ ли еще другой, что природа даетъ человѣку понять волю божества, и что въ природѣ есть жалобный и плѣнный голосъ, который приглашаетъ его освободить міръ и самого себя, борясь противъ принципа зла..., общее направленіе этихъ взглядовъ всегда одно и то же и сводится къ тому, чтобы освободить душу отъ вліянія внѣшнихъ предметовъ, вручить намъ самимъ власть надъ собой, подчинить эту власть закону долга и дать ей вознагражденіе въ видѣ другой жизни». «Достоинство рода человѣческаго—говоритъ она въ другомъ мѣстѣ — важнѣе, чѣмъ его счастье и особенно чѣмъ его умноженіе; увеличивать количество рожденій, не облагораживая жизни, значитъ только подготовлять смерти болѣе пышное празднество».

Идея возвышенности человѣческой личности, какъ результата возвышенности того долга, которому она свободно подчиняется, проводитъ незамѣтную для госпожи де Сталь, но все же достаточно опредѣленную грань между тѣми аристократическими личностями, которыя способны усвоить эту идею, и толпой и внушаетъ ей неменьшія опасенія относительно толпы, чѣмъ Констану. Достоинство и свобода всякой личности незамѣтно подмѣняется достоинствомъ и свободой аристократіи духа; эта тенденція и находитъ себѣ выраженіе въ ея политическихъ симпатіяхъ, чему отнюдь не мѣшаетъ ея неограниченная, принимающая подчасъ довольно странныя формы, вѣра въ прогрессъ. Можно даже сказать, что самая вѣра въ прогрессъ, въ болѣе или менѣе безконечное совершенствованіе человѣка, замѣняетъ собой у многихъ либераловъ съ религіознымъ и оптимистическимъ складомъ ума вѣру Руссо въ непосредственное, уже существующее въ скрытомъ видѣ, нравственное совершенство человѣка. А госпожа де Сталь, несомнѣнно, принадлежитъ именно къ этому типу; она въ гораздо большей степени, чѣмъ Бенжаменъ Констанъ, натура религіозная, ищущая спасенія въ философски очищенномъ христіанствѣ.

Это сближаетъ ее съ двумя наиболѣе типичными и въ своемъ родѣ наиболѣе послѣдовательными представителями либерализма этой эпохи, съ Ройэ-Колларомъ и съ Гизо.

Самое большое затрудненіе для либеральнаго ученія вытекало изъ вопроса о суверенитетѣ или, точнѣе, изъ вопроса о томъ, кто является носителемъ его въ государствѣ. Старая, обновленная де Местромъ и Бональдомъ абсолютистическая доктрина исходила изъ того положенія, что суверенитетъ принадлежитъ всецѣло королевской власти Божьей милостью. Доктрина «королевской демократіи» 1789 г., республики 1792 г. и имперіи столь же категорически исходила изъ идеи абсолютнаго народнаго верховенства: суверенитетъ покоится въ народѣ; всѣ представители государственной власти, начиная съ короля и кончая послѣднимъ канцелярскимъ писцомъ, являются лишь уполномоченными народа. И тамъ и тутъ суверенная власть понималась обыкновенно какъ власть безусловно неограниченная.

Такой суверенной власти либеральная доктрина вовсе не признаетъ; это представляетъ ея основную особенность, относительно которой сходятся всѣ безъ исключенія представители либерализма. Зато они расходятся по вопросу о томъ, существуетъ ли вообще въ государствѣ какой-либо опредѣленный носитель суверенитета, хотя бы и суверенитета, ограниченнаго неотъемлемыми правами личности, и если да, то кто является таковымъ. Здѣсь начинаются весьма существенныя и глубокія разнорѣчія, расколовшія либеральное движеніе эпохи на два опредѣленныхъ теченія, изъ коихъ одно получило названіе доктринерскаго, а другое собственно впервые и начало называться либеральнымъ. Представителями перваго были Ройэ-Колларъ, Гизо, Жорданъ, де Барантъ, герцогъ де Брольи и др., представителями второго Констанъ, Лафайэттъ, генералъ Фуа (Foy), адвокатъ Манюэль и др. И тѣ и другіе, правда, были согласны въ томъ, что безусловно отрицали теорію суверенитета королевской власти; но первые столь же рѣшительно отрицали въ то же время и идею народнаго верховенства, которую вторые, наоборотъ, признавали болѣе или менѣе опредѣленно.

Самъ Констанъ занималъ въ сущности среднее положеніе между двумя группами. «Существуютъ два догмата, грозящіе свободѣ опасностью,—говорилъ онъ—одинъ—это догматъ божественнаго права (королевской власти), другой—это догматъ неограниченнаго суверенитета народа; нѣтъ ничего божественнаго, кромѣ божества; нѣтъ другого суверена, кромѣ справедливости». Въ основѣ своей его точка зрѣнія сходится такимъ образомъ съ заявленіемъ Ройэ-Коллара, что «суверенитетъ разума» есть «единственный истинный законодатель человѣчества», и что не число и не сила, лежащія въ основаніи идеи народнаго верховенства, а право и въ послѣдней инстанціи справедливость является «суверенымъ судьей».

Но, отрицая въ сущности всякую реальную суверенную власть надъ государствомъ, народомъ и личностью, Констанъ затѣмъ задается вопросомъ объ обоснованіи наличной государственной власти и приходитъ къ «отвлеченному признанію» именно народнаго верховенства. «Повиновеніе закону»,—говоритъ онъ,—«какъ и всѣ обязанности является не абсолютнымъ, а относительнымъ долгомъ; оно покоится на предположеніи, что законъ исходитъ изъ легитимнаго источника и заключенъ въ справедливыя границы». Но если это такъ, то гдѣ же этотъ легитимный источ-

никъ закона? «Въ мірѣ существуютъ только двѣ власти,—отвѣчаетъ Констанъ;—одна незаконная—это сила; другая легитимная—это общая воля (volonté générale)». А отсюда дальше слѣдуетъ, что «такъ какъ совокупность гражданъ есть единственный суверенъ, то ни одна личность, ни одна часть націи, ни одна частичная ассоціація не можетъ приписывать себѣ суверенитета, если онъ ей не делегированъ». Практически Констанъ приходитъ, такимъ образомъ, снова къ идеѣ королевской демократіи и при такихъ условіяхъ совершенно естественно, что онъ не отрицаетъ въ принципѣ и республики. «Политическія организаціи—заявляетъ онъ—суть лишь средства. Между конституціонной монархіей и республикой существуетъ лишь формальная разница. Разница между конституціонной и абсолютной монархіей заключается въ самомъ ихъ существѣ» [1]).

Зная, какъ ошибочны ходячіе взгляды на вопросъ о народномъ верховенствѣ, онъ въ то же время предостерегаетъ своихъ читателей относительно нихъ и подчеркиваетъ, что отвлеченное признаніе народнаго верховенства нисколько не увеличиваетъ суммы свободъ личности. Да и въ самомъ дѣлѣ «цѣлью древнихъ было раздѣленіе соціальной власти между всѣми гражданами одного и того же отечества. Это они и называли свободой. Цѣлью людей новаго времени является обезпеченность частныхъ благъ, и они называютъ свободой гарантіи, обезпеченныя этимъ благамъ учрежденіями». Возрожденіе античнаго пониманія свободы «вызвало безконечное зло во время нашей долгой и бурной революціи. Аббатъ де Мабли, какъ Руссо и многіе другіе, принялъ, по примѣру древнихъ, авторитетъ соціальнаго организма за свободу, и всѣ средства казались ему хорошими, лишь бы они вели къ расширенію дѣйствія этого авторитета надъ той упорствующей частью человѣческаго существа, независимость которой онъ оплакивалъ».

Въ сущности Констана всегда страшилъ тотъ догматъ народнаго верховенства, который онъ теоретически призналъ, и который онъ въ то же время практически старался свести на нѣтъ. Въ этомъ отношеніи особенно характерно его отношеніе къ вопросу объ избирательномъ правѣ. Съ одной стороны, онъ и тутъ примыкаетъ къ идеямъ 1789 г.: разъ признавши народное верховенство, онъ не можетъ категорически признать неспособность народа или какой-либо части его къ проявленію разумной политической воли. «Люди, соединенные въ большомъ числѣ, имѣютъ благородныя настроенія (des mouvements généreux), они почти всегда побѣждаются состраданіемъ или удерживаются справедливостью (ramenés par la justice), толпа способна пожертвовать своими интересами въ пользу своихъ чувствъ»—вотъ тѣ довольно условныя формулы, которыми Констанъ по необходимости психологически оправдываетъ господство народной воли. Но это не мѣшаетъ ему высказываться противъ дарованія избирательныхъ правъ «не-собственникамъ». «Тѣ, коихъ бѣдность удерживаетъ въ вѣчной зависимости,—писалъ онъ,—и которыхъ она осуждаетъ на ручной трудъ, обладаютъ не бо́льшимъ знаніемъ государственныхъ дѣлъ, чѣмъ дѣти, и не болѣе, чѣмъ иностранцы, заинтересованы въ національномъ процвѣтаніи, источ-

[1]) Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы онъ сочувствовалъ идеѣ французской республики. «Кто не чувствуетъ»,—воскликалъ онъ въ 1824 г. въ палатѣ,—«что при нравахъ старой Европы республика была бы химерой и зломъ ?

никовъ котораго они не знаютъ и въ выгодахъ котораго они участвуютъ лишь косвенно». Даровать имъ политическія права значитъ погубить государство. Получивши ихъ, «они либо получаютъ импульсъ къ использованію этихъ правъ только отъ самихъ себя, и тогда они разрушаютъ общество; либо они получаютъ его отъ лица или лицъ, стоящихъ у власти, и тогда они являются орудіями тираніи; либо они получаютъ его отъ тѣхъ, кто стремится къ власти, тогда они являются орудіями революціонныхъ партій (factions)». Во всякомъ случаѣ, они, такимъ образомъ, разрушаютъ возможность свободы.

§ 2. Политическіе взгляды доктринеровъ.

Ройэ-Колларъ, Гизо и остальные такъ наз. доктринеры были послѣдовательнѣе Бенжамена Констана. Какъ уже сказано, они совершенно и безусловно отрицаютъ идею народнаго верховенства, а вмѣстѣ съ нею и идею о способности народной массы къ разумному самоуправленію, и не только на практикѣ, но и въ теоріи отстаиваютъ разумность и высшую закономѣрность ограниченія избирательнаго права съ предоставленіемъ его лишь тѣмъ, относительно коихъ существуетъ основательная презумпція, что они будутъ дѣйствительно способны принять разумное участіе въ государственной жизни.

Отрицаніе народнаго верховенства и защита идеи, что только способность (capacité) къ политической жизни можетъ служить основаніемъ для участія въ этой жизни составляютъ основу ученія такъ наз. доктринеровъ,—ученія, которое вовсе не было столь доктринерскимъ, какъ его себѣ представляли и еще представляютъ, и которое, во всякомъ случаѣ, было не болѣе, если не менѣе доктринерскимъ, чѣмъ ученіе Констана и другихъ «либераловъ». Насмѣшливое названіе доктринеровъ было дано группѣ, признаннымъ представителемъ которой въ эпоху реставраціи былъ Ройэ-Колларъ, а въ эпоху буржуазной монархіи Гизо, бонапартистскимъ юмористическимъ журналомъ, выходившимъ подъ названіемъ «Желтый карликъ» («le nain jaune») въ первые годы реставраціи, и это названіе осталось за ними и посейчасъ, причемъ съ нимъ обыкновенно соединяется представленіе о чисто-раціоналистическомъ построеніи и обоснованіи извѣстной политической доктрины и о слѣпомъ подчиненіи практической политической жизни сухимъ формуламъ безжизненной доктрины. Между тѣмъ именно въ примѣненіи къ такъ наз. доктринерамъ это представленіе должно быть признано неправильнымъ или, по крайней мѣрѣ, до послѣдней степени преувеличеннымъ. Характерная особенность этихъ доктринеровъ заключается не въ томъ, что они исходятъ изъ нѣкоей отвлеченной доктрины и подчиняютъ ей факты, а какъ-разъ наоборотъ—въ томъ, что они исходятъ изъ факта или того, что они принимаютъ за таковой, и стремятся построить свою теорію на немъ, послѣ чего они уже дѣйствительно строго придерживаются ея, да и то отнюдь не настолько строго, чтобы безусловно подчинять ей потребности живой жизни или то, что они опять-таки принимаютъ за таковыя. Одно изъ главныхъ ихъ обвиненій противъ дѣятелей великой революціи, а также и противъ ихъ собственныхъ враговъ въ эпоху реставраціи, ультрароялистовъ съ одной, такъ наз. «крайней лѣвой» либераловъ типа Кон-

стана и Лафайэта, съ другой стороны, заключается именно въ томъ, что всѣ они являются сторонниками претендующихъ на абсолютно-вѣрный характеръ системъ, тогда какъ политической жизнью управляетъ желѣзная необходимость общихъ условій развитія народной жизни. «Я далекъ отъ мысли, что только однѣ крайнія партіи (factions) защищаютъ абсолютные принципы»,—говоритъ Ройэ-Колларъ въ 1816 г.;—но я утверждаю, что именно онѣ исходятъ всегда изъ абсолютныхъ принциповъ, такъ какъ онѣ въ нихъ нуждаются либо для того, чтобы нападать на правительства, либо для того, чтобы ослабить ихъ дѣятельность, когда правительства подвергаютъ ихъ преслѣдованіямъ; я утверждаю, что неразумные друзья свободы, которые слѣпо отдаются неизмѣннымъ доктринамъ, разсуждаютъ какъ революціонныя партіи (comme les factions)[1]), что они разсуждаютъ такъ ради собственной пользы, и что они, разумѣется, того не желая, стремятся при помощи ихъ къ гибели правительствъ, которымъ онѣ угрожаютъ. Что же, господа, развѣ революція не служитъ намъ такимъ же урокомъ, какъ исторія? Развѣ мы не видимъ, какъ партіи, вооружившись абсолютными принципами, нападали на престолъ, а засимъ другъ на друга и истребляли другъ друга?... Намъ, которые состарились во время этихъ жестокихъ дней, нельзя болѣе импонировать громогласной апелляціей къ хартіи въ цѣломъ (a la Charte toute entière); и когда восклицаютъ: пусть лучше погибнутъ колоніи, чѣмъ единый принципъ, тогда мы знаемъ, что, погибая, колоніи не спасаютъ принциповъ, но что и принципы и колоніи гибнутъ вмѣстѣ и покрываются вмѣстѣ развалинами» [2]). «Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ,—говоритъ онъ позднѣе по поводу одного законопроекта,—рѣшающее значеніе принадлежитъ гораздо болѣе силѣ положенія, чѣмъ разуму и теоріи». «Эта отвлеченная манера оцѣнивать правительства—говорилъ онъ еще въ 1831 году—можетъ занять досугъ философовъ; она не достойна серьезныхъ умовъ. Я не боюсь утверждать, что именно въ этомъ заключалась великая ошибка Учредительнаго Собранія; какъ логическое построеніе, конституція 1791 г. была совершенна; принципы порождали свои послѣдствія. Подвергнутая испытанію опыта, она не просуществовала и года. А хартія 1814 г., гдѣ логика извращена въ каждой строчкѣ, такъ какъ этотъ актъ является лишь рядомъ компромиссовъ между противоположными временами и принципами,—хартія первая открыла эру представительнаго строя и опредѣлила его развитіе. Она остается въ силѣ, несмотря на всѣ внесенныя въ нее видоизмѣненія, ибо она правильно отражаетъ состояніе нашего общества; она будетъ существовать, пока существуетъ это состояніе».

---

[1]) Терминъ faction не поддается точному переводу. Онъ не совпадаетъ съ нейтральнымъ понятіемъ партіи (le parti), а означаетъ, по опредѣленію того же Ройэ-Коллара «политическую партію, дѣйствующую противъ установленнаго порядка и желающую измѣнить его въ свою пользу». Но и это опредѣленіе не вполнѣ точно. Партія превращается въ faction, когда она прибѣгаетъ въ борьбѣ съ установленнымъ порядкомъ къ незаконнымъ революціоннымъ мѣрамъ, какъ это дѣлали ультрароялисты, стремившіеся къ государственному перевороту, и крайняя лѣвая, возлагавшая свои надежды на народное возстаніе.

[2]) Слова о колоніяхъ, на которыя здѣсь намекаетъ ораторъ, были провозглашены въ эпоху конвента однимъ изъ вождей жирондистовъ, Бриссо, отстаивавшимъ принципіальную необходимость отмѣны рабства во французскихъ колоніяхъ противъ тѣхъ, кто указывалъ, что отмѣна рабства будетъ равносильна гибели колоній.

Ройэ-Колларъ отнюдь не считаетъ, чтобы разумъ и воля могли рѣшить въ послѣдней инстанціи вопросъ о надлежащей политической организаціи. «Необходимость властвуетъ въ мірѣ моральномъ точно такъ же, какъ и въ мірѣ физическомъ. Въ каждую данную эпоху при данномъ состояніи общества только одинъ видъ правительства возможенъ среди даннаго народа. Учрежденія всякаго народа регулируются, такимъ образомъ, необходимыми принципами или условіями». «Доктринеры», очевидно, безконечно далеки отъ истиннаго доктринерства сторонниковъ Руссо и почти всего XVIII вѣка и, наоборотъ, столь же очевидно приближаются къ основнымъ идеямъ «Духа законовъ». Недаромъ они такъ охотно ссылаются на Монтескье. Ихъ готовность считаться съ реальной жизнью идетъ практически даже настолько далеко, что нерѣдко ихъ можно упрекнуть въ чрезмѣрной склонности къ компромиссу. «Ихъ нельзя было упрекнуть въ томъ, что они упрямо поддерживали теоретическія доктрины»,—говоритъ совершенно справедливо одинъ изъ нихъ, де Барантъ, въ своей біографіи Ройэ-Коллара. «Они достаточно охотно допускали исключенія, лишь бы они были необходимы и поддавались соглашенію съ ихъ общими принципами». Не будь послѣдней оговорки, очевидно, не стоило бы вовсе говорить о «доктринерахъ» какъ о политическихъ дѣятеляхъ.

Среди тѣхъ фактовъ, которые опредѣляли направленіе ихъ политической мысли и дѣятельности, центральное мѣсто занимаетъ совокупность событій великой революціи. Къ ней они возвращаются постоянно и въ ея теченіи находятъ истинное оправданіе своихъ взглядовъ. Какъ же понимали они революцію, и какой опытъ извлекли они изъ нея?

При всемъ своемъ враждебномъ отношеніи къ революціи, какъ она совершилась, и къ революціонному духу, какъ онъ проявлялся и среди крайней правой и среди крайней лѣвой, они прежде всего признавали, что революція все же устранила всякую возможность возврата къ старому и дала въ соціальномъ отношеніи великіе результаты, устранивъ всякаго рода привилегіи и водрузивъ во Франціи знамя безусловнаго гражданскаго равноправія. Это и представляло, по ихъ мнѣнію, главную заслугу революціи и сдѣлало всякое иное устройство государства, кромѣ «представительнаго правленія» (gouvernement représentatif), безусловно недопустимымъ въ интересахъ всего населенія. Въ этомъ смыслѣ Ройэ-Колларъ находилъ, что великая революція была прежде всего и, главнымъ образомъ, революціей соціальной, а не политической. Она создала новое общество или, вѣрнѣе, разбила всѣ оковы, которыя до нея связывали его. А характерная черта этого новаго общества заключается въ его совершенной демократичности, и никакія попытки устранить этотъ фактъ или вытекающія изъ него послѣдствія не могутъ имѣть длительнаго успѣха. «Французская свобода, всѣ наши свободы, даже свобода совѣсти,—заявлялъ онъ,—тожественны съ равенствомъ. Гарантіей равенства является представительный образъ правленія».

Однако, революція принесла съ собой не только благо, но и зло. Первое и основное зло заключалось въ томъ, что она провозгласила господство силы надъ закономъ, надъ правомъ. «Бездна революцій будетъ закрыта только всегда присутствующимъ, всегда побѣдоноснымъ правомъ». А неповиновеніе закону по необходимости породило анархію и деспотизмъ, деспотизмъ толпы и деспотизмъ Наполеона.

Противъ анархіи и деспотизма существуетъ только одно средство, возрожденіе чувства законности и возстановленіе легитимной королевской власти, какъ символа законности и какъ вѣрной хранительницы всѣхъ истинныхъ интересовъ французскаго народа. «Правительства суть не что иное, какъ гарантіи; ихъ слѣдуетъ оцѣнивать только съ этой точки зрѣнія. Если гарантія солидна и дѣйствительна, порядокъ, на которомъ она покоится, представляется хорошимъ и наоборотъ». Легитимная монархія является безусловной необходимостью, единственной гарантіей общества противъ произвола народной массы и обращающихся къ народной массѣ партій. Она должна служить оплотомъ новаго общества и его двухъ основныхъ потребностей, равенства и свободы. «Итакъ, легитимная монархія и свобода суть абсолютныя условія нашего строя, ибо онѣ суть абсолютныя потребности Франціи. Отдѣлите свободу отъ легитимности, вы идете къ варварству; отдѣлите легитимность отъ свободы, вы возрождаете ужасную борьбу, въ которой та и другая погибли. Хартія есть не что иное, какъ неразрывный союзъ легитимной власти, отъ которой она исходитъ, и національныхъ вольностей, которыя она признаетъ и освящаетъ. Таковъ ея характеръ; въ силу этого она прочна какъ необходимость Несмотря на то, что хартія была написана, несмотря даже на то, что мы видѣли, какъ ее писали, содержаніе ея не представляется произвольнымъ какъ содержаніе систематическихъ построеній ума; она была вынуждена быть правдивой и вѣрно отражать интересы, нравы и состояніе общества, которымъ она должна была править. Можно прибавить, что у нея нѣтъ и недостатка въ древнемъ происхожденіи; первыя основы хартіи были начертаны Людовикомъ Толстымъ, когда онъ освободилъ коммуны; онѣ стали неустранимыми съ тѣхъ поръ, какъ Филиппъ Красивый созвалъ нашихъ отцовъ въ національныя собранія. Передъ лицомъ свободныхъ коммунъ классы, которые до этого образовывали всю націю, превратились въ сословія; но къ ихъ собственному и къ нашему несчастью они остались привилегированными сословіями; тогда незамѣтно началась чтобы разразиться въ предназначенный день, законная, но страшная борьба права противъ привилегіи. Революція завершила освобожденіе коммунъ. Ея преступленія не были необходимы. Хартія завершила въ этомъ смыслѣ революцію, вынуждая ее согласиться на компромиссъ съ наслѣдственной пэріей. За исключеніемъ одной только пэріи новое общество, такимъ образомъ, конституировано на основѣ равенства». А изъ равенства, какъ мы видѣли, вытекаетъ, въ немъ содержится свобода.

То, что Ройэ-Колларъ говорилъ въ 1820 г. въ палатѣ, то онъ писалъ въ другихъ выраженіяхъ въ 1803 г. будущему Людовику XVIII въ секретномъ письмѣ. «Такъ какъ революція имѣла единственной цѣлью уничтожить соціальное зданіе, и такъ какъ она его дѣйствительно уничтожила во всѣхъ его частяхъ, то можно сказать, что революція окончена... Но не было такой эпохи, когда можно было бы сказать, что революція консолидирована. Мало того, съ тѣхъ поръ какъ она окончена, каждый день отмѣченъ гибелью какого-нибудь изъ ея принциповъ. Побѣжденная и обезоруженная XVIII Брюмера, она болѣе не существуетъ, ибо въ нее перестали вѣрить. Идеи, которыя она окружила почетомъ, отнесены къ числу мятежныхъ доктринъ; учрежденія, которыя она подвергла наибольшему надругательству, возрождаются съ блескомъ; природа вещей, которая не гибнетъ среди политическихъ катастрофъ, возстанавливаетъ эти учрежденія и ставитъ ихъ безъ волненій на

свойственное имъ мѣсто. Она возстанавливаетъ, такимъ образомъ, наслѣдственную монархію, которая является дополненіемъ, гарантіей и связующимъ звеномъ всѣхъ остальныхъ учрежденій... Самая диктатура, вышедшая изъ революціи, какъ бы ее ни называли, не только не является преградой между ними (Бурбонами) и престоломъ ихъ отцовъ, но расчищаетъ имъ путь. Благодаря ей народъ снова проникается привычками подчиненія, армія возвращается подъ ярмо дисциплины, доведенныя до безсилія партіи забываютъ даже свое названіе и съ трудомъ узнаютъ себя». Но диктатура не можетъ и не должна увѣковѣчиться. Она не можетъ увѣковѣчиться, «ибо нѣтъ другого Бонапарта, и подобнаго рода власть не переживаетъ потребностей и условій, результатомъ которыхъ она является». Она не должна увѣковѣчиться, ибо она замѣняетъ «наслѣдственную монархическую власть, ограниченную основными законами», «выборной военной властью безъ границъ и безъ преградъ».

Итакъ, смыслъ и цѣль легитимной монархіи заключается въ томъ, что она заканчиваетъ эру революцій и, возрождая идею законности, консолидируетъ два неразрывно связанныхъ главныхъ завоеванія революціи, равенство и свободу.

Вытекающая отсюда задача реставраціи чрезвычайно сложна, но она нашла себѣ классическое выраженіе въ хартіи 1814 г., которой Ройэ-Колларъ оказываетъ почти божественныя почести. Принципы хартіи представляются ему «вѣчными принципами разума и справедливости». «Хартія представляетъ въ настоящее время всю нашу исторію; она является первичнымъ и верховнымъ фактомъ. Въ силу возвышенности своего пробисхожденія она при обыкновенномъ теченіи вещей стоитъ выше посягательствъ властей, которыя созданы ею; какъ актъ соглашенія и умиротворенія она неприкосновенна; съ нею, какъ съ основнымъ закономъ, не можетъ тягаться никакая теорія». Во всѣхъ дебатахъ, по поводу всѣхъ принципіальныхъ вопросовъ онъ ссылается на хартію и въ остроумномъ замѣчаніи Фагэ, что онъ замѣняетъ суверенитетъ народа суверенитетомъ хартіи, есть доля истины, которой не слѣдуетъ, однако, преувеличивать настолько, чтобы усматривать именно въ этомъ сущность его «доктрины».

Судя по одному частному письму, написанному въ 1830 г., Ройэ-Колларъ прекрасно понималъ условное значеніе того восхваленія хартіи, какъ символа неразрывной связи легитимной монархіи и свободы, которое онъ подчеркивалъ не только потому, что онъ былъ доволенъ содержаніемъ хартіи, но и потому, что этого требовали по его мнѣнію тактическія соображенія. «Мы узнали,—писалъ онъ въ моментъ надвигавшагося столкновенія палаты съ Карломъ X,—чего мы не знали достаточно, чего еще не знаютъ самые знающіе, а именно, что наша конституціонная абстракція королевской власти очень удобна для трибуны, но что она представляетъ большое недоразумѣніе какъ моментъ, опредѣляющій дѣйствительный ходъ нашихъ дѣлъ. Съ каждымъ днемъ это будетъ становиться яснѣе, и именно это дѣлаетъ будущее столь темнымъ и опаснымъ».

Результатомъ постояннаго его стремленія поддерживать удобную для парламентской трибуны «конституціонную абстракцію королевской власти», консолидировавшей революцію и охраняющей интересы новаго общества, и было то преклоненіе передъ хартій, которое придаетъ очень многимъ разсужденіямъ Ройэ-Коллара

такой неподвижно-схоластическій видъ и способно вызвать впечатлѣніе, будто вся его политическая доктрина есть не что иное, какъ стилизація, если можно такъ выразиться, хартіи. Эта особенность его разсужденій и привела къ представленію о его доктринерствѣ, чему, разумѣется, немало содѣйствовало и то, что по справедливому замѣчанію его друга и біографа, де Баранта, «рѣчи г. Ройэ-Коллара почти всегда отличались принципіальностью и абсолютно-дедуктивнымъ построеніемъ, что обезпечивало имъ большой успѣхъ: но когда проходило первое удивленіе, вызванное ихъ логической стройностью онѣ давали поводъ къ обсужденію самыхъ принциповъ, изъ коихъ онѣ исходили». Человѣкъ, стремившійся всегда и повсюду найти прочный авторитетъ, на которомъ можно было бы построить религію, нравственность, знанія, политическую дѣятельность и т. д, неспособный довольствоваться относительной истиной ни въ чемъ и всегда склонный объективировать существо и основные принципы своихъ индивидуальныхъ убѣжденій, Ройэ-Колларъ больше, чѣмъ кто-либо иной, былъ склоненъ приписывать въ частности и хартіи такое объективно-обязательное значеніе, отожествляя ея принципы безъ обиняковъ съ принципами разума. Это облегчало ему въ значительной степени его боевую позицію въ палатѣ и въ политической жизни вообще. Но это не должно вызывать впечатлѣніе, будто онъ и въ самомъ дѣлѣ ничего, кромѣ хартіи, не признавалъ и только изъ нея и извлекалъ всѣ свои политическіе взгляды. Выше уже было указано, что основные принципы хартіи, какъ онъ ихъ понималъ въ эпоху реставраціи, лежали въ основаніи его политическихъ убѣжденій еще тогда, когда Людовикъ XVIII не могъ даже мечтать о возвращеніи въ страну своихъ предковъ, и когда власти Наполеона I не предвидѣлось близкаго конца.

Для того, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ въ политическомъ міросозерцаніи Ройэ-Коллара, необходимо, такимъ образомъ, выяснить, въ чемъ заключались тѣ черты хартіи, которыя обезпечили ей доходившую почти до идолопоклонства привязанность ея наиболѣе вѣрнаго сторонника, или, иначе говоря, какія положенія хартіи обезпечивали, по его мнѣнію, спокойное развитіе французскаго общества на началахъ равенства и свободы, внѣ которыхъ, по его убѣжденію, при наличныхъ условіяхъ народной жизни не было спасенія для Франціи.

Нетрудно убѣдиться въ томъ, что такими положеніями хартіи въ его глазахъ были всѣ тѣ, которыя охраняли равенство отъ идеи привилегіи и свободу отъ произвола какъ королевской власти, такъ въ особенности народной массы. Ройэ-Колларъ представляетъ любопытное и типичное для французскаго либерализма зрѣлище убѣжденнаго сторонника соціальнаго демократизма въ смыслѣ безусловнаго равенства всѣхъ предъ законами и убѣжденнаго же врага политическаго демократизма въ смыслѣ равнаго участія всѣхъ въ государственной жизни. Въ этомъ заключается весь интересъ, въ этомъ и вся принципіальная и практическая слабость и противорѣчивость его историческаго ученія.

Къ этому необходимо прибавить еще то, что, по глубокому убѣжденію Ройэ-Коллара, соціальное равенство было такъ прочно установлено великой революціей, что ему уже не угрожала никакая сколько-нибудь серьезная опасность. Всѣ старанія феодально-легитимистской реакціи, къ которымъ онъ относился всегда безусловно отрицательно, неминуемо должны разбиться объ основной и незыблемый ф а к т ъ радикальной демократизаціи французскаго общества. Всѣ старанія, всѣ по-

мысли Ройэ-Коллара направлены поэтому не на обезпеченіе этого демократическаго уклада французскаго общества, а на отраженіе политическихъ опасностей, вытекающихъ изъ стремленія демоса или, вѣрнѣе, тѣхъ партій, которыя становятся во главѣ его, къ власти.

Это, разумѣется, отнюдь не значитъ, чтобы Ройэ-Колларъ не выступалъ въ защиту демократическаго строя французской жизни, когда реакція (особенно въ эпоху министерства Виллеля 1822—1827) дѣлала попытки вернуть Францію къ соціальной организаціи стараго порядка. «Нельзя безнаказанно насиловать общественные нравы,—говорилъ онъ въ 1820 г. по поводу реакціоннаго избирательнаго закона. «Когда внутреннее состояніе даннаго общества упрочилось, и когда сущность его явна, тогда оно представляетъ выраженіе власти Провидѣнія надъ этимъ обществомъ; подчиненіе ему есть такой же долгъ, какъ подчиненіе любому иному установленному порядку. Въ этомъ, господа, и заключается истинное право Божьей милостью». Ясно, какъ рѣзко эта точка зрѣнія отличается отъ точки зрѣнія де Местра, Бональда, Монлозіе и всѣхъ ультрароялистовъ, съ одной стороны, отъ точки зрѣнія одного изъ старыхъ друзей Ройэ-Коллара и впослѣдствіи министра юстиціи въ кабинетахъ Деказа, Ришелье и Виллеля, де Серра—съ другой. Внося въ палату проектъ реакціоннаго закона о печати, де Серръ въ объяснительной запискѣ къ закону жаловался на всемогущество демократіи и настаивалъ на необходимости борьбы съ нею.—«У насъ демократія повсюду полна силы и энергіи,—писалъ министръ;—она властвуетъ въ промышленности, въ организаціи собственности, въ законахъ, въ воспоминаніяхъ, въ людяхъ и вещахъ. Потокъ властно разливается (coule à plein bord) среди слабыхъ плотинъ, которыя едва его сдерживаютъ».

«Съ своей стороны,—отвѣтилъ ему Ройэ-Колларъ,—я согласенъ, что демократія властно разливается по всей Франціи, какой ее сдѣлали вѣка и событія. Вѣрно, что уже издавна промышленность и собственность не перестаютъ оплодотворять, усиливать, возвышать средніе классы: они такъ сильно приблизились къ высшимъ классамъ, что имъ пришлось бы значительно спуститься (съ занятаго ими положенія), дабы смотрѣть на послѣдніе снизу вверхъ. Богатство дало досугъ; досугъ далъ просвѣщенность; независимость породила патріотизмъ. Средніе классы занялись государственными дѣлами; они не считаютъ себя повинными ни въ любопытствѣ, ни въ дерзости ума, когда занимаются ими; они знаютъ, что государственныя дѣла это ихъ собственныя дѣла. Вотъ наша демократія, какъ я ее вижу и понимаю... Пусть другіе печалятся или гнѣваются по этому случаю; что касается меня, то я благодарю Провидѣніе за то, что оно призвало болѣе значительную часть своихъ твореній къ благамъ цивилизаціи. Надо либо принять, либо разрушить (détruire) это состояніе общества, а чтобы его разрушить, надо обезлюдить, сдѣлать нищими, довести до звѣроподобнаго состоянія (abrutir) средніе классы. Аристократія и демократія—это не пустыя доктрины, предоставленныя нашимъ спорамъ; это силы, которыхъ нельзя погубить, которыхъ нельзя возстановить похвалой или бранью; раньше, чѣмъ мы о нихъ говоримъ, онѣ существуютъ или не существуютъ. Вся мудрость заключается въ томъ, чтобы наблюдать за ними и управлять ими».

«Умственное движеніе,—говорилъ онъ четыре года спустя по поводу новаго еще болѣе реакціоннаго законопроекта о печати,—порождается не только книгами.

Порожденное свободою соціальныхъ условій, оно живетъ благодаря труду, богатству и досугу; скопленіе людей въ городахъ и легкость сношеній поддерживаютъ его Чтобы поработить людей, надо ихъ разсѣять и сдѣлать ихъ нищими: нищета есть гарантія невѣжества. Повѣрьте мнѣ, уменьшите количество населенія, верните людей отъ промышленности снова къ землѣ, прикрѣпите ихъ къ ней, сожгите мануфактуры, завалите каналы землей, распашите большія дороги. Если вы не сдѣлаете всего этого, вы ничего не сдѣлали; если плугъ не пройдетъ по всей цивилизаціи, того, что отъ нея останется, будетъ достаточно, чтобы обмануть ваши усилія».

Демократическій складъ общественной жизни есть фактъ первостепенной важности, не считаться съ которымъ могутъ только безумцы. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы вся масса населенія была призвана къ политической жизни. Идея народнаго верховенства есть страшная ошибка. «Да, націи суверенны въ томъ смыслѣ, что ими нельзя обладать какъ территоріями, что онѣ, наоборотъ, принадлежатъ самимъ себѣ и содержатъ сами въ себѣ въ силу естественнаго права средства обезпечить свое сохраненіе и свое спасеніе, и еще въ томъ смыслѣ, что общественное согласіе представляетъ единственную прочную опору правительствъ, которыя существуютъ, такимъ образомъ, для націй и ради націй. Но эти безспорныя истины суть скорѣе моральныя максимы, чѣмъ принципы государственнаго управленія; онѣ служатъ скорѣе выраженіемъ божественнаго суверенитета разума и справедливости, нежели того человѣческаго и практическаго суверенитета, который издаетъ законы и управляетъ государствами. А мы вѣдь именно и стремимся выяснить существо этого послѣдняго суверенитета. Гдѣ онъ покоится? Вѣщаетъ ли онъ на публичной площади? Является ли сувереномъ большинство личностей, большинство воль, каковы бы онѣ ни были? Если это такъ, господа, тогда надо заявить возможно громче, что суверенитетъ народа есть не что иное, какъ суверенитетъ силы и самая абсолютная форма абсолютной власти. Передъ лицомъ этого суверенитета безъ правилъ и безъ границы, безъ обязанностей и безъ совѣсти (sans conscience) нѣтъ ни конституціи, ни законовъ, ни добра, ни зла, ни прошлаго, ни будущаго. Воля сегодняшняго дня отмѣняетъ волю вчерашняго, не связывая воли завтрашняго. Претензіи самой капризной, самой экстравагантной тираніи не идутъ такъ далеко, ибо тиранія не освобождена до такой степени отъ всякой отвѣтственности. Однако, господа, силѣ не дано проявлять на землѣ истиннаго суверенитета. Сила принуждаетъ, она не обязываетъ; создавать обязательства способенъ лишь иной суверенитетъ. Воля одного, воля нѣсколькихъ, воля всѣхъ, это лишь болѣе или менѣе могущественная сила; ни одна изъ нихъ, поскольку она лишь воля, не заслуживаетъ ни повиновенія, ни малѣйшаго уваженія. Господа, общества не суть ариѳметическія скопленія личностей и воль; они содержатъ другой элементъ, чѣмъ число; они обладаютъ другой, болѣе сильной связью, а именно правомъ, этой привилегіей человѣчества, и законными интересами, которые вытекаютъ изъ права. Право зависитъ не отъ силы, а отъ справедливости, суверенаго судьи интересовъ. Подъ ауспиціями права образуются общества, чтобы ниспровергнуть силу и поставить на ея мѣсто справедливость».

«Есть два суверенитета народа, одинъ истинный, другой лживый: послѣдній есть не что иное, какъ грубый символъ силы, какъ вѣчный крикъ демагоговъ, какъ

пища революціонныхъ партій (factions), которыя питаются и никогда не насыщаются имъ. Обратитесь къ вашимъ воспоминаніямъ: если исключить столь быстро протекшіе первые дни 89 года, когда суверенитетъ народа, заимствованный у другого общества, другихъ небесъ и другой страны (а именно у Сѣверной Америки) имѣлъ лишь невинный видъ философской истины, вспомните, кѣмъ онъ выдвигался въ теченіе долгихъ лѣтъ нашихъ несчастій? Каковы тѣ общественныя преступленія, которыя не были совершены подъ этимъ знаменемъ? Какому варварскому божеству было принесено больше человѣческихъ жертвъ? Я не смѣшиваю имперіи съ этими роковыми временами; я знаю, чѣмъ мы ей были обязаны, и я сохраняю ей искреннюю признательность. Но если имперія была славна и въ извѣстныхъ отношеніяхъ благодѣтельна, она, тѣмъ не менѣе, была самымъ чудовищнымъ деспотизмомъ, умѣряемымъ лишь чрезвычайнымъ умомъ деспота. А между тѣмъ, господа, ни одно изъ революціонныхъ правительствъ, которыя предшествовали ей, не настаивало въ такой степени, какъ имперія, на томъ, что она проистекаетъ изъ суверенитета народа, и не оказывало этому суверенитету столько почестей, которыхъ онъ не отвергалъ, ибо какъ только народному суверенитету не хватаетъ анархіи, онъ устремляется именно въ объятія деспотизма. Истинный суверенитетъ народа, тотъ, который подчиняетъ силу законамъ справедливости, основывается весь цѣликомъ на представительномъ образѣ правленія», какъ его понимаетъ Ройэ-Колларъ, проводящій строгую грань между представительствомъ воль, которое онъ безусловно отвергаетъ, и представительствомъ интересовъ, къ которому, по его мнѣнію, сводится весь смыслъ конституціоннаго строя.

Представительство народной воли или, точнѣе, воли всѣхъ личностей, составляющихъ народъ, представляется по его мнѣнію не только нежелательнымъ, но просто невозможнымъ. «Когда говорятъ, что палата есть представительное учрежденіе,—говорилъ онъ,—то подъ этимъ, безъ сомнѣнія, подразумѣваютъ, что въ этой палатѣ будутъ представлены интересы, права, взгляды, воля націи, а слѣдовательно сама нація. Ибо въ этомъ и заключается въ политическомъ смыслѣ вся нація. Теперь, что это значитъ представлять націю? Какъ нація можетъ быть представляема? Слово представительство есть метафора. Чтобы метафора отвѣчала истинѣ, необходимо, чтобы представитель имѣлъ дѣйствительное сходство съ представляемымъ, а для этого въ данномъ случаѣ нужно, чтобы то, что сдѣлаетъ представитель, было именно въ точности тѣмъ, что сдѣлалъ бы представляемый. Отсюда слѣдуетъ, что политическое представительство предполагаетъ императивный опредѣленный мандатъ по поводу опредѣленнаго, въ свою очередь, вопроса, какъ, напр., война и миръ, извѣстный законопроектъ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, только въ такомъ случаѣ доказано и очевидно, что уполномоченный дѣлаетъ то, что сдѣлалъ бы уполномачивающій, или что уполномачивающій сдѣлалъ бы то, что дѣлаетъ уполномоченный». Но въ такомъ случаѣ получился бы республиканскій и федеративный строй, и даже больше: сомнительно, чтобы получилось вообще что-либо жизнеспособное.

Но если палата депутатовъ не есть представительница народной воли, то что же она въ такомъ случаѣ? Ройэ-Колларъ неоднократно возвращался къ этому вопросу и давалъ разнообразные отвѣты на него. Да это и вполнѣ понятно. Онъ ясно

зналъ, чего онъ не хотѣлъ и не хотѣлъ по его глубокому убѣжденію въ интересахъ самого народа. Онъ не хотѣлъ народнаго верховенства и именно поэтому отвергалъ при помощи хитросплетенныхъ соображеній и обычную идею представительства. Но въ то же самое время онъ безусловно хотѣлъ сохранить и оправдать властное участіе «палаты депутатовъ отъ департаментовъ», какъ называлась оффиціально вторая палата, въ государственной жизни. А между тѣмъ онъ отказался отъ обосновывавшей это участіе идеи народнаго представительства, и приходилось искать другое основаніе. Положеніе еще усложнялось вслѣдствіе того, что при этомъ надо было найти такое обоснованіе, которое не заключало бы въ себѣ логически всеобщаго избирательнаго права (какъ его содержитъ по его признанію идея народнаго представительства), а которое, наоборотъ, давало бы возможность устранить участіе всѣхъ гражданъ въ выборахъ.

Первоначально (въ 1815 г.) онъ остановился съ этой цѣлью на мысли, что участіе въ палатѣ депутатовъ, какъ и участіе въ выборахъ, должно быть признано не правомъ всѣхъ гражданъ, а обязанностью (fonction) тѣхъ изъ нихъ, за которыми законъ, т.-е. хартія признала способность къ разумному исполненію этой обязанности. Палата являлась съ этой точки зрѣнія исключительно частью государственной власти (un pouvoir), а отнюдь не представительнымъ учрежденіемъ. «Тамъ, гдѣ имѣется народное представительство, тамъ именно въ немъ покоится всемогущество государства; рядомъ съ нимъ остаются лишь подчиненныя или враждебныя власти, которымъ суждено либо подчиняться воздѣйствію его рѣшеній, поскольку онѣ сами не участвуютъ въ согласіи съ нимъ въ принятіи этихъ рѣшеній, либо исчезнуть». Между тѣмъ, смыслъ существованія палаты созданной хартіей, заключается не въ этомъ, а въ томъ, что существованіе ея признано цѣлесообразнымъ въ интересахъ государственнаго управленія, дабы государственная власть содержала въ себѣ въ разумной смѣси всѣ три элемента народной жизни, монархическій въ лицѣ короля, аристократическій въ лицѣ палаты пэровъ, демократическій въ лицѣ палаты депутатовъ. Но послѣдняя сама по себѣ отнюдь не является при этомъ гарантіей народныхъ вольностей. Гарантія этихъ вольностей заключается въ власти какъ таковой или, иначе говоря, въ гармоніи ея составныхъ частей.

Годъ спустя онъ ставитъ вопросъ нѣсколько иначе: «выборная палата существуетъ въ интересахъ націи, дабы ея желанія (voeux) и потребности были извѣстны, и дабы ея права соблюдались, и дабы политическая свобода пришла на помощь свободѣ гражданской, единственной прочной гарантіей коей она является. Выборная палата существуетъ и въ интересахъ правительства, дабы довѣріе, составляющее принципъ выборовъ, восходило до него и обезпечило ему болѣе быстрое и охотное повиновеніе. Выборная палата существуетъ, наконецъ, въ интересахъ какъ націи, такъ и правительства одновременно, дабы долгія ошибки и великія несправедливости, которыя являются источникомъ гражданской борьбы и революціи, не накоплялись въ общественномъ организмѣ». Въ связи съ этимъ онъ называетъ тутъ же «такъ называемый представительный образъ правленія счастливымъ учрежденіемъ», но не даетъ никакой новой теоріи представительства взамѣнъ той, которую онъ продолжаетъ отвергать и здѣсь.

Въ 1820 г., наконецъ, онъ формулируетъ свою точку зрѣнія окончательно:

«Есть два элемента въ обществѣ,—говоритъ онъ;—одинъ матеріальный,—это личность, ея сила и ея воля, другой моральный,—это право, вытекающее изъ законныхъ интересовъ. Хотите вы создать общество при помощи матеріальнаго элемента? Тогда большинство личностей, большинство воль, каковы бы онѣ ни были, есть суверенъ. Вотъ суверенитетъ народа. Если этотъ слѣпой и насильственный суверенитетъ съ согласія народа или вопреки его волѣ перемѣстится въ руки одного или нѣсколькихъ, не мѣняя при этомъ своего характера, то онъ становится болѣе разумной и болѣе умѣренной силой, но все-таки это сила. Вотъ источникъ и корень абсолютной власти и всякихъ привилегій. Онъ хорошо это зналъ, тотъ человѣкъ, который такъ могущественно управлялъ Франціей въ теченіе четырнадцати лѣтъ, онъ, который такъ старательно подчеркивалъ, что его власть покоится на народномъ суверенитетѣ, и который оказывалъ ему столько почестей; онъ, который говорилъ и писалъ, что отвѣтственность подходитъ къ англійской формѣ правленія, но что въ созданномъ имъ самимъ строѣ она неконституціонна, такъ какъ онъ является самъ наслѣдникомъ народнаго суверенитета. Хотите вы, наоборотъ, создать общество на почвѣ моральнаго элемента, каковымъ является право? Тогда сувереномъ является справедливость, ибо справедливость есть регулирующій принципъ права. Свободныя конституціи задаются цѣлью ниспровергнуть силу и возвести на престолъ право. Выбирайте теперь вашего суверена. Имъ будетъ сила, если ваше правительство представляетъ личности; имъ будетъ справедливость, если оно представляетъ интересы. Либо вы остаетесь подъ властью народнаго суверенитета, либо вы полагаете, что въ вашемъ правительствѣ представлены только права и интересы». Искусственный схоластическій характеръ этого отдѣленія интересовъ отъ людей, которые являются ихъ носителями, бросается въ глаза, и самое различеніе ихъ становится понятнымъ лишь тогда, когда мы познакомимся съ выводами, которые ораторъ дѣлаетъ изъ своего основного положенія. «Разница между народнымъ суверенитетомъ и конституированнымъ суверенитетомъ свободныхъ государственныхъ организацій (des Gouvernements libres) заключается въ томъ, что при наличности перваго существуютъ лишь личности и воли, при наличности второго лишь права и интересы. Личности исчезаютъ... Король не есть личность; онъ не есть какое-нибудь учрежденіе; онъ есть всеобщее учрежденіе, въ которомъ содержатся всѣ остальныя. Вмѣстѣ съ королемъ въ отправленіи суверенитета участвуютъ два различныхъ органа власти (deux pouvoirs). Этотъ великій фактъ... доказываетъ, что, когда общество слилось съ властью, оно не было признано однороднымъ, ни его права и интересы схожими... Иначе говоря, существуютъ различія или неравенство въ соціальномъ положеніи. Неравенство есть продуктъ всякаго рода превосходствъ (supériorités), каковы слава, происхожденіе..., собственность или богатство такихъ размѣровъ, когда оно становится подобно славѣ отличіемъ, силой, властью надъ людьми. Теперь, что такое палата пэровъ, какъ не признанное, консолидированное, превратившееся въ общественную силу, а потому ставшее неприкосновеннымъ и безсмертнымъ, неравенство?.. То, что остается внѣ ея, это область полнаго равенства, т.-е. одинаковыхъ у всѣхъ интересовъ; а посему выборная палата не представляетъ ничто иное, не можетъ представлять ничто иное, какъ именно эти интересы. Когда говорятъ, что палата представляетъ націю, тогда выражаются неправильно, тогда слѣ-

дуютъ традиціямъ революціи. Нѣтъ, національное представительство содержится лишь во всѣхъ трехъ властяхъ вмѣстѣ взятыхъ; только въ ихъ лицѣ оно абсолютно. Подъ названіемъ: представительное правительство въ томъ смыслѣ, какъ мы имъ пользуемся, мы должны понимать не что иное, какъ выборную власть, участвующую совмѣстно съ наслѣдственными властями въ созданіи законовъ и въ направленіи государственныхъ дѣлъ. Король и пэры существуютъ раньше, чѣмъ избраны депутаты; если, слѣдовательно, палата депутатовъ представляетъ, тѣмъ не менѣе, націю, то лишь постольку, поскольку въ ея составъ не входятъ престолъ и аристократія; иначе говоря, она является представительницей той части націи, которая получила историческое названіе коммунъ, названіе, которое при помощи одного слова совершенно вѣрно выражаетъ, что аристократическіе интересы не содержатся въ немъ. Но то, что остается отъ націи послѣ исключенія этихъ интересовъ, то по существу своему однородно, и если вы и здѣсь станете искать разнообразія, множественности, неравенства, то вы будете искать разницу между радіусами круга. Въ этомъ содержится противорѣчіе, а, слѣдовательно, абсурдъ».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, отрицающихъ всякую разнородность интересовъ внутри массы общества послѣ выдѣленія изъ него короля и пэровъ, заключается то, что можно назвать специфической доктриной всего либеральнаго движенія этого времени. Несмотря на всю борьбу внутри такъ называемаго третьяго сословія въ эпоху революціи, Ройэ-Колларъ никогда ни въ одной изъ многочисленныхъ и крайне интересныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ преимущественно въ палатѣ депутатовъ и собранныхъ его біографомъ, ни разу не упомянулъ о разнообразіи соціальныхъ положеній и интересовъ внутри народной массы: начиная съ крупнаго банкира или фабриканта и кончая батракомъ или чернорабочимъ, вся эта масса всегда признается имъ совершенно однородной. Въ настоящее время такая точка зрѣнія можетъ показаться настолько странной, что способна вызвать сомнѣніе въ искренности ея защитника. Тѣмъ не менѣе, это сомнѣніе было бы глубоко несправедливо. Сознаніе наличности того, что мы привыкли называть соціальнымъ вопросомъ, тогда безусловно отсутствовало у подавляющаго большинства политическихъ писателей и дѣятелей: одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей тогдашняго «либерализма» въ узкомъ смыслѣ этого слова, генералъ Фуа (Foy), категорически отрицалъ существованіе этого вопроса, а слѣдовательно и необходимость заняться вопросомъ о соціальныхъ условіяхъ жизни массы населенія. Ройэ-Колларъ стоитъ именно на этой точкѣ зрѣнія: подобно дѣятелямъ 1789 г. онъ видитъ въ третьемъ сословіи однородную массу, объединяемую отрицательнымъ признакомъ отсутствія у нея аристократическихъ особенностей и интересовъ и положительнымъ признакомъ одинаковой потребности въ гражданскомъ равноправіи и въ свободѣ экономической дѣятельности или «карьеры», изъ коихъ, въ свою очередь, вытекаетъ потребность въ гарантирующей ихъ политической свободѣ. Что же касается внутренней борьбы среди третьяго сословія въ эпоху революціи, то она вытекала по этому взгляду не изъ факта соціальной розни, котораго нѣтъ, а изъ тлетворнаго вліянія революціонной демагогіи, приводившаго къ искусственному раздѣленію общества на ожесточенно враждовавшія части, раздѣленію, для котораго на самомъ дѣлѣ не было никакого разумнаго основанія.

Палата депутатовъ является, такимъ образомъ, не представительницей народной

воли, а лишь представительницей совершенно однородныхъ интересовъ демократической массы населенія. Изъ этого факта и въ частности изъ однородности указанныхъ интересовъ вытекаетъ въ высшей степени важное послѣдствіе, а именно то, что для правильнаго отраженія и защиты демократическихъ интересовъ вовсе не требуется, чтобы депутаты избирались всѣмъ населеніемъ: какая бы часть французской демократіи ни участвовала въ выборахъ, ея избранники неизбѣжно должны оказаться представителями интересовъ всей демократіи въ цѣломъ. «Либо вы остаетесь при идеѣ народнаго суверенитета, либо вы должны признать, что въ нашемъ правительствѣ представлены только права и интересы. Только при этомъ послѣднемъ условіи оно вполнѣ легитимно; если бы оно имѣло претензію служить представительствомъ людей, оно было бы въ высокой степени несовершенно, такъ какъ громадное большинство людей не участвуетъ въ немъ и, значитъ, не пользуется представительствомъ; но оно не страдаетъ этимъ недостаткомъ, разъ въ немъ представлены всѣ интересы».

Это даетъ, въ свою очередь, полную возможность установить кадры избирателей съ такимъ разсчетомъ, чтобы всѣ избиратели обладали должнымъ умственнымъ развитіемъ и должной независимостью. А такъ какъ и образованіе и независимость тѣсно связаны съ матеріальной обезпеченностью, то установленіе извѣстнаго матеріальнаго ценза вполнѣ допустимо въ интересахъ демократіи и существенно важно въ интересахъ разумнаго развитія государственной жизни. «По строгому смыслу права всѣ избираемы, всѣ избиратели, если только они не признаны въ настоящее время (actuellement) неспособными (incapables) къ этому. Основному закону надлежитъ не признать способность, а установить неспособность; всякій, кто не исключенъ, призванъ... Хартія никому не даруетъ права быть избраннымъ; она лишь устанавливаетъ неизбираемость каждаго, кто не достигъ сорокалѣтняго возраста и не платитъ 1000 франковъ податей. Она не даруетъ права избирать; она лишь устанавливаетъ, что не будутъ избирать тѣ, кто не достигъ тридцатилѣтняго возраста и не платитъ 300 франковъ податей. Установленныя хартіей условія неспособности (incapacité) не являются ни личными, ни окончательными; они являются лишь условными и временными». Въ потенціи, такимъ образомъ, всѣ граждане обладаютъ избирательнымъ правомъ; оно становится дѣйствительнымъ, лишь только они осуществятъ условія, установленныя не для сокращенія количества избирателей, а для обезпеченія разумныхъ и независимыхъ выборовъ. «Способности (les capacités) не суть право; право имъ предшествуетъ; онѣ суть условіе, при которомъ осуществляется общее всѣмъ право». «Для установленія избирателей и избираемыхъ собственность имѣетъ значеніе лишь какъ моральная гарантія независимости и просвѣщенности». «Такъ какъ въ глазахъ закона извѣстная степень личнаго богатства признается необходимой, чтобы создать презумпцію свободнаго и просвѣщеннаго сужденія, т.-е. презумпцію политическаго сужденія, то она устанавливаетъ всюду, гдѣ эта презумпція встрѣчается, личную годность (aptitude), и эта годность является единственнымъ основаніемъ (субъективнаго) права; она тожественна съ правомъ».

Вопросъ, какой именно имущественный цензъ является достаточнымъ съ указанной точки зрѣнія,—вопросъ, самъ по себѣ, очень сложный,—разрѣшенъ хартіей опредѣленно и окончательно. Самъ Ройэ-Колларъ призналъ въ 1816 г. условія,

установленныя хартіей, «весьма суровыми» и энергично боролся въ 1820 г. противъ ихъ дальнѣйшаго усложненія, но въ послѣдніе годы реставраціи онъ пришелъ, по свидѣтельству де Баранта, къ заключенію, что даже требованія закона 1820 г. еще не обезпечиваютъ разумныхъ выборовъ. Какъ бы тамъ ни было, онъ полагалъ, что требованія хартіи передаютъ господство въ палатѣ депутатовъ тому слою общества, который онъ весьма ошибочно называлъ «средними классами», они-то и казались ему наиболѣе вѣрными выразителями истинныхъ интересовъ демократіи. «Ибо—говорилъ онъ—если призвать толпу (la multitude) къ политической жизни, то что это означало бы, какъ не отдать ее въ распоряженіе революціонныхъ партій, которыя требуютъ ея призыва, какъ не пригласить эти партіи взволновать ее до глубины, развратить ее, одурманить ее преступными надеждами, обѣщать ей, быть-можетъ, новыя проскрипціи и новые грабежи? Такова исторія всѣхъ временъ, такова и наша». Совсѣмъ другое дѣло «средніе классы», эти «сливки (élite) благородной націи, которая... стремится къ порядку и отвергаетъ партіи, каковы бы онѣ ни были». «Палата депутатовъ представляетъ общіе всѣмъ интересы... Изъ этого слѣдуетъ, что способность избирать депутатовъ возникаетъ изъ способности избирателя выражать общіе интересы, свободные отъ иныхъ интересовъ, которые измѣняютъ ихъ настоящую природу и извращаютъ ихъ. Вотъ почему хартія возлагаетъ на избирателя налогъ въ 300 франковъ, дабы быть увѣренной, что онъ выше антисоціальныхъ страстей толпы. Онъ представляетъ всѣ ея легитимные интересы; но онъ представляетъ ихъ вѣрнѣе, чѣмъ она могла бы это сдѣлать сама». Первенствующее положеніе этого класса не есть результатъ конституціонной теоріи, а результатъ реальныхъ условій жизни. «Вліяніе средняго класса есть фактъ,—фактъ могущественный и грозный; это живая теорія, организованная и способная отразить удары противниковъ. Вѣка подготовили это вліяніе; революція упрочила его. Новые интересы являются принадлежностью этого класса. Его безопасность не можетъ быть нарушена безъ непосредственной опасности для всего существующаго порядка. А его безопасность нарушена, когда его вліяніе въ опасности; его вліяніе въ опасности, когда избирательный законъ въ опасности».

Таковъ центръ тяжести теоріи не одного только Ройэ-Коллара и даже не однихъ только доктринеровъ, а всего французскаго либерализма этихъ дней. Именно этимъ и объясняется, почему іюльская революція не покончила съ принципомъ высокаго имущественнаго ценза; единственное измѣненіе, внесенное ею въ избирательный законъ, заключалось въ томъ, что имущественный цензъ для активнаго избирательнаго права былъ пониженъ до 200 франковъ прямыхъ налоговъ, цензъ для пассивнаго избирательнаго права до 500 франковъ прямыхъ налоговъ, а возрастный цензъ для пассивнаго избирательнаго права до тридцатилѣтняго возраста. И даже наканунѣ 1848 г. наиболѣе крайніе либералы, «династическая лѣвая» съ Одилономъ Барро и «лѣвый центръ» съ Тьеромъ не шли дальше пониженія имущественнаго ценза до 100 франковъ прямыхъ налоговъ съ освобожденіемъ только однихъ такъ наз. capacités, т.-е. лицъ либеральныхъ профессій съ высшимъ образованіемъ, отъ всякаго ценза. Вынужденные признать принципъ всеобщаго избирательнаго права послѣ февральской революціи, они же закономъ 31 мая 1850 г. ввели въ него ограниченіе въ видѣ требованія трехлѣтней осѣдлости и устранили

такимъ путемъ свыше трехъ милліоновъ гражданъ изъ числа избирателей и еще послѣ 1870 г. стремились устранить всеобщее избирательное право изъ конституціи третьей республики. Да и по настоящее время французскій либерализмъ относится враждебно къ тому, что его представители называютъ «неорганизованнымъ суверенитетомъ числа».

Дальше мы еще увидимъ, какое огромное значеніе этотъ фактъ имѣлъ для развитія республиканской идеи во Франціи. Здѣсь достаточно отмѣтить, что именно имъ опредѣляется характеръ іюльской монархіи, и объясняется готовность ея палатъ объявлять демократовъ-республиканцевъ стоящими внѣ закона и преслѣдовать ихъ при помощи чрезвычайныхъ законовъ.

Взгляды Ройэ-Коллара чрезвычайно характерны и въ этомъ отношеніи. Вотъ какъ онъ характеризуетъ еще въ 1820 г. двѣ партіи, съ которыми впослѣдствіи пришлось бороться іюльской монархіи, и съ которыми онъ и его друзья боролись въ эпоху реставраціи. «Не можетъ быть сомнѣнія, что среди насъ имѣются настоящія революціонныя партіи (factions); онѣ выступаютъ достаточно открыто; онѣ достаточно предупреждаютъ насъ о своемъ присутствіи. Есть революціонная партія, порожденная революціей, ея дурными доктринами и дурными дѣйствіями, которая, быть-можетъ, неопредѣленно, но постоянно стремится къ узурпаціи, такъ какъ имѣетъ еще больше наклонности къ ней, чѣмъ потребности въ ней. Есть революціонная партія, порожденная привилегіей, которую возмущаетъ равенство и которой нужно уничтожить его. Я не знаю, что эти революціонныя партіи дѣлаютъ, но я знаю, чего онѣ хотятъ, и, главнымъ образомъ, слышу, что онѣ говорятъ. Я признаю одну по ея ненависти ко всякому легитимному авторитету, политическому, моральному, религіозному, другую—по ея инстинктивному презрѣнію ко всякимъ политическимъ и гражданскимъ правамъ и по ея надменно-жадному стремленію захватить все въ правительствѣ и въ обществѣ въ свои руки. Революціонныя партіи, о которыхъ я говорю, сами по себѣ малочисленны; онѣ ненавистны націи и никогда не пустятъ въ ней корни; но онѣ страстны, и, пока мы раздѣляемся, онѣ стремятся къ своей цѣли... Если нашему несчастному отечеству суждено быть еще разъ растерзаннымъ и окровавленнымъ ими, я заранѣе опредѣляю свою позицію; я заранѣе заявляю побѣдоносной партіи, какая бы изъ нихъ ни побѣдила, что я отнесусь съ ненавистью къ ея побѣдѣ; я еще сегодня требую отъ нея занести меня въ ея проскрипціонные списки». Единственныя партіи, которыя онъ признаетъ «заслуживающими уваженія» въ отличіе отъ «подрывающихъ основы и преступныхъ революціонныхъ партій» (т.-е. отъ крайней либеральной лѣвой, проповѣдующей народное верховенство, и отъ крайней правой, стоящей за феодально-абсолютистическій режимъ), это тѣ, которыя стоятъ всецѣло на почвѣ даннаго, созданнаго хартіей, государственнаго строя и которыя безусловно отказываются добиваться его измѣненія хотя бы и чисто-законными средствами. Таковыми въ данное время ему представляются два центра, лѣвый, къ которому онъ себя не причисляетъ, но къ которому онъ фактически самъ принадлежитъ, и правый. Только ихъ онъ и признаетъ истинными правопреемниками двухъ основныхъ тенденцій французской исторіи и готовъ искать истину путемъ компромисса между ихъ взглядами. «Обѣ эти партіи заслуживаютъ уваженія, ибо обѣ имѣютъ великое прошлое и неустранимый блескъ; съ одной стороны, баснословная слава чудесныхъ двадцати-пяти лѣтъ (т.-е.

революціи); съ другой стороны, вся историческая слава Франціи, благородное наслѣдство, котораго революціи не могутъ отобрать у тѣхъ, кто имъ владѣетъ. Возможно также, что истина раздѣлена между ними, и что каждая изъ нихъ обладаетъ лишь половиной ея: тутъ необходимыя доктрины порядка, тамъ благородные принципы свободы. Не слѣдуетъ имъ вѣрить, когда онѣ говорятъ другъ о другѣ: онѣ клевещутъ другъ на друга, и мы сами слишкомъ часто клевещемъ на нихъ [1]). Большая часть нашихъ бѣдствій вытекаетъ изъ страха, который онѣ внушаютъ другъ другу, и который онѣ внушаютъ намъ всѣмъ. Мы поистинѣ слишкомъ обезкуражены воспоминаніемъ о нашихъ несчастіяхъ; мы не рѣшаемся взглянуть событіямъ въ лицо. Если наблюдать партіи съ возвышенной точки зрѣнія, то открываешь, что онѣ соприкасаются, съ одной стороны, съ революціонными партіями, съ другой— съ націей. Дѣло правительства заключается въ томъ, чтобы усилить ихъ связь съ народомъ и отдѣлить ихъ совершенно отъ революціонныхъ партій. Оно одно можетъ это сдѣлать, но оно это можетъ. Законному правительству достаточно существовать и имѣть возможность проявляться каждый день въ словахъ и дѣйствіяхъ, чтобы умы и сердца ему принадлежали. Мы не возлагаемъ на него требованія быть геніальнымъ; нѣтъ, мы не имѣемъ этого права; никто не имѣетъ его; мы требуемъ отъ него безпристрастія, простодушія, откровенности». Разъ оно проявитъ эти качества, оно установитъ тѣсную связь между собой и націей, а, слѣдовательно, между собой и тѣми двумя партіями, которыя однѣ имѣютъ право называть себя національными, нравственно и политически закономѣрными.

Одна изъ причинъ, приведшихъ Ройэ-Коллара къ убѣжденію, что и крайняя правая и крайняя лѣвая являются преступными организаціями, несомнѣнно заключается въ томъ, что и та и другая возлагали въ данное время всѣ свои послѣднія надежды на революціонныя, т.-е. насильственныя средства. Было бы, однако, ошибочно думать, что Ройэ-Колларъ осуждалъ ихъ только за это. Какъ видно изъ одной его рѣчи, онъ признавалъ созданный хартіей строй вообще безусловно неподлежащимъ измѣненію и «удивлялся смѣлости г. де Виллеля (министра), допускающаго мысль объ измѣнчивости избирательной системы, тогда какъ англійская система вотъ ужъ 7—8 столѣтій не подвергается измѣненію». То, что здѣсь сказано про избирательную систему, по взгляду Ройэ-Коллара должно быть распространено на всю хартію. Какъ большинство людей, онъ признаетъ измѣнчивость жизни въ прошломъ, но не можетъ себѣ представить, чтобы привычныя для него условія жизни могли радикально измѣниться въ будущемъ. Данный порядокъ жизни представляется ему единственно разумнымъ, всякое посягательство на него безразсуднымъ, вреднымъ и преступнымъ. Если онъ въ чемъ-либо доктринеръ, то именно въ этомъ.

---

[1]) Ройэ-Колларъ никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи, въ томъ числѣ не принадлежалъ и къ «партіи доктринеровъ», которая никогда не существовала какъ партія, т.-е. какъ группа лицъ съ одинаковой программой, подчиняющихъ свои политическія дѣйствія общему рѣшенію. Какъ и дѣятели великой революціи, онъ въ существѣ дѣла относился отрицательно къ самой идеѣ партіи, не отдавая себѣ отчета въ ея организующемъ значеніи.

Значеніе этой точки зрѣнія для его политической дѣятельности было огромно. Онъ прекрасно понималъ, что политическая свобода не обезпечена простымъ фактомъ существованія палаты, и чрезвычайно удачно доказывалъ, что для дѣйствительнаго обезпеченія ея необходимы прежде всего избирательный законъ, гарантирующій правильное отраженіе народныхъ интересовъ въ палатѣ, свобода печати, судъ присяжныхъ, развитіе мѣстнаго самоуправленія и военная организація, гарантирующая соотвѣтствіе взглядовъ и настроенія арміи съ взглядами и настроеніемъ всего общества. Недостатокъ мѣста не позволяетъ привести его всегда чрезвычайно мѣткія соображенія по этимъ вопросамъ,—соображенія, отчасти не потерявшія своего значенія и посейчасъ.

Но чѣмъ лучше Ройэ-Колларъ сознавалъ важность всѣхъ указанныхъ гарантій, тѣмъ характернѣе его готовность жертвовать ими, лишь только министерство (какъ это имѣло мѣсто отъ 1816 до 1820 г.) пользуется его довѣріемъ. Когда онъ не довѣрялъ министерству, онъ находилъ очень сильныя выраженія, чтобы доказать всю вредность чрезвычайныхъ законовъ: «исключительные законы—говоритъ онъ въ 1820 г.,—суть ростовщическіе займы, которые разоряютъ правительство даже тогда, когда кажется, что они его обогащаютъ. Въ интересахъ правительства отъ нихъ слѣдуетъ воздерживаться, насколько возможно, какъ отъ дурного поведенія, какъ отъ распущенности; министерство теперь должно быть убѣждено въ томъ, что оно не извлечетъ даже изъ тѣхъ законовъ, которые оно предложило сейчасъ, хотя бы и минутной выгоды; они будутъ выгодны лишь тѣмъ, противъ кого они направлены. Вызванные къ жизни реакціей, они влекутъ за собой противоположную реакцію, которая уже даетъ себя чувствовать. Партіи пользуются этимъ оружіемъ. Чѣмъ эти партіи болѣе опасны и грозны, тѣмъ менѣе разумно давать имъ возможность водрузить знамя апологіи хартіи и защиты политическихъ вольностей». Сравните съ этимъ его рѣчь, произнесенную въ 1816 г. въ защиту министерскаго законопроекта объ охраненіи общественной безопасности: «когда король предлагаетъ чрезвычайный законъ,—читаемъ мы здѣсь,—тогда всегда существуетъ презумпція, что онъ исполнилъ свой долгъ, ибо предполагается, что легитимная власть разумна и вѣрна своимъ обязанностямъ, и сила этой презумпціи такова, что она обязываетъ къ довѣрію, покуда не будетъ доказано, что предложеніе власти покоится на ошибкѣ... Такъ какъ необходимость подобныхъ мѣръ не можетъ быть доказана ни логической аргументаціей, ни общими всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ понятіями, а исключительно вытекаетъ изъ извѣстнаго внутренняго и внѣшняго состоянія націи, то предложеніе правительства въ такихъ случаяхъ настолько же авторитетнѣе тѣхъ, которыя могли бы возникнуть въ палатѣ, насколько его знаніе совокупности фактовъ превышаетъ знаніе, которое могли бы пріобрѣсть—я не говорю частныя лица,—но даже самые органы власти (pouvoirs), которые участвуютъ совмѣстно съ нимъ въ законодательствѣ». А, слѣдовательно, разъ правительство вноситъ такого рода законопроектъ, то не оно, по словамъ оратора, обязано доказать его необходимость, а его противники—его ненужность. Ясно, какой просторъ эта аргументація даетъ всякаго рода чрезвычайнымъ законамъ: на ней построено все законодательство іюльской монархіи противъ ея враговъ и, въ частности, противъ республиканцевъ. Это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ,

по которымъ «доктринеры» расходились особенно рѣзко съ «либералами», одинъ изъ представителей которыхъ, Бенжаменъ Констанъ, отстаивалъ, напр., безусловную недопустимость какихъ-либо ограниченій свободы печати, тогда какъ доктринеры и здѣсь допускали, хотя бы и временныя, ограничительныя мѣры, пока власть находилась въ рукахъ лицъ, которымъ они довѣряли. Если не считать такого теоретика, какъ Констанъ, то не слѣдуетъ преувеличивать принципіальности и «либераловъ»: въ эпоху іюльской монархіи они не хуже прежнихъ докринеровъ пользовались чрезвычайными законами, противъ которыхъ всегда высказывались, пока ихъ преслѣдовала реставрація.

§ 3. «Доктринеръ» и «либералъ».

Самое глубокое разногласіе «доктринеровъ» и близкаго къ нимъ лѣваго центра, съ одной стороны, либераловъ «крайней лѣвой», съ другой — заключалось, какъ мы уже видѣли, въ отношеніи тѣхъ и другихъ къ догмату народнаго верховенства и къ вопросу о допустимости революціонной тактики, тѣсно связанному съ оцѣнкой великой революціи.

Что касается перваго пункта, то нельзя думать, чтобы положительное или отрицательное отношеніе къ народному верховенству имѣло чисто-теоретическій интересъ. Его практическое значеніе было, наоборотъ, весьма велико и отражалось въ пониманіи королевской власти и размѣровъ ея компетенціи. По мнѣнію однихъ, королевская власть представляла истинный центръ государственной жизни, обладала своими полномочіями совершенно независимо отъ народной воли, и одна должна была обладать правомъ законодательной иниціативы. По мнѣнію другихъ, она должна была покоиться на народной волѣ и быть лишь высшей изъ государственныхъ должностей, а потому не могла играть рѣшающей роли въ направленіи государственной жизни и не могла также обладать исключительнымъ правомъ на законодательную иниціативу. Послѣдніе являлись послѣдовательными представителями идеи парламентарной монархіи и могутъ быть названы продолжателями Мирабо; первые, очень близкіе по духу къ Муніэ и Маллэ дю Пану, по существу своихъ ученій и всего своего міросозерцанія стояли ближе къ той неотчетливой и въ сущности противорѣчивой формулировкѣ конституціонной идеи, образцомъ которой впослѣдствіи сдѣлалась и остается понынѣ Пруссія. И они, правда, въ концѣ концовъ, были вынуждены встать на точку зрѣнія парламентарной монархіи, которую Ройэ-Колларъ неоднократно рѣшительно отвергалъ, но къ этому принудила ихъ сама королевская власть, отожествившая себя въ лицѣ Карла X съ феодально-клерикальной и абсолютистической реакціей и заставившая даже Гизо вступить въ соглашеніе съ революціонными организаціями. Но симпатіи доктринеровъ никогда не были на сторонѣ формулированной Тьеромъ доктрины: король царствуетъ, но не управляетъ. «Въ тотъ день,—говорилъ Ройэ-Колларъ въ 1816 г.,—когда правительство будетъ зависѣть отъ большинства палаты; въ тотъ день, когда будетъ фактически установлено, что палата можетъ отвергать министровъ короля и побудить его взять другихъ, которые будутъ ея министрами, а не министрами короля, въ этотъ

день погибнетъ не только хартія, но наша королевская власть, эта независимая королевская власть, которая защищала нашихъ отцовъ, и отъ которой одной Франція получила всю свободу и все счастье, которыми она пользовалась; въ этотъ день мы будемъ жить въ республикѣ... И пусть не говорятъ, что такова природа представительнаго образа правленія, которая требуетъ этого результата! Что это за таинственная природа, которая предписываетъ такія жертвы? Кто ее опредѣлилъ? Кто обладаетъ достаточнымъ авторитетомъ, чтобы навязать этой націи другое опредѣленіе, чѣмъ то, которое содержится въ хартіи? Если отвѣчаютъ, что типъ представительнаго образа правленія имѣется у англичанъ, и что мы должны изучать его природу тамъ, почему тогда не говорятъ вмѣсто представительнаго образа правленія англійскій образъ правленія»? А вѣдь англійскій строй созданъ при совершенно чуждыхъ Франціи условіяхъ, при наличности могущественной аристократіи, опредѣляющей составъ палаты общинъ и предохраняющей Англію отъ опасностей демократіи! Четырнадцать лѣтъ спустя тотъ же Ройэ-Колларъ поднесъ Карлу X въ качествѣ предсѣдателя палаты депутатовъ адресъ палаты, въ которомъ говорилось, что хартія «дѣлаетъ постоянное соотвѣтствіе политическихъ взглядовъ вашего правительства съ взглядами вашего народа необходимымъ условіемъ правильнаго хода государственныхъ дѣлъ». «Государь,—продолжалъ адресъ,—наша лойяльность, наша преданность принуждаютъ насъ сказать вамъ, что это соотвѣтствіе не существуетъ... Королевскія прерогативы Вашего Величества вложили въ ваши руки средства обезпечить конституціонную гармонію между государственными властями, первое и необходимое условіе силы престола и величія Франціи». Этотъ адресъ послужилъ толчкомъ къ ордоннансамъ, а далѣе и къ революціи 1830 г. Но Ройэ-Колларъ не имѣлъ основанія радоваться революціи. «И я среди побѣдителей,—говорилъ онъ съ грустью,—но какъ печальна эта побѣда». Революція разбила легитимную монархію, одинъ изъ главныхъ устоевъ его теоріи, и онъ справедливо предвидѣлъ, что за ея паденіемъ рано или поздно послѣдуетъ паденіе другихъ учрежденій, назначеніе которыхъ, по его убѣжденію, заключалось въ охранѣ свободы противъ демократіи, и безъ которыхъ свобода неминуемо должна была погибнуть и замѣниться народовластіемъ въ двухъ его видахъ, т.-е. анархіей и деспотизмомъ. Вмѣстѣ съ легитимной монархіей пала далѣе и наслѣдственность званія пэровъ Франціи, и члены палаты пэровъ впредь назначались королемъ уже пожизненно, что, разумѣется, въ значительной степени ослабило способность палаты служить противовѣсомъ какъ противъ абсолютизма, такъ и противъ демократіи: весьма естественно, что одна изъ послѣднихъ большихъ рѣчей Ройэ-Коллара была посвящена защитѣ наслѣдственнаго характера верхней палаты. Іюльская революція, правда, не привела къ созданію республики, но она настолько ослабила два главныхъ оплота противъ демократіи, что въ глазахъ болѣе прозорливыхъ наблюдателей разрывъ съ монархіей становился неизбѣжнымъ. Ройэ-Колларъ и люди его образа мыслей не могли не видѣть въ этомъ бѣдствія для Франціи: борьба съ республиканской опасностью стала дѣломъ ихъ жизни, а скоро и основной тенденціей іюльской монархіи, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе жалѣвшей о разрывѣ съ крайней правой и направлявшей всѣ свои силы на борьбу съ новой крайней лѣвой. На ихъ сторону перешли при этомъ очень многіе изъ тѣхъ, кто до 1830 г. кокетничалъ съ идеей республики, но дѣлалъ это только въ пылу

борьбы съ реставраціей и подъ вліяніемъ необходимости обращаться къ революціонной тактикѣ и революціоннымъ организаціямъ, въ которыхъ самыя радикальныя рѣшенія по необходимости всегда пріобрѣтаютъ вліяніе, не соотвѣтствующее ихъ численному значенію.

Поведеніе либеральной оппозиціи послѣ іюльской монархіи, когда она изъ оппозиціи превратилась въ господствующую партію, лучше всякихъ иныхъ соображеній показываетъ, какъ велика была внутренняя близость двухъ основныхъ теченій либеральнаго движенія, т.-е. «либераловъ» и «доктринеровъ», или точнѣе показало, что «либералы» вовсе не были отдѣлены отъ «доктринеровъ» такой пропастью, какъ это часто казалось и тѣмъ и другимъ до 1830 г. То, что тѣснѣйшимъ образомъ сближало эти двѣ группы, несмотря на всѣ теоретическія и практическія разногласія, возникавшія между ними, это было ихъ отношеніе къ демократіи и къ избирательному закону; а эта сторона дѣла имѣла такое огромное значеніе, что передъ нею стушевывались всѣ остальныя различія, чему не мало способствовало и то обстоятельство, что политика Карла X заставила самихъ «доктринеровъ» весьма значительно «полѣвѣть» и сблизиться и теоретически и практически съ «либералами». Эта эволюція доктринеровъ сказалась въ двухъ фактахъ: съ одной стороны, они были вынуждены признать идею парламентарной монархіи, съ которой плохо вязалась вся ихъ доктрина о самостоятельности королевской власти, съ другой стороны, они были вынуждены вступить въ соглашеніе съ революціонерами, дабы организовать сопротивленіе предстоявшему государственному перевороту. Іюльская монархія была ихъ общимъ созданіемъ, и въ новыхъ палатахъ не только доктринеры, но и «крайняя лѣвая» временъ реставраціи были опережены новой крайней лѣвой республиканскаго типа.

Но до 1830 г. внутренняя близость двухъ составныхъ частей либеральной оппозиціи не могла проявиться во всей своей полнотѣ вслѣдствіе ожесточенной борьбы между ними, въ основаніи которой лежали не столько теоретическія разногласія, сколько разногласія въ оцѣнкѣ политическаго положенія и вытекавшія отсюда разногласія тактическія.

Въ своихъ мемуарахъ Гизо далъ характеристику соотвѣтственныхъ взглядовъ той партіи, къ которой принадлежалъ онъ самъ: «эта партія образовалась внезапно, спонтанно, безъ предустановленной цѣли, безъ предварительныхъ и личныхъ связей, исключительно подъ властью вытекавшей изъ момента необходимости, и притомъ не для того, чтобы обезпечить побѣду той или иной политической системы, той или иной совокупности идей, резолюцій и плановъ. Поддерживать реставрацію, ведя борьбу съ реакціей,—этимъ исчерпывалась первоначально вся ихъ политика»; «чтобы проводить эту политику съ нѣкоторымъ авторитетомъ,—говоритъ онъ по тому же поводу въ крайне интересной брошюрѣ о «Трехъ поколѣніяхъ» 1789, 1814 и 1830 гг.,—чтобы сдѣлать свою оппозицію противъ контръ-революціонной реакціи дѣйствительной, нарождавшаяся партія нуждалась въ точкѣ опоры: въ качествѣ таковой она избрала реставрированную королевскую власть съ тѣми правами и тѣмъ вліяніемъ, которыя признала за нею конституціонная хартія». Въ своей борьбѣ за свободу и равенство партія искала, такимъ образомъ, опоры не въ обществѣ, а во власти, на конституціонное воспитаніе которой и были направлены всѣ ея усилія.

«Начиная съ 1814 г., усилія лойяльныхъ и разумныхъ либераловъ были направлены къ тому, чтобы отдѣлить реставрированную королевскую власть отъ власти стараго порядка, а дѣло политической свободы отъ революціонныхъ теорій и страстей». Съ точки зрѣнія ярко-антидемократической (въ политическомъ отношеніи) партіи, это было несомнѣнно вполнѣ понятно. Не менѣе понятна, однако, и неудача партіи въ ея стремленіи удержаться на избранномъ пути, разъ оказывалось, что самая большая опасность грозитъ ея идеаламъ именно отъ королевской власти [1]).

Если доктринеры и лѣвый центръ эпохи реставраціи очень долго возлагали свои надежды на королевскую власть, то крайняя лѣвая возлагала ихъ съ самаго начала исключительно либо на войско, либо на общество и народъ. «Раздѣленіе революціонныхъ и конституціонныхъ либераловъ (т.-е. крайней лѣвой и лѣваго центра) не создало враждебныхъ между ними отношеній,—говоритъ современникъ де Корсель.—Парламентскіе пріемы не казались тѣмъ, которые такъ хорошо ими пользовались, настолько обезпеченными (отъ произвола власти), чтобы они не были готовы занять новое положеніе въ случаѣ гражданскихъ смутъ. Съ другой стороны, партизаны революціи не были достаточно увѣрены въ своихъ силахъ, чтобы пренебречь совершенно тѣми средствами, которыя законный режимъ имъ еще предоставлялъ». Въ этомъ и заключалась причина, почему всѣхъ «либераловъ» считали революціонерами, хотя, разумѣется, далеко не всѣ, а вѣроятно даже и не большинство изъ нихъ имѣло отношеніе къ революціоннымъ организаціямъ, къ многочисленнымъ военнымъ и инымъ заговорамъ и къ мятежамъ. Но всѣ они полагали, что династія Бурбоновъ и свобода совершенно несовмѣстимы другъ съ другомъ, и что хартія только тогда будетъ обезпечена отъ всякаго рода посягательствъ, когда Бурбоны будутъ вторично изгнаны, и власть перейдетъ къ другой династіи. Въ подкрѣпленіе этого убѣжденія со второй половины двадцатыхъ годовъ начали ссылаться на англійскую исторію: какъ для обезпеченія англійской конституціи потребовалось вторично прогнать Стюартовъ въ 1688 г. и призвать Вильгельма III и Марію на престолъ, такъ то же самое предстоитъ и во Франціи, и какъ тамъ «революція» 1688 г. ограничилась исключительно обезпеченіемъ конституціи отъ абсолютистическихъ навыковъ неисправимой старой династіи, такъ и во Франціи революція должна имѣть такое же значеніе.

Такъ полагали, по крайней мѣрѣ, либералы. Но въ революціонныхъ организаціяхъ участвовали не только они, а точно также и республиканцы и бонапартисты, и именно они и давали этимъ организаціямъ ихъ окраску. Объ этой окраскѣ можно судить по политической платформѣ французскихъ карбонаріевъ, и другихъ тайныхъ обществъ, о которой разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ Лафайэттъ, игравшій огромную роль въ этомъ движеніи. «Единогласно было установлено и каждымъ дана

---

[1]) Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться подробнѣе на другихъ выдающихся представителяхъ «доктрины», особенно на Гизо, а также на тѣсно связанномъ съ нею въ извѣстныхъ отношеніяхъ Токвилѣ, который отличается отъ первыхъ доктринеровъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что признаетъ дальнѣйшую борьбу съ политическими стремленіями демократіи практически невозможной, но такъ же, какъ и они, ставитъ основной своей задачей обезпеченіе свободы отъ опасностей, вытекающихъ изъ демократіи.

присяга честью не употреблять нашихъ усилій ни на что иное, какъ на то, чтобы обезпечить народу возможность избрать себѣ правительство по его выбору, не вступать въ соглашеніе ни съ какой партіей, ни съ какой династіей, возстановить немедленно и въ зависимости отъ успѣховъ движенія на мѣстахъ муниципалитеты, выборныя администраціи, національную гвардію, избирающую своихъ офицеровъ, и первичныя народныя собранія, созвать депутатовъ согласно закону 1791 г. и считать каждую власть временной, пока истинное представительство, исходящее изъ народной среды, не выяснитъ національной воли». Несмотря на радикальный характеръ этой программы, которая не была осуществлена въ 1830 г. въ значительной степени вслѣдствіе нерѣшительнаго поведенія ея иниціатора, Лафайэтта, и въ ней, однако, не содержится признанія принципа всеобщаго и прямого избирательнаго права: конституція 1791 г. устанавливала двухстепенные выборы и требовала для пріобрѣтенія активнаго избирательнаго права помимо достиженія 25-лѣтняго возраста и годичной осѣдлости уплаты прямого налога въ размѣрѣ трехдневной заработной платы; право быть выборщикомъ было обусловлено уплатой прямого налога въ размѣрѣ десятидневной заработной платы, а право быть избраннымъ въ Законодательное Собраніе—уплатой прямого налога въ размѣрѣ марки серебромъ (ок. 55 фр.). Фактъ, что тайныя общества остановились на избирательной системѣ 1791 г., а не на всеобщемъ избирательномъ правѣ, впервые примѣненномъ лишь въ 1792 г. при избраніи національнаго конвента,—фактъ, объясняющійся, повидимому, отчасти вліяніемъ Лафайэтта, отчасти простой неосвѣдомленностью членовъ этихъ обществъ относительно точнаго содержанія соотвѣтственнаго закона, тѣмъ не менѣе, остается очень характернымъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что идея всеобщаго избирательнаго права въ эпоху реставраціи еще не была признана неразрывно связанной съ идеей демократіи.

Какъ бы тамъ ни было, характеръ политической платформы тайныхъ обществъ самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о разнородности входившихъ въ ихъ составъ элементовъ. На ряду съ болѣе или менѣе радикально-либеральными элементами и съ сравнительно немногочисленными республиканцами, среди которыхъ можно было различать стариковъ временъ великой революціи и совсѣмъ молодыхъ студентовъ и рабочихъ, чрезвычайно большую роль играли здѣсь бонапартисты, и весьма естественно, что либеральная партія, дѣйствовавшая въ парламентѣ, смотрѣла съ нѣкоторымъ страхомъ и недовѣріемъ на своихъ внѣпарламентскихъ союзниковъ. Дальнѣйшее развитіе Франціи въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того, какая изъ этихъ группъ оппозиціи возьметъ въ моментъ предстоящей революціи верхъ и какъ побѣдительница отнесется къ своимъ вчерашнимъ союзникамъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ исторія такъ наз. іюльской или буржуазной монархіи.

ГЛАВА VII.

Политика либерализма въ эпоху іюльской монархіи и ростъ республиканской партіи.

Іюльская монархія представляетъ результатъ союза всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ временъ реставраціи, такъ или иначе отстаивавшихъ конституціонную идею противъ окрашеннаго въ феодально-клерикальный цвѣтъ «безумнаго», по выраженію самого Меттерниха, абсолютизма Карла X. Внѣшнимъ выраженіемъ этого союза, на крайнемъ лѣвомъ крылѣ котораго стоялъ Лафайэттъ, на крайнемъ правомъ—Шатобріанъ, былъ уже упомянутый адресъ палаты депутатовъ, принятый большинствомъ 221 голоса противъ 181 и поднесенный Карлу X 18 марта 1830 г. Ройэ-Колларомъ въ качествѣ предсѣдателя палаты.

Распущеніе палаты, принявшей адресъ, послѣдовавшее 19 марта, и назначеніе новыхъ выборовъ, соединенное съ возстановленіемъ цензуры, еще больше укрѣпило этотъ союзъ. Съ одной стороны, союзники принялись самымъ энергичнымъ образомъ за избирательную кампанію, выставивъ лозунгомъ переизбраніе всѣхъ 221; съ другой стороны, повсемѣстно начались разговоры объ отказѣ въ уплатѣ податей, буде послѣднія будутъ установлены королевскимъ декретомъ безъ согласія палатъ, а засимъ стали возникать и общества, поставившія себѣ спеціальную цѣль организовать этотъ отказъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Конституціонная закономѣрность этой формы борьбы съ произволомъ ни для кого не подлежала сомнѣнію и по позднѣйшему замѣчанію республиканской газеты National либералы всѣ добивались «мало опасной чести конституціоннаго сопротивленія». О распространенности этого настроенія можно судить по тому, что по свидѣтельству Баранта даже многіе члены палаты пэровъ открыто собирались у маршала Soult, дабы и съ своей стороны примкнуть къ движенію. Тайныя общества подготовляли въ то же самое время вооруженное сопротивленіе.

Несмотря на непосредственное вмѣшательство короля въ выборы—онъ издалъ прокламацію, призывавшую избирателей «исполнить ихъ долгъ» и «объединиться вокругъ единаго (королевскаго) знамени»,—выборы обезпечили оппозиціи блестящую побѣду. На 145 сторонниковъ министерства Полиньяка палата содержала 270 членовъ оппозиціи: почти всѣ 221 были переизбраны. Какъ только результатъ выборовъ выяснился, только-что избранная и еще не успѣвшая собраться палата была снова распущена, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изданы ордоннансы объ измѣненіи избирательнаго права, которымъ впредь должны были пользоваться только одни крупные землевладѣльцы, и объ отмѣнѣ свободы печати.

Явное и до-нельзя грубое нарушеніе хартіи окончательно сплотило всю оппозицію и объединило ее въ одномъ лозунгѣ. «Да здравствуетъ хартія»! «Да здравствуютъ 221»! «Долой министерство»!—таковъ былъ этотъ лозунгъ, по существу дѣла чрезвычайно умѣренный. Именно во имя его удалось поднять парижское населеніе, именно благодаря ему провинція приняла безпрекословно совершившуюся въ Парижѣ революцію, и этотъ фактъ нельзя не признать чрезвычайно характер-

нымъ и важнымъ. Въ значительной степени имъ уже предрѣшался самый исходъ революціи.

29 іюля власть Карла X надъ Парижемъ пала окончательно, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обрисовалось два теченія среди побѣдителей, монархическое, центромъ котораго была палата депутатовъ, и республиканское, группировавшееся вокругъ Лафайэтта, принявшаго званіе главнокомандующаго національной гвардіей всей Франціи. Такъ какъ къ послѣднему теченію принадлежало подавляющее большинство вожаковъ народа во время «трехъ славныхъ дней» революціи, и такъ какъ самое участіе ихъ въ борьбѣ на баррикадахъ обезпечивало имъ большое моральное вліяніе на ихъ армію, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ, такъ какъ они, наконецъ, были организованы еще со временъ образованія тайныхъ обществъ, то ихъ вліяніе было весьма значительно, несмотря на ихъ незначительную численность. Съ другой стороны, и моральное вліяніе 221 было весьма велико даже въ Парижѣ и тѣмъ болѣе въ провинціи, а количество сознательныхъ республиканцевъ было весьма не велико даже въ Парижѣ. Быстрота дѣйствій сторонниковъ Людовика Филиппа, герцога Орлеанскаго, среди которыхъ наибольшую роль сыгралъ Тьеръ, и неувѣренность самыхъ рьяныхъ республиканцевъ въ ихъ собственныхъ силахъ дали монархіи перевѣсъ надъ республикой. Примѣру Лафайэтта, согласившагося признать «королевскую власть, окруженную республиканскими учрежденіями», т.-е. нѣчто въ родѣ «королевской демократіи» 1789 г., послѣдовали болѣе или менѣе неохотно и остальные республиканцы, но это не значило, чтобы они были готовы отказаться разъ навсегда отъ осуществленія своего политическаго идеала. Когда одинъ изъ сторонниковъ монархіи Дювержіэ-де-Гораннъ поздравилъ молодого вождя республиканцевъ, Годфруа Кавеньяка, съ тѣмъ самоотреченіемъ, которое его партія сумѣла проявить, Кавеньякъ далъ ему характерный отвѣтъ: «Напрасно вы насъ благодарите; мы уступили только потому, что не имѣли за собой силы. Слишкомъ трудно было внушить народу, который сражался съ крикомъ: да здравствуетъ хартія!, что первое его дѣйствіе послѣ побѣды должно было заключаться въ томъ, чтобы вооружиться противъ хартіи. Впослѣдствіи это будетъ иначе».

Во всякомъ случаѣ, уже 31 іюля Людовикъ-Филиппъ былъ провозглашенъ собравшимися въ Парижѣ депутатами (ихъ было всего 40 изъ общаго числа 430) «намѣстникомъ королевства». 3 августа намѣстникъ открылъ сессію палатъ, а 6 августа онъ уже былъ избранъ королемъ, послѣ того какъ хартія была подвергнута необычайно спѣшному пересмотру [1]). Прокламація, которой Людовикъ-Филиппъ 31 іюля оповѣстилъ населеніе о своемъ рѣшеніи принять званіе намѣстника, уже опредѣлила характеръ совершившейся революціи: «палаты соберутся—было сказано здѣсь—и обсудятъ средства, чтобы обезпечить царство законовъ и сохраненіе правъ націй. Хартія впредь будетъ истиной». Согласно съ этимъ герцогъ-намѣстникъ обратился 3 августа къ собравшимся палатамъ съ рѣчью, въ которой онъ

---

[1]) Въ засѣданіяхъ палаты депутатовъ присутствовало къ этому времени 252 изъ 430 депутатовъ: 219 голосовали за, 33 противъ измѣненія хартіи (и избранія герцога Орлеанскаго). Въ палатѣ пэровъ въ постановленіи рѣшенія приняли участіе всего 114 изъ 364 пэровъ.

заявлялъ, что «палатамъ надлежитъ руководить мною; всѣ права должны быть солидно гарантированы. Привязанный сердцемъ и убѣжденіемъ къ принципамъ свободнаго строя, я заранѣе принимаю всѣ (вытекающія изъ нихъ) послѣдствія».

Рѣшающій голосъ, такимъ образомъ, долженъ былъ принадлежать палатѣ депутатовъ, избранной на основаніи реакціоннаго закона 1820 г. и на основаніи громаднаго ценза, установленнаго хартіей. Главное пораженіе республиканской партіи заключалось именно въ этомъ, такъ какъ нетрудно было предвидѣть, что пересмотръ хартіи при такихъ условіяхъ не приведетъ ни въ какомъ случаѣ къ радикальной демократизаціи государственнаго строя и въ частности избирательнаго закона. Это должно было быть ясно для всякаго, кто отдавалъ себѣ отчетъ во взглядахъ не только доктринеровъ, но и подавляющаго большинства, если не всѣхъ, «либераловъ». Единственное, чего можно было ожидать, это — усиленія положенія палаты депутатовъ въ ущербъ королевской власти и палаты пэровъ.

Къ этому дѣйствительно и сводится вся сущность совершеннаго въ засѣданіи 6 августа пересмотра хартіи. Самое существенное послѣдствіе его было коренное измѣненіе въ положеніи королевской власти: хартія изъ октроированной превращалась въ договоръ между націей и королемъ, королевская власть изъ легитимной, отъ воли народа не зависящей,—въ выборную. Особенно рѣзко это выразилось въ церемоніи принятія короны Людовикомъ-Филиппомъ, состоявшейся 9 августа въ соединенномъ засѣданіи двухъ палатъ въ зданіи палаты депутатовъ. «Это было прекрасное зрѣлище,—писалъ впослѣдствіи одинъ изъ друзей Лафайэтта,—это возведеніе на престолъ короля, созданнаго руками народа, вступившаго въ святилище законовъ при звукѣ популярныхъ пѣсенъ 1792 г. (года основанія первой республики), соединенныхъ съ патріотическими инспираціями 1830 г., короля, ожидавшаго на скромномъ табуретѣ, чтобы уполномоченные націи ему позволили сѣсть на престолъ. Кто можетъ это когда-либо забыть? Народъ присутствовалъ еще въ полномъ блескѣ могущества, и никогда взаимоотношенія творца къ творенію не были такъ строго соблюдены. Со скамеекъ и съ трибунъ раздавались крики: да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій!, а не: «да здравствуетъ король!»; президентъ палаты (это былъ Казиміръ Перье) прочиталъ герцогу Орлеанскому новую хартію; принцъ заявилъ, что онъ ее принимаетъ; неподкупный Дюпонъ де л'Эръ подалъ ему хартію для подписи и принялъ его присягу. Вотъ король говоритъ стоя передъ сидящимъ народомъ и, наконецъ, получаетъ право сѣсть на престолъ, гдѣ его впервые привѣтствуютъ титуломъ монарха». Самый титулъ короля былъ измѣненъ: тогда какъ его предшественники со временъ Генриха IV называли себя «Божьей милостью королями Франціи и Наварры», Людовикъ-Филиппъ назывался «Божьей милостью и по волѣ народной королемъ французовъ».

Уже въ этомъ титулѣ, однако, сказывается то стремленіе не порывать цѣликомъ связи съ идеей легитимизма, которое продиктовало, указанные во введеніи къ обновленной хартіи, мотивы перехода престола отъ Карла X къ герцогу Орлеанскому. Здѣсь говорилось о томъ, что палаты «приняли во вниманіе повелительную необходимость, вытекавшую изъ событій 26, 27, 28 и 29 іюля», подчеркивалось, что «вакансія престола» проистекаетъ изъ того, что «король» Карлъ X и члены старшей линіи «королевскаго рода» покинули или, точнѣе, собираются покинуть фран-

цузскую территорію, и указывалось на то, что «необходимо позаботиться о замѣщеніи вакансіи», въ силу чего новая хартія «объявляла, что всеобщій и настоятельный интересъ французскаго народа призываетъ на престолъ его королевское высочество Людовика-Филиппа Орлеанскаго». Всякій намекъ на избраніе новаго короля былъ, такимъ образомъ, тщательно устраненъ, причемъ несомнѣнно стремились слѣдовать примѣру англійскаго парламента 1689 г., точно также уклонившагося отъ формальнаго низложенія Якова II и мотивировавшаго переходъ власти къ Вильгельму III фактомъ удаленія Якова II изъ Англіи, равносильнымъ отреченію отъ престола. И какъ въ Англіи парламентъ обратился къ ближайшему члену королевскаго дома, старшей дочери Якова, Маріи, и ея супругу, такъ и во Франціи палаты обратились къ ближайшему агнату Карла X, герцогу Орлеанскому.

Искусственность этой системы была совершенно ясна: въ то время какъ одинъ изъ доктринеровъ, герцогъ де Брольи, тщательно вводилъ указанныя выраженія въ хартію и создавалъ, такимъ образомъ, то, что было названо характернымъ терминомъ: «принципъ квазилегитимности», другой доктринеръ Гизо въ прокламаціи, составленной имъ 31 іюля отъ имени депутатовъ, уже успѣлъ увѣрить народъ, что Людовикъ-Филиппъ «будетъ уважать наши права, такъ какъ получитъ свои собственныя права отъ насъ», а Тьеръ еще раньше говорилъ, что король будетъ обязанъ своей короной французскому народу.

Тѣмъ не менѣе, теорія «квазилегитимности» остается очень характерной и служитъ выраженіемъ настроенія той части побѣдителей Карла X, которой въ силу избирательнаго закона было суждено играть наибольшую роль въ теченіе 18-лѣтняго существованія буржуазной монархіи. Ослабивъ королевскую власть, лишивъ ее въ частности возможности прибѣгать къ опасной статьѣ 14 хартіи, на которую ссылался Карлъ X, издавая свои ордоннансы, и которая теперь была пересмотрѣна, господствовавшіе въ палатахъ общественные элементы въ то же время желали предупредить дальнѣйшее развитіе революціоннаго движенія и отнять у него возможность ссылаться на хартію. Карлъ X не былъ формально низложенъ, Людовикъ-Филиппъ не былъ формально избранъ: какъ старшаго принца крови его лишь пригласили занять освободившійся благодаря удаленію Карла X, герцога Ангулемскаго и маленькаго герцога Бордосскаго (впослѣдствіи графъ Шамборъ!) престолъ, обставивъ это приглашеніе съ его же согласія нѣкоторыми условіями съ цѣлью лучше гарантировать соблюденіе хартіи.

При такихъ условіяхъ нечего было созывать учредительное собраніе и обращаться къ демократическому пріему выясненія народной воли, а можно было довольствоваться полномочіями избранной еще до революціи палаты, вполнѣ способной по теоріи доктринеровъ быть представительницей тѣхъ интересовъ народа, которые нуждались въ лишнихъ гарантіяхъ. Другое дѣло, если бы зашла рѣчь о формальномъ избраніи новаго короля. Тутъ возникъ бы вопросъ о выясненіи народной воли, а для достиженія этой цѣли даже Ройэ-Колларъ вѣдь признавалъ необходимымъ обращаться не къ извѣстной только категоріи гражданъ, а ко всѣмъ безъ исключенія, т.-е. къ избранію палаты на началахъ всеобщаго избирательнаго права.

Двойственность создавшагося такимъ образомъ положенія представляла одинъ

изъ важнѣйшихъ элементовъ моральной слабости власти новаго короля. Современники революціи не могли не сознавать этой опасности; объ этомъ свидѣтельствуетъ мысль объ устройствѣ плебисцита,—мысль, заимствованная изъ политическаго арсенала революціи и особенно Наполеона, но отвергнутая, по свидѣтельству герцога де Брольи, какъ «скверный фарсъ, смѣхотворный маскарадъ, презрѣнное жонглерство».—Сама по себѣ эта характеристика идеи плебисцита, безспорно, должна быть признана совершенно справедливой. Но разъ новый строй не опирался ни на волю учредительнаго собранія, ни даже на плебисцитъ, изъ котораго Наполеонъ III впослѣдствіи сумѣлъ извлечь столько выгоды для себя, а въ то же самое время не опирался и на безспорное право наслѣдства, то спрашивалось, на что же онъ опирается? Ройэ-Коллеръ поставилъ себѣ этотъ вопросъ сразу и отвѣтилъ на него весьма проницательно еще 21 января 1832 г. въ письмѣ къ де Баранту: «наши внутреннія дѣла—писалъ онъ—еще болѣе печальны (чѣмъ внѣшнія); вы это видите и чувствуете такъ же хорошо, какъ я. А между тѣмъ это положеніе будетъ длиться безъ другого принципа существованія, кромѣ необходимости (necessité). Эта необходимость защищаетъ короля, министровъ, такъ называемое представительное правленіе, порядокъ на улицахъ, наконецъ, миръ. Нравственное основаніе? Его нѣтъ и тѣни ни въ приказаніи, ни въ повиновеніи. Добро, зло, истина, ложь не занимаютъ умовъ; чувство почтительнаго уваженія (respect) исчезло, но необходимость простираетъ свой скипетръ на все». Необходимость чего? Необходимость власти, опирающейся на «способные» къ политической жизни элементы и охраняющей ихъ противъ демоса, анархіи и деспотизма. Этой «необходимости» и повиновались депутаты, когда они всѣми силами спѣшили выйти изъ неопредѣленнаго и опаснаго положенія, создавшагося въ связи съ іюльской революціей не только для королевской власти, но для господствующаго положенія «способныхъ». Но Ройэ-Коллеръ былъ правъ, когда говорилъ, что при этомъ позабыли о «нравственномъ основаніи», и это подготовило почву для послѣдующихъ ожесточенныхъ нападеній легитимистовъ, бонапартистовъ и республиканцевъ на іюльскую «узурпацію», на «нравственно-безпринципную» монархію короля, «эскамотировавшаго» революцію 1830 г. и превратившаго Францію въ торговый домъ, въ которомъ онъ и буржуазія оспаривали другъ у друга дивиденды предпріятія, забывая о народѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было не видѣть, что съ іюльской революціей идейныя условія существованія всего государственнаго строя измѣнились самымъ радикальнымъ образомъ, въ то время какъ структура государственной власти осталась за нѣкоторыми сравнительно маловажными измѣненіями той же самой. До революціи надъ Франціей стояла, безусловно наслѣдственная въ заранѣе извѣстномъ порядкѣ, королевская власть «древнѣйшей въ Европѣ династіи», никогда не признававшей революціонной идеи и всегда отстаивавшей свое право руководить національной жизнью, право, которому она издавна приписывала божественное происхожденіе. Хартія, которой послѣдніе представители этой династіи обязались руководствоваться при исполненіи своихъ королевскихъ обязанностей, была (въ теоріи) свободно октроирована первымъ изъ нихъ въ такое время, когда во Франціи уже много лѣтъ господствовалъ самый неограниченный деспотизмъ. Она представляла «даръ» короля своему народу, такой же результатъ мудрой политики династіи, какимъ было раньше объеди-

неніе Франціи, подавленіе своеволія феодаловъ, поддержка третьяго сословія властью и т. д. Издавая ее, король указывалъ, какой порядокъ управленія онъ признавалъ впредь цѣлесообразнымъ въ интересахъ страны и тожественныхъ съ нею интересахъ династіи. Въ установленіи двухъ палатъ и въ частности палаты депутатовъ отнюдь не содержалось признаніе идеи народнаго суверенитета, а лишь признаніе практической цѣлесообразности соучастія двухъ новыхъ учрежденій въ отправленіи государственной власти, учрежденій, которымъ королевская власть также опредѣлила кругъ и предѣлы ихъ компетенціи, какъ и другимъ (бюрократическимъ) учрежденіямъ, продолжавшимъ существовать рядомъ съ ними. Правда, компетенція новыхъ учрежденій была очень велика, по крайней мѣрѣ, въ отрицательномъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ ихъ права не допускать установленія неугодныхъ имъ налоговъ, законовъ и т. д.; правда, изъ этой отрицательной компетенціи легко могло и должно было выработаться право опредѣлять положительно дѣятельность государственной власти, но, во-первыхъ, при изданіи хартіи послѣдній выводъ отнюдь не входилъ въ разсчеты королевской власти, а, во-вторыхъ, даже поскольку онъ оказался на лицо, онъ все же покоился не на верховенствѣ народа, а на той же хартіи. Но разъ верховенство народа было отвергнуто, то ясно, что при созданіи хартіи король могъ обратиться по своему усмотрѣнію къ тѣмъ элементамъ, участіе коихъ въ государственной жизни онъ признавалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, отнюдь не стѣсняя себя несуществующими съ этой точки зрѣнія «правами» націи, т.-е. всей націи, на участіе во власти или на «власть». Участіе въ выборахъ или въ дѣятельности палатъ имѣло здѣсь дѣйствительно характеръ не столько права, сколько повинности, напоминающей право-повинность участвовать въ судоговореніи въ званіи присяжнаго засѣдателя. Тотъ фактъ, что это не есть повинность, устанавливаемая въ интересахъ королевской власти какъ таковой, а повинность, устанавливаемая въ интересахъ государственной власти, отнюдь не нарушаетъ цѣльности всей концепціи, такъ какъ интересы государственной и королевской власти мыслятся при этомъ какъ безусловно тожественныя.

Съ момента іюльской революціи все это измѣнилось. Народъ, правда, возсталъ именно во имя соблюденія хартіи, а не во имя расширенія народныхъ правъ, и это въ значительной степени облегчало положеніе іюльской монархіи. Тѣмъ не менѣе, самый фактъ, что возсталъ и побѣдилъ именно народъ, а не тѣ сто тысячъ, которые составляли «страну въ законномъ смыслѣ», имѣлъ громадное психологическое и принципіальное значеніе. Центръ тяжести государственной жизни столь явственно перемѣстился съ королевской власти въ народную массу, что всѣ основы хартіи рухнули. Несмотря ни на какую «квазилегитимность», королевская власть Людовика-Филиппа и въ сознаніи общества и въ сознаніи самого короля перестала быть независимой отъ народа носительницей суверенитета и превратилась въ власть, покоющуюся на идеѣ народнаго суверенитета, т.-е. на народную волю. Эта народная воля высказалась въ двухъ направленіяхъ: шумная побѣда парижанъ на баррикадахъ и молчаливое одобреніе ея всей страной осудили власть Карла X и старшей линіи Бурбоновъ; провозглашеніе Людовика-Филиппа палатами, шумное согласіе парижанъ послѣ знаменитой «сцены объятій», когда Лаффайэтъ примкнулъ къ нему, и молчаливое, а отчасти и выразившееся въ адресахъ, рѣчахъ и т. д. одобреніе всей

страны создало права новой династіи. Никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что не палата депутатовъ и стоящіе за ней сто тысячъ избирателей низвергли Карла X и возвели на престолъ Людовика-Филиппа, а именно народъ, безъ содѣйствія и согласія котораго весь переворотъ былъ бы немыслимъ. Ошибка Карла X и его министровъ какъ-разъ и заключалась въ томъ, что они не приняли во вниманіе возможнаго выступленія народа, а ожидали встрѣтить сопротивленіе только въ ничтожной кучкѣ избирателей, сопротивленіе, котораго они не безъ основанія вовсе не боялись. Они не отдали себѣ отчета въ томъ, что даже устраненный отъ прямого участія въ политической жизни народъ можетъ возстать въ защиту хартіи, въ которой онъ справедливо усматривалъ извѣстную гарантію противъ ненавистнаго ига «феодаловъ» и «поповъ».

Но если народъ сталъ источникомъ всѣхъ органовъ государственной власти, не исключая и власти королевской, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряла смыслъ и существующая избирательная система, или, вѣрнѣе, она переставала быть логическимъ результатомъ общаго строя государства, теряла принципіальный характеръ и сохраняла лишь значеніе чисто-дѣлового пріема управленія, направленнаго къ достиженію извѣстнаго практическаго эффекта, пріема, вдобавокъ не соотвѣтствующаго общему типу государственной организаціи. Цѣль ея, какъ мы видѣли, заключалась въ огражденіи разумнаго направленія государственнаго развитія отъ анархически-деспотическихъ наклонностей народной массы, при господствѣ которой невозможны ни порядокъ, ни свобода. Можно такъ или иначе относиться къ этой точкѣ зрѣнія; несомнѣнно лишь одно, а именно то, что она совершенно несовмѣстима съ признаніемъ суверенитета той самой народной массы, къ которой она относится столь подозрительно. Опытъ показалъ намъ вдобавокъ, что она построена на совершенно неправильной оцѣнкѣ психическаго склада народной массы, а именно на совершенно ложномъ убѣжденіи, которое раздѣлялъ еще Бакунинъ, будто народная масса всегда находится въ состояніи революціоннаго броженія и органически враждебна сохраненію даннаго строя жизни. Какъ мы еще увидимъ, этотъ взглядъ, пользовавшійся безусловнымъ признаніемъ не только со стороны либераловъ, но и со стороны республиканцевъ и соціалистовъ, былъ отвергнутъ раньше всего болѣе близкими особенно къ крестьянской массѣ легитимистами и клерикалами, часть которыхъ поэтому соединилась съ республиканцами въ требованіи всеобщаго избирательнаго права.

Основаніе этого крайне любопытнаго недоразумѣнія, помѣшавшаго іюльской монархіи больше, чѣмъ что-либо иное, пустить болѣе глубокіе корни, заключается очевидно въ опытѣ великой революціи. Народное настроеніе этой эпохи коренной ломки стараго *соціальнаго* и политическаго строя, когда дѣйствительно весь народъ былъ исполненъ страстной враждой къ существующему строю, было признано типичнымъ и для совершенно иныхъ эпохъ народной жизни, когда при отсутствіи острой и сознательной вражды къ даннымъ порядкамъ въ народѣ проявляется, наоборотъ, чрезвычайный консерватизмъ, вытекающій изъ отсутствія у него яснаго представленія о томъ, какимъ путемъ могло бы быть устранено то зло, отъ котораго онъ такъ или иначе продолжаетъ страдать. Ни въ чемъ не проявляется такъ ясно оторванность городского слоя французскаго общества отъ дѣйствительной жизни народа, его

глубокое непониманіе народной психики, какъ въ упорномъ нежеланіи Гизо и его сторонниковъ опереться на народную массу, въ безусловной увѣренности республиканцевъ въ революціонныхъ стремленіяхъ народа, якобы обезпечивавшихъ имъ осуществленіе республики. Помимо великой революціи убѣжденія тѣхъ и другихъ опирались въ этой области именно на данныя о настроеніи населенія въ крупныхъ городахъ, особенно въ городахъ съ сильно развитой промышленной жизнью. О крестьянствѣ, все еще составлявшемъ почти три четверти французскаго народа, ни тѣ, ни другія понятія не имѣли, или, точнѣе, то представленіе, которое они о немъ имѣли, сводилось отчасти къ воспоминаніямъ о «жакеріяхъ» временъ великой революціи, отчасти къ воспоминаніямъ о погромахъ временъ «бѣлаго террора» (1815—1816 г.) на югѣ Франціи, направленныхъ противъ протестантовъ и революціонеровъ. Одни опасались, другіе надѣялись на проявленіе настроенія, породившаго нѣкогда «красный» или «бѣлый» терроръ. Никто не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что при отсутствіи крайне острыхъ причинъ для неудовольствія,—а таковыхъ, какъ мы еще увидимъ, въ данное время не было—крестьянская масса консервативна quand même, просто консервативна, а не консервативна во имя извѣстнаго принципа, т.-е. готова поддержать данный строй только какъ данный, т.-е. просто по тому, что онъ существуетъ и не содержитъ въ себѣ ничего неопредѣленнаго и неизвѣданнаго.

Какъ бы велика, такимъ образомъ, ни была громадная ошибка, допущенная іюльской монархіей въ этомъ отношеніи, фактъ тотъ, что избирательная система осталась почти такой же, какъ при реставраціи. Уже во время спѣшнаго пересмотра хартіи пересмотръ ея былъ, правда, обѣщанъ, притомъ обѣщанъ безъ опредѣленныхъ указаній, какъ далеко онъ долженъ былъ пойти; но законъ о выборахъ былъ принятъ палатами только 15 апрѣля 1831 г. и ограничивался тѣмъ, что понизилъ активный избирательный цензъ отъ 300 до 200, а пассивный избирательный цензъ отъ 1000 до 500 франковъ прямыхъ налоговъ, причемъ первоначальная идея объ освобожденіи такъ наз. capacités, т.-е. лицъ съ высшимъ образованіемъ, отъ всякаго ценза была отвергнута. Преимущества, предоставленныя закономъ 1820 г. лицамъ, обладавшимъ пассивнымъ избирательнымъ правомъ, были, разумѣется, упразднены: депутаты избирались прямымъ голосованіемъ всѣми, кто обладалъ активнымъ избирательнымъ правомъ. Возрастный цензъ депутатовъ былъ также пониженъ (до 30 лѣтъ).

Послѣдствія этого факта были въ высшей степени важны и имѣли роковое значеніе для монархіи Людовика-Филиппа. Прежде всего онъ лишилъ королевскую власть возможной опоры въ народной массѣ, сузилъ фундаментъ іюльской монархіи и далъ республиканцамъ, легитимистамъ и бонапартистамъ возможность ссылаться въ борьбѣ съ нею на народную волю. Далѣе онъ оттолкнулъ отъ новаго строя всю или почти всю интеллигенцію, удаленную имъ отъ политической жизни и устраненную, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ отвѣтственности за государственное развитіе, и, наконецъ, онъ извратилъ самый характеръ государственной власти, сдѣлавъ ее фактически достояніемъ извѣстнаго общественнаго класса, который и наложилъ по необходимости свою «буржуазную» печать на іюльскую монархію.

О первомъ послѣдствіи выше уже было сказано; ко второму мы еще вернемся; здѣсь необходимо остановиться на третьемъ.

Цѣль избирательной системы, установленной въ главныхъ чертахъ хартіей 1814 г., развитой законами 1816 и 1820 гг. и слегка видоизмѣненной хартіей 1830 г. и закономъ 1831 г., по замыслу ея создателей отнюдь не заключалась въ господствѣ крупной буржуазіи: ея защитники видѣли въ ней не средство для обезпеченія господства какого-либо класса, а средство обезпеченія власти отъ анархическихъ вожделѣній массы, народа—отъ всякаго посягательства на его интересы. Мысль о разнородности состава народной массы и вытекающей отсюда разнородности интересовъ разныхъ ея частей отвергалась. Подъ народомъ подразумѣвалась совокупность не-аристократическихъ элементовъ страны, и такъ наз. «средній классъ» считался законнымъ выразителемъ интересовъ всей націи. На этой идеѣ и была основана защита существующей избирательной системы какъ противъ крайнихъ роялистовъ, стремившихся устранить всѣ не-аристократическіе элементы отъ политической жизни, такъ и противъ немногочисленныхъ представителей крайней лѣвой, начавшихъ свою дѣятельность въ самыя послѣднія времена реставраціи [1]).

Основа этой теоріи была совершенно неправильна; но до іюльской революціи фактическое положеніе вещей дѣйствительно объединяло всѣ неаристократическіе элементы общества въ одномъ общемъ чувствѣ вражды къ феодально-клерикальной реакціи. Реакція грозила одинаково всему народу, и чувство солидарности его интересовъ, несомнѣнно, преобладало надъ чувствомъ ихъ разнородности. Пока «галлы» все еще сражались съ «франками», согласіе между ними не нарушалось тѣмъ болѣе, что въ борьбѣ съ властью «средній классъ» естественно подчеркивалъ свою роль вождя націи и призваннаго защитника ея интересовъ. Его роль оставалась по преимуществу отрицательной, критической; онъ не только не былъ вынужденъ, онъ не могъ показать, какъ онъ понимаетъ свою задачу въ качествѣ защитника этихъ интересовъ, въ чемъ, по его мнѣнію, заключаются эти интересы.

Съ іюльской революціей положеніе измѣнилось и въ этомъ отношеніи. Обѣ палаты являлись теперь представительницами одного и того же общественнаго класса, и королевская власть въ лицѣ Людовика-Филиппа была вполнѣ солидарна съ ними. «Въ самомъ дѣлѣ»,—говоритъ лучшій историкъ эпохи Гиллебрандтъ,—«за послѣднія сорокъ лѣтъ (1789—1830) на почвѣ новыхъ условій жизни взамѣнъ неестественно замкнутой и привилегированной кастовой аристократіи до революціонной Франціи создался новый, естественный и разумный, открытый для всѣхъ и юридически непривилегированный классъ оптиматовъ въ римскомъ смыслѣ. Онъ состоялъ изъ многочисленныхъ семействъ крупной исторической и еще болѣе парламентской знати, которыя примкнули, какъ Талейраны и Брольи, Нарбонны и Ноальи, Молэ и Пакіэ, уже въ началѣ столѣтія къ новому порядку вещей; изъ вновь созданнаго и обезпеченнаго богатыми пожалованіями служилаго дворянства Наполеона, маршалы и префекты котораго, послѣ паденія ихъ создателя, примкнули къ старой національной династіи, и новые герцогскіе и графскіе титулы коихъ были ею утверждены; изъ буржуазнаго крупнаго землевладѣнія, крупной торговли

[1]) Въ палатѣ таковыхъ не было вовсе вплоть до 1830 г. Въ печати демократическія идеи нашли себѣ впервые выраженіе въ основанной въ 1829 г. газетѣ «Tribune des départements».

и крупной промышленности, вліятельные представители коихъ, Перье, Лафитты, Грефюэли и т. д., большей частью породнились путемъ браковъ съ «либеральной» знатью старой и новой чеканки; и, наконецъ, изъ величинъ, добившихся всеобщаго признанія въ области искусства, науки и литературы, главными выразителями коихъ считались Гизо и Тьеръ, Кузенъ и Вильменъ».

Несмотря на разнородность происхожденія разныхъ элементовъ этой новой олигархіи [1]), однородныя бытовыя и хозяйственныя условія жизни обезпечивали ей чрезвычайную однородность навыковъ, интересовъ и взглядовъ. Уже въ 1836 г. будущій министръ общественныхъ работъ въ кабинетѣ Тьера, впослѣдствіи графъ и пэръ Франціи, остававшійся, однако, всегда владѣльцемъ металлургическаго завода, Жоберъ констатировалъ этотъ фактъ съ необычайной откровенностью въ палатѣ: «никакое общество не можетъ обойтись безъ аристократіи; всякое правительство нуждается въ таковой. Желаете ли вы знать аристократію іюльской монархіи? Это аристократія крупныхъ промышленниковъ. Вотъ феодальное дворянство новой династіи. Система (управленія), которая оттолкнула бы его, была бы безумна: это значило бы нанести самой іюльской революціи ударъ въ сердце».

Произнесенныя во время преній по вопросу о таможенной политикѣ, эти слова, какъ нельзя лучше, характеризуютъ дѣйствительное положеніе вещей. Вмѣсто того, чтобы быть національной, какъ того требовала доктрина, политика «средняго класса» во всѣхъ существенныхъ чертахъ отстаивала интересы того класса, который посылалъ своихъ избранниковъ въ нижнюю палату, безъ которой и противъ которой нельзя было управлять, и внѣ которой не существовало никакой вліяющей на политическую жизнь силы. Любопытно, что такой вдумчивый наблюдатель историческихъ судебъ своего народа, какъ Гизо, до конца своихъ дней остался при убѣжденіи, что тотъ классъ, которому принадлежала тогда власть, и былъ «среднимъ классомъ», тогда какъ это была на самомъ дѣлѣ своеобразная аристократія, очень далекая по своему имущественному положенію, по своему образу жизни и своимъ взглядамъ, отъ тѣхъ «среднихъ» элементовъ, которые равно далеки и отъ роскоши этой денежной знати и отъ едва прикрытой нищеты крестьянина или пролетарія, элементовъ, которые именно Гизо всѣми силами вплоть до 1848 г. устранялъ отъ политической жизни. Эта крайне любопытная аберрація политической мысли Гизо имѣетъ свою аналогію въ убѣжденіи Тьера, съ горлостью называвшаго себя «мелкимъ буржуа» и всегда считавшаго себя истиннымъ представителемъ мелко-буржуазныхъ слоевъ, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ стоялъ ближе всего къ средней буржуазіи, состоящей изъ средняго купечества, среднихъ фабрикантовъ, фермеровъ, чиновниковъ, большинства писателей, адвокатовъ, врачей, ученыхъ и т. д.

Политика іюльской монархіи и политика французскаго либерализма была, такимъ образомъ, не просто буржуазной политикой, а политикой крупной буржуазіи и и въ частности крупной промышленности и, надо прибавить, крупной денежной, банковой знати. Этотъ характеръ политики іюльской монархіи проявляется въ двухъ направленіяхъ: въ ожесточенной борьбѣ съ демократической идеей и въ проведеніи

[1]) Въ началѣ эпохи приходилось 188000 избирателей на 32500000 населенія, подъ конецъ 225000 избирателей на 35500000 населенія.

такой внѣшней и внутренней политики, которая наилучшимъ образомъ обезпечивала матеріальные интересы господствовавшаго класса.

Республиканская идея обязана своимъ возрожденіемъ и конечной побѣдой во Франціи тому, что республиканская партія была единственной искренно и послѣдовательно демократической изъ всѣхъ французскихъ партій. За всеобщее избирательное право высказывались, правда, и бонапартисты, и клерикалы, и легитимисты (вѣрнѣе часть послѣднихъ). Но каждый изъ конкурентовъ республиканской партіи взывалъ къ всеобщему избирательному праву лишь въ надеждѣ и съ тайнымъ условіемъ, что оно дастъ именно ожидаемый имъ результатъ: возстановленіе плебисцитарной «сильной» монархіи, господство церкви или вторичную реставрацію старшей линіи Бурбоновъ. И республиканская партія, правда, полагала, что «республика выше всеобщаго избирательнаго права», т.-е. должна и можетъ быть осуществлена даже противъ воли народа, и сходилась въ этомъ отношеніи со своими конкурентами, но, тѣмъ не менѣе, въ этомъ не содержалось такого нарушенія демократической идеи, какъ въ бонапартизмѣ, и т. д. Республиканская идея, какъ таковая, исчерпывается установленіемъ полнаго народовластія и не содержитъ въ себѣ помимо этого никакого опредѣленнаго содержанія, не извращаетъ этого народовластія обязательнымъ принятіемъ власти цезаря, церкви или короля, а предоставляетъ полновластный народъ самому себѣ. Другое дѣло идея соціальной или точнѣе соціалистической республики: здѣсь такъ же, какъ въ бонапартизмѣ, въ легитизмѣ и т. д., предусматривается не только одна форма, но и все содержаніе государственной и общественной организаціи, и вотъ почему именно соціалистическая фракція республиканцевъ проявила наиболѣе яркія якобинскія наклонности, которыхъ, какъ уже указано, не была чужда и остальная часть республиканцевъ, поскольку они считали установленіе республики непремѣннымъ результатомъ всеобщаго избирательнаго права.

Въ 1830 г. программа едва нарождавшейся послѣ почти 30-лѣтняго перерыва республиканской партіи была еще не во всѣхъ деталяхъ выработана, и въ связи съ этимъ внутри нея еще не успѣли опредѣленно обособиться разныя направленія. Несомнѣнно ясно было только то, что эта партія опредѣленно демократическая и столь же несомнѣннымъ казалось, что ея побѣда равносильна ниспроверженію господства «способныхъ». Вотъ почему борьба съ республиканской идеей занимаетъ первенствующее мѣсто во внутренней политикѣ этой эпохи, въ особенности въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ послѣ революціи.

Первые мѣсяцы іюльской монархіи отмѣчены, правда, колебаніями еще не упрочившейся власти, вынужденной считаться и весьма серьезно считаться съ крайней лѣвой печатью, обществами, клубами и народными движеніями. Впрочемъ, наиболѣе бурныя изъ числа этихъ движеній были направлены противъ иностранныхъ правительствъ, мѣшавшихъ освобожденію Бельгіи, Польши и Италіи, противъ католической церкви и противъ арестованныхъ и преданныхъ суду министровъ Карла X. Въ связи съ этимъ во всей странѣ распространяется гнетущее чувство неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ: въ концѣ 30 года курсъ 3% государственной ренты понизился съ 86 (наканунѣ революціи) до 56, а 8 марта 1831 г. онъ упалъ даже до 51. На этой почвѣ развивается общественная реакція, привѣтствовавшая Гизо, когда онъ уже въ началѣ 1831 г. напомнилъ палатѣ о пресловутой ст. 291 Уголовнаго

Уложенія, согласно которой ни одно общество, въ составъ коего входитъ болѣе 20 членовъ, не можетъ быть основано безъ предварительнаго разрѣшенія администраціи. Полное выраженіе эта реакція нашла, однако, лишь въ министерствѣ Казимира Перье, а послѣ его смерти отъ холеры (въ маѣ 1832 г.) въ цѣломъ рядѣ министерствъ, въ которыхъ первенствующую роль играли доктринеры Брольи и Гизо и особенно Тьеръ (до 1836 г.)

Программа всѣхъ этихъ министерствъ, которые заставили короля отложить осуществленіе его желанія играть руководящую роль, была формулирована Перье еще 18 марта 1831 г. въ палатѣ депутатовъ: «Принципъ іюльской революціи, а, слѣдовательно, и возникшаго изъ нея правительства есть не мятежъ, а сопротивленіе противъ насилія. Уваженіе къ данной присягѣ, уваженіе къ праву—таковъ принципъ правительства, которое основано ею. Ибо она создала правительство, а не ввела анархію. Она не ниспровергла общественнаго порядка; она коснулась лишь политическаго порядка. Ея цѣлью было основаніе свободнаго, но упорядоченнаго правительства... Наша задача проста. Намъ не приходится совершать конституціонные эксперименты. Наши учрежденія установлены хартіей 1830 года. Порядокъ долженъ быть сохраненъ, законъ долженъ исполняться, правительство должно пользоваться уваженіемъ. Общество нуждается въ законномѣрномъ управленіи и въ наличности власти. Франція отвоевала себѣ свои права; она свободна; но она перестала бы быть истинно-свободной, если бы она дала мѣсто безпорядку; ибо нѣтъ безпорядка безъ насилія, и правительство, охраняющее порядокъ, охраняетъ свободу... Всякое возстаніе есть преступленіе, подъ какимъ бы знаменемъ оно ни совершалось (а іюльское возстаніе?). Всякое насиліе есть начало анархіи. Мы предложимъ вамъ законы, которые способны подавить насилія и мятежи... Необходимо, однако, чтобы во всѣхъ частяхъ управленія царило согласіе. Правительство хочетъ, чтобы ему повиновались и служили въ духѣ его намѣреній. Оно ожидаетъ безусловнаго содѣйствія со стороны своихъ орудій. Безъ этого содѣйствія конституціонная отвѣтственность есть пустое слово, правительство теряетъ свое могущество и свое достоинство». «Народы, стремящіеся къ чести быть свободными, должны научиться тому, что свобода есть деспотизмъ законовъ».

«Хартія, вся хартія, ничего кромѣ хартіи»!—такъ формулировалъ онъ свой взглядъ нѣсколько позднѣе, а въ тронной рѣчи, открывшей 23 іюля 1831 г. первую избранную при новомъ режимѣ палату, король со своей стороны заявлялъ: «Когда Франція призвала меня на престолъ, она хотѣла, чтобы королевская власть была національной, но не хотѣла, чтобы она была безсильной. Безсильное правительство не можетъ соотвѣтствовать интересамъ великой націи». Сильная центральная власть, опирающаяся на «страну въ законномъ смыслѣ», пользующаяся безусловнымъ повиновеніемъ своихъ бюрократическихъ орудій и требующая строгаго соблюденія дѣйствующихъ законовъ, дополняющая ихъ, если нужно, новыми законами противъ «враговъ общества», но не прибѣгающая ни къ какимъ исключительнымъ законамъ, осаднымъ положеніямъ и т. д.,—такова схема внутренней политики. «Миръ, пока онъ совмѣстимъ съ честью и интересами Франціи»,—такова схема внѣшней политики.

И та и другая схемы направлены противъ такъ наз. «партіи движенія», въ составъ которой входили самые разнообразные элементы, начиная отъ «династической лѣвой», во главѣ которой сталъ Одилонъ Барро, и кончая республиканцами, про-

никшими въ 1831 г. въ числѣ 5—6 человѣкъ въ палату, во главѣ которыхъ стоялъ молодой Гарніэ-Пажэ. За исключеніемъ небольшого числа легитимистовъ, сидѣвшихъ на крайней правой, вся остальная палата—правая, правый центръ, такъ наз. третья партія и лѣвый центръ—принадлежала въ эти годы къ «партіи сопротивленія» и представляла прочную опору смѣнявшихся боевыхъ министерствъ.

Весьма понятно, что при пестромъ составѣ двухъ боровшихся большихъ партій, программы той и другой опредѣлялись не столько однородностью положительныхъ, сколько однородностью отрицательныхъ положеній каждой изъ нихъ. Тогда какъ «партія сопротивленія» требовала соблюденія дѣйствующихъ законовъ и существующаго общественнаго порядка, хотя бы онъ плохо согласовался съ іюльскими событіями, «партія движенія» требовала дальнѣйшей демократизаціи государственнаго строя, соотвѣтственно полной демократичности соціальнаго строя и энергичной поддержкѣ революціонныхъ движеній въ сосѣднихъ странахъ, противъ которой противоположная партія возражала самымъ рѣшительнымъ образомъ. Уже здѣсь проявлялась, такимъ образомъ, любопытная комбинація крайнихъ политическихъ взглядовъ съ воинственными наклонностями, комбинація, представляющая одну изъ характерныхъ особенностей французскаго общественнаго развитія вплоть до второй имперіи и возродившаяся еще въ 1870 г. Ясно, что навѣянная славой революціонныхъ и наполеоновскихъ войнъ, она не могла содѣйствовать популярности партіи среди крестьянства, но служила хорошимъ средствомъ для дискредитированія «недостойной» политики правительства въ городахъ.

Центральный вопросъ заключался, однако, разумѣется, не въ вопросахъ внѣшней, а въ вопросахъ внутренней политики, а характерной особенностью внутренняго положенія была анти-демократичность существующаго строя, съ одной стороны, безнадежность легальныхъ выступленій демократическаго движенія—съ другой.

Политическое настроеніе народа можетъ проявляться въ двухъ формахъ: либо въ формѣ постояннаго мирнаго и законнаго воздѣйствія на государственную власть, либо въ формѣ острыхъ революціонныхъ взрывовъ накопившагося постепенно недовольства. Смыслъ всякой конституціонной организаціи заключается съ этой точки зрѣнія въ томъ, чтобы устранить неизбѣжныя при иныхъ условіяхъ періодическія революціонныя вспышки постояннымъ, повседневнымъ воздѣйствіемъ народа на власть. Конституція даннаго государства тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ лучше она обезпечиваетъ мирное развитіе государства, т.-е. соотвѣтствіе настроенія власти съ настроеніемъ народа, чѣмъ болѣе ненужнымъ она дѣлаетъ обращеніе къ силѣ. Значеніе всеобщаго избирательнаго права, поскольку оно соединено съ необходимыми для его правильнаго функціонированія условіями свободной организаціи общественнаго мнѣнія, т.-е. съ свободой печати, собраній, союзовъ и т. д., и заключается въ томъ, что оно лучше всякаго другого средства обезпечиваетъ постоянную связь власти съ народомъ и избавляетъ послѣдній отъ необходимости ломать осужденныя имъ учрежденія. При отсутствіи всеобщаго избирательнаго права и связаннаго съ нимъ прямого воздѣйствія на власть роль его до извѣстной степени можетъ исполнить мирная внѣпарламентская агитація печати, союзовъ и митинговъ, способная, какъ показалъ примѣръ Англіи въ XIX вѣкѣ, оказать настолько сильное косвенное вліяніе на разумную, понимающую основныя условія своего существованія власть, что послѣдняя подчи-

няется этому вліянію, разъ народная воля выяснилась съ такой несомнѣнностью, какъ, напр., во время агитаціи, приведшей къ коренной реформѣ избирательнаго права въ 1832 году.

Особенность политики іюльской монархіи заключалась въ томъ, что она стремилась устранить не только прямое, но и косвенное воздѣйствіе народа на власть, стремилась сосредоточить всю политическую жизнь исключительно въ рукахъ привилегированнаго въ политическомъ отношеніи меньшинства. Это была роковая ошибка. Напуганная чрезвычайной рѣзкостью тона въ печати, собраніяхъ и клубахъ, свобода которыхъ была неограничена, особенно до министерства Перье, іюльская монархія не отдала себѣ отчета въ томъ, что рѣзкость тона отнюдь не является признакомъ силы, а скорѣе наоборотъ, и что изъ нея еще нельзя дѣлать выводовъ о дѣйствительномъ желаніи дѣйствовать столь же энергично, какъ говорятъ, а потому рано начала принимать мѣры къ обузданію печати и собраній и тѣмъ затруднила процессъ легализаціи пріемовъ борьбы крайней лѣвой,—процессъ, о близкомъ наступленіи котораго между тѣмъ уже свидѣтельствовалъ рядъ симптомовъ. «Общество организовано хорошо,—говорилъ главный представитель республиканской партіи въ парламентѣ, Гарніэ-Пажэ,—я не скажу тогда, когда всѣ счастливы, но когда отъ каждаго зависитъ быть счастливымъ. А это достигнуто, когда власть организована такъ, чтобы обезпечить вѣрную и ясную побѣду волѣ всѣхъ»... Въ неоконченной статьѣ «О политической наукѣ» онъ различалъ три типа политической организаціи и въ связи съ этимъ три типа политической тактики. «Въ странахъ, подчиненныхъ деспотической власти, заговоры, подготовляющіе возстаніе, и самыя возстанія представляютъ долгъ каждаго. Въ странахъ, гдѣ пользуются свободой, но не обладаютъ равенствомъ въ правахъ, не слѣдуетъ прибѣгать къ возстанію иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости, и вовсе не слѣдуетъ прибѣгать къ заговорамъ. Въ странѣ, гдѣ народное верховенство установлено и теоретически и практически, заговоры и возстанія представляютъ величайшее изъ всѣхъ преступленій». «Уже въ силу того, что я исповѣдую принципъ народнаго суверенитета—говорилъ онъ же въ палатѣ,—я заявляю, что я никогда, ни въ какомъ случаѣ не предупрежу народнаго желанія, что я не пожелаю подчинить его правительству (республиканскаго) меньшинства. Но я заявляю равнымъ образомъ, что если, въ силу плохого управленія народомъ, онъ, народъ, будетъ доведенъ до того, чтобы сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ въ іюлѣ, то я буду, какъ тогда, съ народомъ и за народъ. Замыкаясь до того момента въ рамки конституціи, я воспользуюсь этой конституціей и законами, чтобы работать въ интересахъ тѣхъ, которые должны были бы имѣть политическія права и которые ихъ не имѣютъ».

Начавшіеся съ марта 1831 г. безчисленные процессы противъ печати, закрытіе клубовъ и затрудненіе дѣятельности всякаго рода политическихъ обществъ противъ которыхъ выступало не только правительство, но и буржуазія, обезпечивали болѣе революціоннымъ элементамъ среди республиканской партіи перевѣсъ. Начиная съ этого времени, замѣчается параллельный ростъ революціоннаго движенія, съ одной стороны, репрессивнаго законодательства, съ другой. Вызванное чисто-экономическими причинами, возстаніе ліонскихъ рабочихъ въ октябрѣ 1831 г., въ которомъ республиканцы были не причемъ, но которое враги возлагали

на ихъ отвѣтственность, мятежъ въ Греноблѣ въ мартѣ 1832 г., возстаніе въ Парижѣ въ іюнѣ 1832 г., во время котораго пало отъ 450 до 500 солдатъ и національныхъ гвардейцевъ и приблизительно столько же возставшихъ, грозное пятидневное возстаніе въ Ліонѣ въ апрѣлѣ 1834 г., когда пало около 300 солдатъ, и войскомъ были совершены ужасающія звѣрства, возстанія, происшедшія въ то же время и въ связи съ ліонскимъ въ Сенъ-Этіеннѣ, Віеннѣ, Греноблѣ, Клермонѣ, Оксеррѣ, Пуатіе, Люневиллѣ и особенно въ Парижѣ, гдѣ совершилась знаменитая по сейчасъ «кровавая баня въ Трансноненской улицѣ»,—всѣ эти движенія представляли выраженіе господства революціонныхъ идей и организацій въ республиканской партіи. Законы противъ уличныхъ плакатовъ и сборищъ, законъ объ установленіи залоговъ за право изданія газетъ, противъ уличныхъ разносчиковъ печатныхъ произведеній, объ ограниченіи права ассоціаціи, противъ тайнаго приготовленія и храненія огнестрѣльнаго оружія, объ измѣненіи компетенціи суда присяжныхъ и объ упрощеніи и ускореніи судебной процедуры, пресловутый сентябрьскій законъ 1835 года о печати, законопроектъ объ установленіи наказанія за неоткрытіе заговоровъ, законопроектъ о преданіи военныхъ лицъ, замѣшанныхъ вмѣстѣ съ не-военными въ заговорѣ, отдѣльно отъ послѣднихъ военному суду,—таковы были мѣры правительства, отчасти изданныя въ отвѣтъ на вооруженныя выступленія и заговоры республиканцевъ, отчасти косвенно вызвавшія ихъ.

Апрѣльскія возстанія 1834 г. повлекли за собой почти полный разгромъ боевыхъ силъ республиканцевъ и вызвали реакцію въ широкихъ кругахъ общества, которая еще усилилась послѣ состоявшагося въ іюлѣ слѣдующаго года покушенія Фіэски на жизнь короля, жертвой котораго сдѣлалось около 40 человѣкъ (въ томъ числѣ 11 убитыхъ—шесть человѣкъ изъ королевской свиты, пять національныхъ гвардейцевъ, стоявшихъ шпалерами по сторонамъ улицы, и восемь простыхъ зрителей). Во всѣхъ возстаніяхъ національная гвардія стояла на сторонѣ правительства, и Меттернихъ совершенно справедливо сказалъ по этому поводу сардинскому послу: «запомните хорошенько, что фундаментъ, на которомъ покоится въ настоящее время во Франціи власть, заключается въ національной гвардіи; это она такъ свирѣпо настроена противъ анархистовъ (такъ тогда именовали въ извѣстныхъ кругахъ республиканцевъ); безъ ея поддержки Людовикъ-Филиппъ былъ бы низвергнутъ въ четверть часа». Реакціонное настроеніе, охватившее широкіе круги буржуазіи, наполнявшей ряды національной гвардіи, какъ всегда продолжало требовать себѣ удовлетворенія и послѣ того, какъ настоящая опасность отъ возстанія исчезла. Самый фактъ, что республиканцы начали прибѣгать къ террористическимъ пріемамъ—съ 1832 до 1836 г. состоялось или было заблаговременно раскрыто 14 покушеній на жизнь короля,—свидѣтельствовалъ о слабости ихъ надеждъ на народное движеніе, а послѣдняя, сдѣланная ими въ Парижѣ въ 1839 г. трагикомическая попытка обратиться къ вооруженному возстанію, блестящимъ образомъ подтвердила этотъ выводъ. Но это отнюдь не помѣшало реакціи приравнять рядъ преступленій печати къ покушеніямъ на безопасность государства и изъять ихъ такимъ путемъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ съ передачей ихъ въ верховный судъ, каковымъ была палата пэровъ, и запретить подъ страхомъ чрезвычайно тяжелыхъ денежныхъ наказаній (до 50000 франковъ) восхваленіе какихъ-либо иныхъ формъ государствен-

наго устройства, кромѣ существующей, публичное заявленіе о приверженности къ такимъ формамъ или къ павшей династіи, а также оспариваніе принципа частной собственности. Для оцѣнки степени неразумности этихъ мѣръ чрезвычайно характеренъ тотъ фактъ, что такой консервативный человѣкъ, какъ Ройэ-Колларъ, рѣшительно высказался противъ изъятія всѣхъ сколько-нибудь важныхъ преступленій печати изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ. «Судъ присяжныхъ, господа», говорилъ онъ, «это не одна изъ обычныхъ юрисдикцій, съ которыми перо юриста можетъ играть, которыя оно возвышаетъ или принижаетъ по своему усмотрѣнію; это даже вовсе не юрисдикція, а политическое учрежденіе; это такъ же, какъ и вы сами (т.-е. какъ палата депутатовъ), сама страна, облеченная суверенитетомъ. И какимъ образомъ судъ присяжныхъ подвергся немилости, которая его постигла? Это было сказано на тысячу ладовъ: ему не довѣряютъ; онъ недостаточно часто осуждаетъ. Онъ недостаточно часто осуждаетъ! Развѣ вы не замѣчаете, господа, что тѣмъ самымъ нападаютъ на совѣсть судей?—ибо они произносятъ свой приговоръ по совѣсти. Не забывайте, что судьи суть ваши избиратели, отмѣченные той же печатью, что вы, и, какъ вы, носители суверенитета? Если сегодня вы имъ не довѣряете, не случится ли такъ, что когда-нибудь и они перестанутъ довѣрять вамъ и несомнѣнно съ полнымъ правомъ, ибо я заявляю, что я питаю глубокое недовѣріе къ власти, какова бы она ни была, которая не довѣряетъ обычному правосудію, а тѣмъ болѣе суду страны (слѣва восклицанія: очень хорошо! очень хорошо!)».

Одно изъ главныхъ основаній недовольства судомъ присяжныхъ заключалось на ряду съ частыми оправдательными вердиктами по дѣламъ печати въ не менѣе, если не болѣе частыхъ оправдательныхъ вердиктахъ по обвиненію въ принадлежности къ тайнымъ или незаконнымъ обществамъ, каковымъ почиталось, согласно 291 ст. Угол. Ул., каждое не испросившее предварительнаго разрѣшенія администраціи общество, въ составъ котораго входило болѣе 20 человѣкъ. А такъ какъ общества вдобавокъ придумали очень простой обходъ закона, разбившись на секціи по 20 человѣкъ въ каждой, вступавшія въ тѣсныя сношенія при посредствѣ своихъ уполномоченныхъ, то правительство внесло въ палаты (въ 1834 г.) новый законъ объ обществахъ, согласно которому: 1) раздѣленіе общества на секціи изъ 20 человѣкъ каждая не избавляло отъ необходимости предварительнаго административнаго разрѣшенія, и 2) всякое нарушеніе этого закона было приравнено къ деликтамъ (проступкамъ, а не преступленіямъ) и посему изъято изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и передано исправительному суду безъ присяжныхъ.

Въ результатѣ не только возстанія были подавлены, и заговоры наказаны, но печать была связана, политическія ассоціаціи уничтожены, судъ присяжныхъ лишенъ его важнѣйшихъ политическихъ функцій, а политическія собранія, не игравшія во Франціи такой роли, какъ «платформа» или митинги въ Англіи, упразднены. Процессъ обузданія общественнаго мнѣнія, поскольку оно не выражалось въ палатахъ, былъ, наконецъ, законченъ въ 1840 г., когда король рѣшилъ не устраивать больше смотровъ той самой національной гвардіи, важность которой для сохраненія своего престола понималъ и Людовикъ-Филиппъ, но которая пользовалась этими смотрами для выраженія своего политическаго настроенія. А такъ какъ въ то же самое время потерпѣло пораженіе первое, начавшееся въ 1839 г., движеніе въ

пользу расширенія избирательнаго права, и съ 1840 г. наступилъ періодъ безпрепятственнаго владычества министерства Гизо, все еще называвшаго себя «министерствомъ сопротивленія», а въ лицѣ его—владычество самого Людовика-Филиппа, то могло казаться, что господство олигархіи, побѣдившей и Карла X и своихъ собственныхъ лѣвыхъ союзниковъ, обезпечено на долгіе годы. Династическая лѣвая потеряла свое значеніе въ парламентѣ съ тѣхъ поръ, какъ она слишкомъ явно подчеркнула (въ 1832 г.) свой союзъ съ республиканцами, лѣвый центръ Тьера—съ тѣхъ поръ, какъ Тьеръ дискредитировалъ себя въ глазахъ господствующаго класса своими воинственными наклонностями, проявившимися особенно въ 1840 г. по восточному вопросу и едва не приведшими къ общеевропейской коалиціи противъ Франціи. Съ тѣхъ поръ власть очутилась въ рукахъ самой консервативной части либераловъ временъ реставраціи, т.-е. въ рукахъ доктринера Гизо и его сторонниковъ, уже потому прекрасно ладившихъ съ властолюбивымъ королемъ, что этого требовалъ ихъ взглядъ на значеніе королевской власти въ государствѣ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на внѣшней и внутренней политикѣ іюльской монархіи во всемъ ея объемѣ. Необходимо выдвинуть лишь тѣ ея черты, которыя особенно ясно обрисовываютъ ея характеръ и объясняютъ ея быстрое крушеніе. Помимо указаннаго рѣзко отрицательнаго отношенія къ демократизаціи политической жизни въ этомъ отношеніи заслуживаетъ наибольшаго вниманія хозяйственная политика власти и палатъ, всецѣло направленная къ поддержанію интересовъ крупной буржуазіи.

Тридцатые и сороковые годы XIX вѣка представляютъ первую эпоху могучаго расцвѣта французскаго капитализма, развитіе котораго до этого времени было задержано 25-лѣтними революціонными и наполеоновскими войнами, отъ которыхъ Франція отдохнула только во время пятнадцатилѣтней, почти совершенно свободной отъ внѣшнихъ войнъ реставраціи. Іюльская монархія продолжала держаться безусловно мирной политики: если не считать похода, предпринятаго въ 1833 году для защиты Бельгіи противъ голландскаго короля, отъ котораго она отпала сейчасъ же послѣ іюльской революціи, и частыхъ, но не требовавшихъ отъ страны серьезныхъ жертвъ алжирскихъ походовъ, она тщательно — враги ея говорили: трусливо — избѣгала всякихъ внѣшнихъ осложненій. Плоды этой мирной политики не заставили себя ждать: національное богатство росло съ необычайной быстротой и постоянствомъ. Съ 1830 по 1848 г. цѣнность недвижимой земельной собственности возросла вдвое (съ 50 до 100 милліардовъ франковъ), а капиталъ, помѣщенный въ коммерческія и промышленныя предпріятія, увеличился отъ 30 до 45 милліардовъ. Особенно сильно (отъ 3—4 разъ) возросла цѣнность мелкихъ земельныхъ участковъ: на 100000 крупныхъ землевладѣльцевъ, владѣвшихъ въ среднемъ не менѣе 140 гектарами (около 120 десятинъ), приходилось 350000 среднихъ, владѣвшихъ не менѣе 35 гектарами, и $3^3/_4$ милліона мелкихъ, средніе размѣры владѣній которыхъ доходили до 5 гектаровъ. Характерными признаками этого роста національнаго богатства служили постоянный и сильный ростъ поступленій отъ косвенныхъ налоговъ (за 14 лѣтъ они возросли отъ 550 до 770 милліоновъ), увеличеніе вкладовъ въ нарождавшіяся тогда сберегательныя кассы, достигшихъ къ 1847 г. 350 милліоновъ, легкое размѣщеніе 700 милліоновъ франковъ но-

выхъ государственныхъ займовъ внутри страны, наконецъ, громадный ростъ оборотовъ французскаго банка (Banque de France), дошедшихъ отъ 6 милліардовъ (въ 1826 г.) до 44 милліардовъ (въ 1847 г.) въ годъ, тогда какъ сумма обращавшихся въ странѣ билетовъ этого банка возросла отъ 220 милліоновъ (въ 1829 г.) до 330 милліоновъ (въ 1847 г.). Другимъ показателемъ того же факта могло служить довольно значительное при французскихъ условіяхъ жизни увеличеніе количества народонаселенія отъ $32^1/_2$ до $35^1/_2$ милліоновъ.

Несомнѣнный ростъ національнаго богатства, сказавшійся какъ въ измѣненіи внѣшняго вида деревень, такъ и въ поднятіи уровня жизни рабочаго класса, вызванномъ удвоеніемъ заработной платы, совершался, однако, не столько благодаря, сколько вопреки хозяйственной и фискальной политикѣ правительства и, что самое важное, былъ соединенъ съ глубокимъ потрясеніемъ привычныхъ условій хозяйственной жизни народа, разслоеніе котораго было имъ ускорено въ весьма значительной степени.

Что касается прежде всего хозяйственной и фискальной политики правительства, то она была направлена, главнымъ образомъ, къ охранѣ (правильно или неправильно понятыхъ, это все равно) интересовъ крупной промышленности, въ пользу которой устанавливались и сохранялись громадныя, почти запретительныя пошлины, и обложеніе которой далеко не достигало той степени напряженности какъ обложеніе землевладѣнія, лишившагося теперь первенствующаго положенія, которое оно занимало въ эпоху реставраціи, когда только за восемь лѣтъ (отъ 1818 по 1826 г.) сумма лежавшихъ на землевладѣніи налоговъ была сокращена на 91 милліонъ франковъ. Теперь эта сумма, наоборотъ, возросла: поземельный налогъ былъ увеличенъ на 40 милліоновъ (300 вмѣсто 260 милліоновъ), налогъ со строеній («оконный и дверной налогъ») былъ удвоенъ, и вмѣстѣ съ крайне высокимъ налогомъ на куплю-продажу недвижимыхъ имуществъ государство получало отъ нихъ 560 милліоновъ франковъ въ годъ, т.-е. почти половину своихъ ежегодныхъ доходовъ, или, иначе говоря, сумму, составлявшую около трети чистаго дохода землевладѣльца. Въ то же время государство не только почти ничего не дѣлало для обезпеченія землевладѣнію и, въ частности, крестьянамъ дешеваго кредита, въ которомъ они чрезвычайно нуждались, какъ доказываетъ тотъ фактъ, что ипотечные долги, лежавшіе на землевладѣніи, доходили до колоссальной суммы въ $11^1/_4$ милліардовъ франковъ,—на уплату процентовъ по нимъ уходила вторая треть чистаго дохода землевладѣльца (опять около 560 милліоновъ въ годъ), но въ то же время затрудняло сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ, такъ какъ поддерживало крайне вредную систему городскихъ ввозныхъ пошлинъ на съѣстные припасы (такъ наз. octroi), не проявляло надлежащей заботы о путяхъ сообщенія и вызывало покровительствомъ, оказываемымъ промышленности, репрессивныя мѣры другихъ государствъ по отношенію къ предметамъ французскаго вывоза. Особенно тяжело отразились таможенная политика правительства на винодѣліи, которымъ было занято около $2^1/_2$ милліоновъ населенія, владѣвшихъ двумя милліонами гектаровъ земли и выдѣлывавшихъ въ годъ 43 милліона гектолитровъ вина на сумму въ 700 милліоновъ франковъ: таможенная война съ Англіей сильно отразилась на вывозѣ вина, а, слѣдовательно, и на его цѣнѣ на внутреннемъ рынкѣ. Этимъ въ значительной сте-

пени объясняется широкое распространеніе республиканскихъ идей въ винодѣльческихъ департаментахъ юга.

Но и по отношенію къ промышленности и торговлѣ правительство не проявляло достаточной иниціативы особенно въ области заботъ о путяхъ и средствахъ сообщенія. Въ то время, какъ Англія, территорія которой на $^2/_5$ меньше территоріи Франціи, построила около 5400 километровъ желѣзныхъ дорогъ, длина французской желѣзнодорожной сѣти не превышала къ 1848 г. 1800 километровъ, т.-е равнялась лишь одной трети англійской, да и то желѣзнодорожное строительство началось въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ лишь со времени мало выгоднаго для государства, но зато выгоднаго для частныхъ предпринимателей (или, вѣрнѣе, акціонерныхъ компаній) закона 1842 г. Еще хуже обстояло дѣло съ пароходствомъ: за исключеніемъ каботажа вся морская торговля Франціи находилась, вслѣдствіе этого, въ рукахъ иностранцевъ, т.-е., главнымъ образомъ, англичанъ. Винить въ этомъ только одно правительство значило бы несомнѣнно переоцѣнивать его значеніе въ хозяйственной жизни народа, но именно во Франціи, гдѣ широкая частная иниціатива съ давнихъ поръ была мало развита, и всѣ привыкли ожидать иниціативу государства, обвиненіе правительства въ рутинерствѣ находило очень широкій откликъ.

Къ этому необходимо, наконецъ, прибавить и плохое состояніе государственныхъ финансовъ,—состояніе, чрезвычайно ухудшившееся послѣ образцовой въ этомъ отношеніи политики реставраціи. Общій дефицитъ 15 лѣтъ реставраціи, которой приходилось расплачиваться за наполеоновскія войны, составилъ 1188 милліоновъ франковъ, покрытыхъ займами на сумму 1200 милліоновъ, тогда какъ общій дефицитъ за 18 лѣтъ іюльской монархіи, которая была свободна отъ старыхъ долговъ, составилъ почти вдвое большую сумму (2258 милліоновъ), покрытыхъ займами и позаимствованіями изъ капиталовъ амортизаціонной кассы на сумму въ 2265 милліоновъ. Ростъ государственныхъ потребностей былъ, правда, очень великъ, но проявлялся онъ, главнымъ образомъ, въ ростѣ расходовъ на армію (350 вмѣсто 214 милліоновъ) и на флотъ (135 вмѣсто 73 милліоновъ), тогда какъ бюджетъ народнаго просвѣщенія увеличился лишь съ 7 до 19 милліоновъ (т.-е. всего на 660000 франковъ въ годъ), а бюджетъ общественныхъ работъ съ 54 до 75 милліоновъ. Въ конечномъ итогѣ финансовое положеніе было къ 1848 г. прямо угрожающимъ и вызывало серьезныя тревоги. Оно составило одно изъ самыхъ тяжелыхъ наслѣдій, оставленныхъ второй республикѣ іюльской монархіей.

Гораздо острѣе, чѣмъ эти факты, о которыхъ знали сравнительно немногіе, народная масса ощущала измѣненія привычныхъ формъ хозяйственной жизни, бывшія неизбѣжнымъ послѣдствіемъ громаднаго роста капиталистическаго производства. Съ одной стороны, французское ремесло испытало тогда первый тяжелый ударъ, съ другой — быстро возраставшій пролетаріатъ подвергался самой жестокой эксплуатаціи, проявляющейся всегда въ особенно рѣзкихъ формахъ въ дѣтствѣ капитализма, когда вызываемое имъ зло не успѣло еще вызвать должнаго вниманія командующихъ классовъ. Чрезвычайная продолжительность рабочаго дня, доходившаго до 18 часовъ въ сутки, крайне негигіеническая обстановка, отсутствіе всякихъ заботъ предпринимателей объ обезпеченіи себѣ хорошаго рабочаго матеріала,

низкая, несмотря на свое удвоеніе, заработная плата, система произвольныхъ штрафовъ и вознагражденія рабочихъ натурой изъ лавокъ предпринимателя взамѣнъ вознагражденія ихъ деньгами, отсутствіе всякихъ законныхъ пріемовъ борьбы съ предпринимателемъ за улучшеніе невыносимыхъ условій жизни, безусловная поддержка предпринимателя государствомъ въ случаѣ стачекъ,—все это вмѣстѣ съ характерной особенностью пролетарскаго быта, полной неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ, создавало широко распространенное чувство недомоганія и недовольства, выражавшееся въ глухомъ или открытомъ волненіи рабочей массы, въ стачкахъ и т. д.

Правительство, съ своей стороны, не сдѣлало ничего или почти ничего для улучшенія этого положенія. «Кромѣ закона объ ограниченіи дѣтскаго труда на фабрикахъ, принятаго во время управленія Гизо (мартъ 1841 г.)», говоритъ ярый врагъ соціализма Гиллебрандтъ, «не было сдѣлано ничего, чтобы улучшить положеніе трудящихся классовъ, или чтобы обезпечить имъ свободу движенія, которая позволила бы имъ улучшить это положеніе собственными силами мирнымъ и законнымъ путемъ. Казалось, что та незначительная часть націи, которая захватила въ 1830 г. власть и съ тѣхъ поръ сохраняла ее за собой съ все возрастающей исключительностью, стремилась исключительно къ тому, чтобы использовать это выгодное положеніе, предоставляя въ то же время своимъ вожакамъ, хотя и не всегда безъ ропота, бороться за обладаніе властью и забывать надъ этой борьбой ихъ настоящее назначеніе. Это назначеніе, состоявшее въ томъ, чтобы найти выраженіе для содержанія національной жизни, правда, рисовалось въ туманномъ видѣ правящимъ силамъ, королю и парламенту. Они не остались безъ всякой связи съ тѣмъ, что наполняло жизнь націи—никакое правительство вѣдь не можетъ порвать всякую связь между собой и своими интересами и націей и ея интересами; они, правда, пытались превратить совершавшееся умственное и матеріальное движеніе путемъ законодательства въ оффиціальное дѣйствіе, но для успѣшнаго веденія этого дѣла имъ не хватало ни настоящаго пониманія жизни, ни настоящаго желанія. Они были слишкомъ заняты вопросомъ о власти и о личномъ интересѣ чтобы сохранить много времени и охоты для неполитическаго законодательства и для охраны общихъ интересовъ. Если они вообще успѣвали заняться этимъ дѣломъ, то, въ концѣ концовъ, въ большинствѣ случаевъ все-таки заботились объ интересахъ собственнаго класса, а не объ интересахъ подавляющаго большинства націи».

Результаты такой политики не заставили себя ждать. Въ то время, какъ правительство располагало все возрастающимъ и привыкающимъ постепенно къ слѣпому повиновенію большинствомъ въ палатахъ, въ странѣ накоплялось все больше недовольства и раздраженія. Крестьянство оставалось, правда, въ своей массѣ такимъ же пассивнымъ, какъ и раньше, но, съ одной стороны, оно отнюдь не привыкало связывать свою судьбу съ существованіемъ іюльской монархіи, съ другой—особенно въ винодѣльческихъ департаментахъ, росло — недовольство, обезпечившее здѣсь впослѣдствіи не только республиканскимъ, но даже соціалистическимъ идеямъ большіе успѣхи. Мелкая буржуазія—ремесленники, мелкіе торговцы, лавочники, недовольные конкуренціей поддерживаемаго правительствомъ крупнаго капитала—начала прислушиваться къ республиканской, рабочій пролетаріатъ—къ республиканской и соціали-

стической пропагандѣ, которая интенсивно поддерживалась недовольной своимъ устраненіемъ отъ политической жизни интеллигенціей, успѣвшей заразить и средне-буржуазные слои, также устраненные отъ избирательной урны. На сторонѣ правительства стояла одна полуродовая, полуденежная знать, характеръ политики которой опредѣлялся ея капиталистическими интересами. Но и она не представляла безусловно вѣрнаго союзника. Съ одной стороны, инертная хозяйственная политика правительства не удовлетворяла цѣликомъ и ея интересовъ; съ другой — она слишкомъ хорошо знала тайныя пружины власти: болѣе или менѣе прямой подкупъ, проведеніе чиновниковъ въ парламентъ (ихъ было около 200 изъ общаго числа 460 депутатовъ) и т. д.,—чтобы относиться съ уваженіемъ къ правительству, многіе изъ представителей котораго, вплоть до самого короля, повидимому, мало вѣрили въ прочность своего положенія.

Новая буржуазная знать не сумѣла проявить надлежащаго пониманія основного условія своего господства, не сумѣла обезпечить соотвѣтствія своей дѣятельности съ интересами націи, иначе говоря, оказалась столь же исключительной и эгоистической, какъ феодальная знать эпохи реставраціи. Теорія доктринеровъ, являвшихся въ данномъ случаѣ выразителями господствовавшаго среди французскаго либерализма убѣжденія, что свобода несовмѣстима съ демократіей, а демократія не нужна, ибо «средній классъ» является естественнымъ носителемъ законныхъ интересовъ всего народа, оказалась несостоятельной, по крайней мѣрѣ, въ своей второй части. «Средній классъ» оказался неспособнымъ осуществить интересы всего народа, и въ результатѣ его власть погибла столь же безславно и даже болѣе безславно, чѣмъ власть его предшественницы, феодальной знати. Когда насталъ часъ февральской революціи, іюльская монархія рухнула сразу не менѣе рѣшительно, чѣмъ реставрированная монархія Карла X.

На смѣну ей и ея идеямъ шелъ новый болѣе демократическій слой общества съ республиканскими убѣжденіями и соціалистическими симпатіями.

ГЛАВА VIII.

Республиканская и соціалистическая идеи.

По своему историческому происхожденію республиканская и соціалистическая идеи этой эпохи независимы другъ отъ друга. По своей способности считаться съ опытомъ великой революціи онѣ опредѣленно отличаются другъ отъ друга. Ихъ взгляды на условія осуществленія идеальнаго человѣческаго общества рѣзко расходятся. Объединяетъ ихъ только одинаковая вѣра въ человѣческую природу, которой нѣтъ у ихъ враговъ, и вытекающій отсюда демократическій характеръ ихъ ученій, на почвѣ котораго, въ концѣ концовъ, и произошло сближеніе между ними.

Республиканская идея со времени великой революціи никогда не исчезала окончательно во французскомъ обществѣ. Со времени термидоріанской реакціи противъ якобинскаго террора она лишь теряла съ все возрастающей быстротой свое прежнее могучее вліяніе на широкія массы населенія. Въ эпоху консульства и имперіи, затѣмъ въ эпоху реставраціи она все еще имѣла вѣрныхъ сторонниковъ, но число ихъ было такъ незначительно, общественное мнѣніе столь очевидно отвернулось отъ

республики, что они перестали мечтать о конкретномъ осуществленіи своего идеала, сохранившаго всѣ основныя особенности идеологіи 1789 года. Лишь въ послѣдніе годы реставраціи условія нѣсколько измѣнились: къ старикамъ, пережившимъ революцію, сохранивъ ея идеалы и недостатки ея идей, начали примыкать совсѣмъ молодые люди—студенты, подчасъ являвшіеся прямыми наслѣдниками міросозерцанія своихъ отцовъ, какъ, напр., Годфруа Кавеньякъ, Бланки и др. [1]), а также распропагандированные ими рабочіе, особенно Парижа. Принявъ самое дѣятельное участіе въ іюльской революціи, они, какъ мы видѣли, въ силу своей малочисленности были вынуждены отказаться отъ надежды осуществить тутъ же свой политическій идеалъ.

Тѣмъ не менѣе, іюльская революція имѣла громадное значеніе для дальнѣйшаго роста республиканской партіи. Съ одной стороны, три «славныхъ» іюльскихъ дня произвели огромное впечатлѣніе на всѣхъ наблюдателей тѣмъ энтузіазмомъ, героизмомъ и дисциплиной, которые проявилъ парижскій народъ въ борьбѣ съ произволомъ: «какъ несправедливо мы судили о народѣ!—писалъ уже 30 іюля одинъ изъ будущихъ вождей партіи, тогда еще сторонникъ монархіи, Арманъ Каррель;—мы считали, что народъ не интересуется конституціонными вопросами... Въ теченіе послѣднихъ трехъ дней все было сдѣлано народомъ. Его не обрабатывали, не возбуждали, не толкали; онъ повиновался своимъ чувствамъ и своимъ инстинктамъ; онъ былъ могучъ и возвышенъ. Это онъ побѣдилъ; ему должны принадлежать всѣ результаты побѣды. «Эти немногіе дни потрясенія и упраздненія всякаго рода власти—писалъ онъ далѣе въ сентябрѣ того же года—выяснили тотъ великій фактъ, что народъ, которымъ (политическія) учрежденія не занимались, самъ занимался этими учрежденіями...; однимъ словомъ, что народъ гораздо менѣе невѣжественъ и гораздо болѣе нравственъ, чѣмъ полагали до этого испытанія». Съ другой стороны, очень скоро выяснилось, что результаты побѣды достались не народу, а кучкѣ привилегированныхъ вслѣдствіе характера соціальнаго строя людей, и что эта кучка людей отнюдь не склонна подчинить свои интересы интересамъ народа. Тѣ, которые пережили такія же впечатлѣнія, какъ Каррель, такъ же, какъ и онъ, полагали, что новая монархія должна быть монархіей широкихъ демократическихъ реформъ. «Показавъ, что самоотреченіе (désintéressement) и умѣренность являются добродѣтелями массы, революція 1830 г. имѣла громадное значеніе,—писалъ Каррель, все еще не порвавшій съ монархіей, но уже находившійся въ оппозиціи противъ министерства, въ

[1]) Отцы Кавеньяка (род. въ 1801 г.) и Бланки (род. въ 1805). въ свое время были членами конвента. Во время процесса, состоявшагося въ апрѣлѣ 1831 г. и направленнаго противъ нѣкоторыхъ республиканцевъ, Кавеньякъ произнесъ характерную въ этомъ смыслѣ рѣчь: «Мой отецъ—говорилъ онъ—былъ однимъ изъ тѣхъ, которые провозгласили среди національнаго конвента и передъ лицомъ побѣдоносной тогда Европы республику... Дѣло республики, господа, связано, такимъ образомъ, со всѣми моими сыновними чувствами; принципы, которые она провозгласила, суть мое наслѣдство. Мои занятія укрѣпили направленіе, естественно данное моимъ политическимъ идеямъ, и сегодня, когда мнѣ наконецъ, представляется поводъ для этого, я спѣшу заявить безъ аффектаціи и безъ обмана, отъ полнаго сердца и убѣжденія, что я республиканецъ».

Гинаръ былъ сыномъ члена совѣта пятисотъ, Ипполитъ Карно сыномъ знаменитаго члена конвента и комитета общественнаго спасенія и т. д.

сентябрѣ слѣдующаго года.—Она эмансипировала низшіе классы, какъ революція 1789 г. эмансипировала средній классъ, и призвала ихъ къ постоянно возрастающему по мѣрѣ прогресса цивилизаціи участію во власти». Когда событія показали, что новая монархія очень далека отъ мысли встать во главѣ какъ французской, такъ и европейской демократіи, Каррель въ статьѣ, появившейся 3 января 1832 г. въ его газетѣ «National», открыто порвалъ съ монархіей, такъ какъ, по его мнѣнію, выяснилось, что какъ при старой, такъ и при новой монархіи существуетъ династическій интересъ, отличающійся отъ интереса національнаго.

Эволюція политическихъ взглядовъ Карреля, которому принадлежитъ идея «консервативнаго общественнаго мнѣнія», впослѣдствіи осуществленная Тьеромъ при созданіи третьей республики [1]), представляется очень характерной для цѣлаго слоя французскаго общества, привыкшаго смотрѣть на народъ какъ на звѣрскую толпу и пораженнаго его выступленіемъ въ дни іюльской революціи. Однихъ привела къ республиканской идеѣ возродившаяся вѣра въ народъ. Другихъ привело къ той же идеѣ вытекавшее изъ той же революціи торжество идеи народовластія. «Изъ іюльской революціи — писалъ виконтъ Корменень, одинъ изъ блестящихъ памфлетистовъ эпохи, уже въ 1832 г.—родился суверенитетъ народа, изъ народнаго суверенитета возникла мысль о всеобщемъ избирательномъ правѣ», а изъ всеобщаго избирательнаго права вытекала республика.

Два условія особенно содѣйствовали распространенію республиканскихъ симпатій въ широкихъ слояхъ общества: устраненіе большей части образованнаго общества отъ политической жизни, вызывавшее среди него болѣе или менѣе рѣзкое оппозиціонное настроеніе, то довольствовавшееся межеумочной и въ существѣ дѣла отнюдь не демократической, но кокетничавшей съ республиканской идеей позиціей «династической лѣвой», то стремившееся къ болѣе или менѣе демократической республикѣ, съ одной стороны, и разложенію старыхъ экономическихъ формъ жизни—съ другой. Первое привлекало къ республикѣ значительную часть интеллигенціи, второе—мелкую буржуазію и рабочихъ. Если при такихъ условіяхъ ростъ республиканской партіи совершался медленнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать при отсутствіи всякой иной демократической партіи, кромѣ республиканской, то это объясняется не столько кровавой расправой правительства съ республиканцами, сколько затруднительностью, а съ 1835 г. почти полной невозможностью пропаганды путемъ печати и собраній и, главнымъ образомъ, характеромъ республиканской тактики и постоянно подчеркиваемыми симпатіями республиканцевъ къ террору 1793 г. и къ конвенту вообще, о коихъ широкія массы населенія сохранили самое тяжелое воспоминаніе.

Революціонная тактика и восхваленіе якобинскаго террора—вотъ главные враги республиканской идеи въ теченіе перваго десятилѣтія іюльской монархіи. Было бы ошибкой думать, что революціонная тактика республиканцевъ была съ самаго начала лишь результатомъ полной невозможности легальной борьбы въ эпоху іюльской монархіи. Первые мѣсяцы послѣ революціи (отъ іюля 1830 до марта 1831 г.), наоборотъ, были отмѣчены полной свободой печати, собраній, клубовъ и союзовъ;

[1]) Ср. знаменитое изреченіе Тьера: «республика будетъ консервативной, или ея не будетъ».

тогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще не было никакого основанія опасаться, что правительство задастся цѣлью уничтожить всѣ эти завоеванія революціи. И, тѣмъ не менѣе, радикальная печать и клубы гремѣли противъ правительства и несомнѣнно возбуждали и безъ того взволнованную массу къ многочисленнымъ демонстраціямъ и мятежамъ чисто-революціоннаго характера, цѣль которыхъ заключалась въ томъ, чтобы принудить правительство къ желательнымъ для вожаковъ уступкамъ, напр., по вопросу о казни послѣднихъ министровъ Карла X, которую требовали съ необычайнымъ упрямствомъ, или по вопросу о вмѣшательствѣ въ русско-польскую борьбу, вызванную возстаніемъ 1830 г. Ни одно изъ этихъ движеній, правда, не было направлено непосредственно противъ монархіи, но всѣ они поддерживали то состояніе хроническаго броженія, которое вызвало, въ концѣ концовъ, довольнс значительную общественную реакцію. А такіе видные представители республиканской идеи, какъ Годфруа Кавеньякъ, въ это время прославляли революцію какъ таковую, своеобразную теорію которой онъ далъ въ 1833 г. въ статьѣ «Революціонная сила», служившей предисловіемъ къ одному республиканскому сборнику, вышедшему подъ характернымъ заглавіемъ «Революціонный Парижъ». «Революціи,—говоритъ онъ здѣсь,—это единственныя страницы исторіи, которыя заслуживаютъ, чтобы открыли книгу и занялись ею», ибо сила, производящая революціи, есть не что иное, какъ реакція нашей природы противъ зла. Человѣческая дѣятельность имѣетъ два источника: нравственное чувство и матеріальныя потребности. Послѣднія приводятъ въ движеніе однѣ лишь эгоистическія наклонности; нравственное чувство, которое воплощается въ чувствѣ равенства, наоборотъ, является основой общественнаго прогресса и составляетъ истинную сущность соціальной природы человѣка. Общественный прогрессъ, основывающійся на неограниченной способности человѣка совершенствоваться, есть основной фактъ исторіи. Изъ идеи прогресса вытекаетъ далѣе, что «человѣкъ имѣетъ не право, а обязанность ниспровергать при помощи ума и силы все, что мѣшаетъ его совершенствованію». Величіе нашего времени заключается въ томъ, что оно провозгласило право возстанія и революціи. «Слава нашего народа заключается въ томъ, что онъ совершалъ революціи такъ, что, быть-можетъ, потребуется еще лишь одна, чтобы реализировать принципъ», т.-е. принципъ равенства.

Эта теорія революціи соотвѣтствовала вполнѣ тѣмъ революціоннымъ навыкамъ, которые образовались у членовъ тайныхъ обществъ, ведшихъ долгую и ожесточенную борьбу съ реставраціей,—навыкамъ, отъ которыхъ они не могли сразу отвыкнуть и тогда, когда внѣшнія условія радикально измѣнились. Въ своей брошюрѣ о «Трехъ поколѣніяхъ» 1789, 1815 и 1830 г. Гизо далъ блестящую характеристику своеобразнаго психологическаго вліянія подпольныхъ организацій на ихъ членовъ: «революціонные заговоры—говоритъ онъ—заставили своихъ авторовъ и ихъ сторонниковъ вступить на путь, органически противоположный какъ интересамъ, такъ и принципамъ политической свободы. Что можетъ быть менѣе либерально, чѣмъ тайныя общества, чувства, которыя они развиваютъ, средства дѣятельности, которыя они возлагаютъ на своихъ членовъ? Свобода живетъ въ атмосферѣ знаній (lumières), публичности, противорѣчія и обсужденія; она требуетъ, чтобы противоположныя системы, планы, партіи, люди проявлялись и боролись между собой открыто, на глазахъ общества, которое научается такимъ образомъ знать и судить

о нихъ. Тайныя общества, наоборотъ, присуждаютъ своихъ членовъ къ изолированности, къ молчанію, къ таинственнымъ ходамъ, къ скрытымъ страстямъ, къ пассивному повиновенію. Общество ихъ не знаетъ; они сами не знаютъ своихъ противниковъ, они едва знаютъ другъ друга. Всѣ навыки, всѣ привычки свободы имъ чужды; это добровольные рабы на службѣ у кружковъ, всегда готовыхъ принять трагическій характеръ. Положеніе тѣмъ болѣе печальное, что оно не лишено привлекательности; людямъ нравится тайна, скрытые планы, неопредѣленныя опасности, очень ограниченныя и интимныя связи и значеніе, которое достается отъ нихъ на долю каждаго участника».

Неизбѣжность и «естественную законность» такихъ сообществъ не отрицаетъ, впрочемъ, и Гизо при условіи «несомнѣнной, гнетущей, долговѣчной тираніи, которая присуждаетъ тѣхъ, кто живетъ подъ ея владычествомъ, къ молчанію и бездѣйствію». Но, говоритъ онъ совершенно справедливо, «тайныя общества среди режима свободы, публичности, обсужденія, когда всѣ граждане могутъ открыто говорить и дѣйствовать съ весьма незначительнымъ усиліемъ и рискомъ, чтобы поддержать свои интересы,—это безсмысленный и роковой абсурдъ, который настолько же извращаетъ сужденія и характеръ своихъ адептовъ, насколько онъ безпокоитъ и смущаетъ общество, которому они могли бы служить, пользуясь смѣло его вольностями». Въ существѣ дѣла именно этотъ абсурдъ и имѣлъ мѣсто въ первые мѣсяцы послѣ революціи 1830 г., и съ нимъ же мы встрѣтимся и послѣ февральской революціи, когда онъ былъ еще болѣе нелѣпъ, такъ какъ къ тому времени вслѣдствіе провозглашенія всеобщаго избирательнаго права было устранено послѣднее препятствіе для законной дѣятельности радикаловъ, а, слѣдовательно, и послѣднее, довольно слабое оправданіе ихъ революціонныхъ пріемовъ. Причина была оба раза одна и та же: упорное сохраненіе конспиративно-революціонныхъ навыковъ, пріобрѣтенныхъ при иныхъ условіяхъ и иномъ режимѣ. Типичнымъ примѣромъ огромнаго вліянія такихъ навыковъ можетъ служить вѣчный заговорщикъ Бланки, сильный и смѣлый умъ котораго никогда не могъ освободиться отъ пріемовъ мысли и отъ взглядовъ, усвоенныхъ имъ въ карбонарскомъ обществѣ временъ реставраціи, какъ бы ни мѣнялись условія въ 1830, 1848 и 1870 г.

Рука-объ-руку съ революціонной тактикой и революціонной фразеологіей обыкновенно идетъ якобинская идея неограниченнаго народовластія, выражающагося въ неограниченной власти народнаго представительства. Передъ властью такого избраннаго на началахъ всеобщаго избирательнаго права конвента, говоритъ Кавеньякъ, «мы хотѣли бы броситься на колѣни, не защищаться, а склонить голову». «Власть должна быть сильна, когда она организуется противъ дурныхъ страстей, противъ страсти эксплуатаціи, она должна быть сильна, по крайней мѣрѣ, тогда, когда она постоянно обновляется у своего источника и опирается на всѣхъ гражданъ, такъ какъ всѣ они ее делегируютъ контролируютъ и извлекаютъ изъ нея выгоду». Ясно, что это пониманіе, которое раздѣляетъ подавляющая масса республиканцевъ, представляетъ огромный шагъ назадъ по сравненію съ идеями либерализма. Если бы демократическая идея непремѣнно влекла за собой деспотизмъ опирающейся на большинство государственной власти, деспотизмъ, въ концѣ концовъ, ничѣмъ не отличающійся отъ деспотизма хотя бы и незначительнаго меньшинства, тогда побѣда ея означала

бы возвратъ къ античной идеѣ государства, утрату всѣхъ пріобрѣтеній политической мысли послѣднихъ двухъ-трехъ столѣтій, безнадежную побѣду массы, только потому, что она масса, надъ личностью, или, иначе говоря, разрывъ съ той идеей автономности человѣческой совѣсти, которая была впервые формулирована уже Сократомъ и легла въ основаніе чреватаго многими послѣдствіями христіанскаго воззрѣнія на государство. Тогда, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдались бы всѣ опасенія либерализма относительно грядущаго ига демократіи. На самомъ дѣлѣ, однако, этотъ взглядъ является отнюдь не выраженіемъ демократической идеи какъ таковой, а лишь характернымъ отличіемъ якобинскаго типа демократической идеи.

Преклоненіе передъ якобинцами еще до 1830 г. стало популярнымъ среди республиканской молодежи: грандіозная энергія, проявленная конвентомъ какъ внутри, такъ и внѣ страны, энергія, вызывавшая ужасъ среди массы общества, которая называла ее кровожадностью, привлекала какъ тѣхъ, которые увлекались военно-освободительными задачами Франціи, такъ и тѣхъ, которые горѣли нетерпѣніемъ достигнуть возможно быстрѣе болѣе широкихъ внутреннихъ реформъ. Вопросъ о возрожденіи якобинскаго типа государственной политики естественно переплетался съ вопросомъ о допустимости революціонной тактики въ борьбѣ съ существующимъ строемъ и осложнялся вопросомъ о необходимости и характерѣ соціальныхъ реформъ. Комбинація этихъ трехъ вопросовъ и тѣхъ рѣшеній, которыя имъ даются, раздѣляетъ республиканскую партію на двѣ или даже три группы. Первая изъ нихъ относится отрицательно къ всевластію хотя бы и демократическаго государства, отвергаетъ революціонную тактику и признаетъ необходимость соціальныхъ реформъ, но ведетъ рѣшительную борьбу съ соціалистическими идеями. Ея представителями являются Арманъ Каррель, Корменен, Гарніэ-Пажэ и (съ 1837 г.) Арманъ Марра (Marrast); она дѣйствуетъ исключительно въ парламентѣ, въ печати и, поскольку возможно, въ законныхъ собраніяхъ и является выразительницей «консервативнаго республиканскаго общественнаго мнѣнія». Вторая группа стоитъ за всевластіе демоса, за революціонную тактику, за соціальный переворотъ. Ея представителями являются вожди тайныхъ обществъ, Бланки, Барбесъ, отчасти Распайль и Трела. Она не имѣетъ никакой связи съ парламентомъ, рано теряетъ связь съ легальной печатью и дѣйствуетъ путемъ устной пропаганды и организаціи тайныхъ обществъ, цѣль которыхъ заключается въ подготовкѣ революціи. Среднее положеніе между этими двумя группами занимаетъ та, представителями которой въ парламентѣ были Араго и въ особенности Ледрю-Ролленъ. Политическія реформы представляютъ въ ея глазахъ лишь средство для достиженія соціальныхъ улучшеній, которыя она представляетъ себѣ болѣе широкими, чѣмъ консервативные республиканцы, но которыя не должны вести къ упраздненію собственности, этого «основанія всякой нравственности». Народовластіе не должно простираться до упраздненія свободы личности, но власть не должна быть такъ инертна и слаба, какъ іюльская монархія съ ея системой конституціонныхъ «противовѣсовъ». Средство для достиженія цѣли должно заключаться въ внѣпарламентской агитаціи хотя бы и революціоннаго типа.

Изъ сказаннаго ясно, что эта послѣдняя группа отличается такимъ же межеумочнымъ характеромъ среди разныхъ оттѣнковъ республиканской партіи, какимъ

отличалась «династическая лѣвая», колебавшаяся между монархическими убѣжденіями и республиканскими симпатіями, среди парламентской оппозиціи. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы она не имѣла конкретнаго значенія. Каждая изъ трехъ группъ республиканской партіи имѣла свои точки опоры въ обществѣ и свои элементы силы. Сила консервативныхъ республиканцевъ, среди которыхъ, какъ и среди другихъ группъ, въ свою очередь, можно различать рядъ оттѣнковъ, заключалась въ сочувствіи, которое они встрѣчали среди средней и отчасти мелкой буржуазіи и среди вліятельныхъ слоевъ интеллигенціи, среди всѣхъ тѣхъ, которые желали болѣе или менѣе значительнаго расширенія избирательныхъ правъ, которыхъ упрямство правительства отбрасывало налѣво, но которые опасались революціонныхъ вспышекъ и соціалистическихъ экспериментовъ. Значеніе ея возросло особенно съ 1840 г., когда революціонные пріемы, съ одной стороны, потеряли кредитъ послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ неудачъ и присужденія Бланки, Барбеса и другихъ наиболѣе неутомимыхъ заговорщиковъ къ пожизненному тюремному заключенію, когда революціонные пріемы, съ другой стороны, именно поэтому перестали пугать общество, и послѣднее стало относиться съ большимъ сочувствіемъ къ республиканской идеѣ. Сила революціонеровъ заключалась въ ихъ безграничномъ энтузіазмѣ, въ кажущейся удобопонятности ихъ цѣлей и въ несомнѣнной удобопонятности ихъ средствъ, въ впечатлѣніи безусловной ясности и послѣдовательности и тѣхъ и другихъ, однимъ словомъ въ ихъ вліяніи на тѣ рабочія массы, безъ участія которыхъ въ настоящее время никакая революція не можетъ совершиться. Сила республиканцевъ типа Ледрю-Роллена, наконецъ, заключалась именно въ томъ, что они совмѣщали парламентскую и внѣпарламентскую борьбу—самъ Ледрю-Ролленъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся ораторовъ палаты, въ которой онъ впрочемъ такъ же, какъ и остальные республиканцы, находился въ совершенно безнадежномъ меньшинствѣ,—а въ особенности въ томъ, что они являлись типичными выразителями того неопредѣленнаго сочувствія къ соціалистическимъ идеямъ, которое охватило французское общество съ особенной силой въ 40-хъ годахъ, которое выражалось въ рѣзкой критикѣ существующаго порядка и въ признаніи необходимости что-то предпринять, но которое практически отнюдь не простиралось до глубокаго сознанія полной и органической негодности этого порядка, т.-е. до признанія необходимости коренной его ломки.

Политическія доктрины всѣхъ трехъ группъ, соціальныя доктрины, по крайней мѣрѣ, двухъ болѣе умѣренныхъ изъ нихъ, отнюдь не отличались оригинальностью. По существу своему онѣ представляли простое продолженіе революціонной идеологіи конца XVIII вѣка. Въ наибольшей степени это относится къ фракціи Ледрю-Роллена и Араго; культъ народа, культъ идеи равенства и братства,—вотъ ея символъ вѣры, содержащій въ себѣ такую же переоцѣнку человѣческой природы, какую нѣкогда допускали послѣдователи Руссо. Больше оригинальности въ двухъ другихъ направленіяхъ,—въ консервативномъ, стремившемся разрѣшить занимавшую либераловъ проблему о согласованіи свободы и демократіи не путемъ исключенія демоса изъ политической жизни, а путемъ созданія такого демократическаго строя, организація котораго обезпечивала бы свободу,—и въ соціалистическомъ, исходившемъ изъ убѣжденія, что основная ошибка великой революціи заключалась въ томъ, что она

не поняла необходимости упразднить величайшую изъ всѣхъ привилегій, мать всѣхъ остальныхъ, право собственности.

Наиболѣе оригинальнымъ было, разумѣется, послѣднее, направленіе, но и его оригинальность не можетъ быть названа безусловной. Она нарушается шаблоннымъ, типичнымъ для «просвѣщенія» XVIII вѣка убѣжденіемъ въ всемогуществѣ декрета, тѣсно связаннымъ со старымъ убѣжденіемъ Руссо, что стоитъ лишь измѣнить по распоряженію революціоннаго начальства внѣшнія формы соціальной жизни, въ данномъ случаѣ отмѣнить юридическій институтъ собственности и «организовать» трудъ, чтобы природныя высокія качества народной души сказались во всей своей силѣ и обезпечили дальнѣйшее нормальное развитіе новаго идеальнаго строя. Въ 1848 году это чисто-механическое соединеніе революціонно-якобинской идеологіи съ глубокой соціалистической идеей оказалось роковымъ не только для соціалистической, но и для республиканской идеи. Да оно и понятно: оно больше всего соотвѣтствуетъ психологіи широкихъ, не отдающихъ себѣ отчета въ сложности общественной жизни, массъ и психологіи революціонной работы и революціоннаго момента, когда все кажется возможнымъ, послѣ того какъ столь многое оказалось возможнымъ, когда оцѣнка героическаго народа особенно высока, когда напряженіе борьбы не позволяетъ задуматься надъ условіями и средствами, когда всякое сопротивленіе кажется реакціоннымъ, корыстнымъ или глупымъ и, во всякомъ случаѣ, легко устранимымъ, когда основное естественно-научное правило, что «природа не дѣлаетъ скачковъ», кажется опровергнутымъ самымъ фактомъ революціи.

До 1848 г. отрицательное вліяніе соціалистическаго якобинизма еще не успѣло проявиться, и можно смѣло сказать, что разработка соціальнаго вопроса представляетъ самую блестящую сторону умственной жизни этой эпохи, что широкое распространеніе идеи о необходимости двинуть дѣло великой революціи дальше и устранить послѣднія препятствія на пути къ гармоническому развитію человѣка и человѣческаго общества составляетъ главный успѣхъ, сдѣланный въ это время европейской мыслью въ значительной степени именно благодаря работѣ французскаго ума.

Само собою разумѣется, что здѣсь невозможно дать сколько-нибудь подробную исторію соціалистической идеи въ первую половину XIX вѣка. Необходимо лишь выяснить ея основныя черты и главныя направленія.

Въ лицѣ своихъ первыхъ представителей въ XIX вѣкѣ, въ лицѣ Сенъ-Симона, котораго, впрочемъ, можно лишь условно причислить къ соціалистамъ, и Фурье такъ же, какъ и въ лицѣ Роберта Оуэна въ Англіи, соціалистическая доктрина является одновременно и расширяющимъ ея содержаніе продолженіемъ и отвергающимъ всю ея тактику отрицаніемъ великой революціи. Всѣ они такъ или иначе исполнены того же стремленія къ сознательному переустройству существующихъ формъ жизни на разумныхъ началахъ солидарности членовъ общества, которое лежитъ въ основаніи великой революціи, но всѣ они переносятъ центръ тяжести изъ области политическихъ и правовыхъ реформъ въ область коренного переустройства соціальной жизни и въ связи съ этимъ не только отрицаютъ надобность и цѣлесообразность революціонной борьбы съ даннымъ политическимъ строемъ, но относятся вообще совершенно отрицательно къ политическимъ вопросамъ. Эта сто-

рона ихъ взглядовъ была такъ характерна для ихъ доктринъ, что отталкивала отъ нихъ часть республиканцевъ и, наоборотъ, обезпечивала имъ особенно въ 30-е годы настолько снисходительное отношеніе правительства, что республиканцы жаловались на непослѣдовательность правительственной политики. «Тогда какъ партизаны республиканской формы правленія—замѣчалъ Гарніэ Пажэ—стонутъ въ тюрьмахъ», эти люди, «авторы ужасающихъ теорій, которые не хотятъ уважать пріобрѣтеннаго положенія», работаютъ въ консервативныхъ журналахъ. И, въ самомъ дѣлѣ, сенъ-симонисты занимали въ это время видныя мѣста. Правительство покровительствовало, со своей стороны, распространенію сочиненій, которыя обѣщали народу осуществленіе его соціальнаго идеала, излагали поэтическую грезу, которая должна была реализоваться въ весьма отдаленномъ будущемъ. Это-то и успокаивало буржуазію. Въ этомъ удовлетвореніи, данномъ воображенію, разсчитывали найти узду противъ страсти къ реформамъ, которая начала одушевлять массы. Это дѣлалось по той же причинѣ, по которой Гизо благословлялъ судьбу, которая подчинила рабочихъ повелительной необходимости труда и тѣмъ охраняла ихъ отъ политическихъ утопій. Гарніэ-Пажэ видѣлъ въ этомъ большую опасность, способную привести къ борьбѣ классовъ» [1]).

Источникомъ этой аполитичности первыхъ соціалистическихъ доктринъ являлась все та же вѣра въ человѣка, которая такъ характерна для XVIII вѣка и которая была цѣликомъ воспринята соціалистами, въ соединеніи съ фактомъ крушенія великой революціи, которую и Сенъ-Симонъ (род. въ 1760 г.) и Фурье (род. въ 1772 г.) сознательно пережили [2]). И сенъ-симонисты и другіе соціалисты этого времени одинаково исходятъ изъ идеи высокаго совершенства человѣческой природы, когда добиваются одни—«возможно скорѣйшаго улучшенія участи многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса», результатомъ котораго должно явиться обезпеченіе наибольшаго совершенства общества и наибольшей нравственной высоты личности, другіе—полнаго счастья каждаго человѣка, равносильнаго гармоническому развитію, сочетанію и осуществленію всѣхъ человѣческихъ потребностей. Они одинаково полагаютъ, что подымающая всѣ скверныя страсти революція не въ состояніи привести къ желательному результату, и что единственное, но зато безусловно могучее средство заключается въ пропагандѣ. «Основное условіе для успѣха нашего святого предпріятія—говоритъ, напр., Сенъ-Симонъ—пунктъ, который мы никогда не должны терять изъ виду, заключается въ томъ, что убѣжденіе является единственнымъ средствомъ, которымъ намъ дозволено пользоваться для достиженія нашей цѣли. Пусть намъ, какъ первымъ христіанамъ, было бы даже суждено подвергаться преслѣдованіямъ, обращеніе къ физической силѣ намъ безусловно возбраняется» [3]). Цѣль заключается не въ томъ, чтобы продолжать, а въ томъ, чтобы

---

[1]) Ср. Tchernoff, «Le parti républicain sous la monarchie de Juillet», стр. 147.

[2]) То же самое относится къ Оуэну (род. въ 1771 г.).

[3]) Необходимо, однако, замѣтить, что именно въ трудахъ Сенъ-Симона тѣ изъ его учениковъ, которые, какъ Луи Бланъ или Бланки, не могли мириться съ его аполитизмомъ, могли найти заявленія, по существу какъ-разъ противоположныя, что и не удивительно у такого вѣчнаго искателя истины, какимъ онъ является въ своихъ писаніяхъ, богатыхъ именно въ силу этого противорѣчіями и недомолвками. Вотъ одно мѣсто, на которое об-

«закончить революцію». Ихъ дѣятельность и дѣятельность политиковъ совершается въ совершенно различныхъ плоскостяхъ: никакія политическія реформы ни на іоту не измѣнятъ соціальнаго строя, и измѣненіе соціальнаго строя можетъ быть достигнуто независимо отъ какихъ бы то ни было политическихъ формъ Оно можетъ быть достигнуто и при абсолютизмѣ и при республикѣ античнаго типа и легче при одной изъ этихъ формъ жизни, чѣмъ при конституціонномъ парламентаризмѣ, къ которому эти соціалисты относятся съ нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ къ воплощенію ненавистной имъ теоріи: laissez faire, laissez passer въ организаціи общества.

Парадоксальность этихъ взглядовъ отчасти объясняется совершенно справедливымъ убѣжденіемъ, что коренная соціальная реформа ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть результатомъ правительственныхъ мѣропріятій, а исключительно только результатомъ внутренняго моральнаго роста общества, которая затѣмъ ужъ можетъ быть закрѣплена и законодательнымъ порядкомъ, чтобы обезпечить ей защиту противъ тѣхъ или иныхъ атавистическихъ наклонностей меньшинства. Всякая, даже самая абсолютная, власть имѣетъ на самомъ дѣлѣ весьма опредѣленные предѣлы, и чѣмъ общественное развитіе выше, чѣмъ сознаніе личнаго достоинства и личныхъ правъ глубже, тѣмъ эти предѣлы уже, тѣмъ меньше простора остается для власти. Нѣтъ, напр., той власти, которая могла бы упразднить въ настоящее время семью или возложить на всѣхъ обязанность жить въ полигаміи или поліандріи, если только само общество не придетъ къ убѣжденію въ ненужности семьи или въ желательности полигаміи или поліандріи. Нѣтъ такой власти, которая могла бы запретить православнымъ быть православными, католикамъ—католиками, евреямъ—евреями и т. д., если опять-таки православіе, католицизмъ, еврейская религія не умерли окончательно въ душахъ вѣрующихъ. Точно также нѣтъ и такой власти, которая могла бы предписать людямъ не быть эгоистами и руководиться исключительно чувствами братской любви другъ къ другу и солидарностью интересовъ всѣхъ членовъ общества,—которая могла бы ихъ заставить подчиняться охотно принципу всеобщей обязательности труда, необходимаго въ интересахъ общества и всѣхъ его членовъ. А безъ этихъ моральныхъ условій никакая реорганизація общества на соціалистическихъ началахъ немыслима. Ибо соціализмъ содержитъ два одинаково важныхъ элемента: отрицаніе частной собственности, какъ главнаго повода и средства для проявленія эгоистической борьбы за существованіе внутри общества, и организацію общественной жизни на началахъ солидарности. А отсюда

ращаетъ вниманіе Черновъ (ср. вышеук. соч. 92—93): «Единственное измѣненіе соціальной системы, о которомъ исторія намъ сохранила точное и детальное воспоминаніе, совершилось внезапно (brusquement) и путемъ радикальнаго измѣненія принциповъ. Созданіе новой доктрины есть дѣйствіе по своей природѣ внезапное и рѣзкое (brusque et tranchante), и внезапно (brusquement) должно совершиться (соотвѣтствующее новой доктринѣ) измѣненіе общественной организаціи». Въ связи съ этимъ онъ допускаетъ въ «Письмахъ женевскаго обывателя», вышедшихъ въ 1803 г., диктатуру нѣсколькихъ геніальныхъ людей, нѣсколькихъ ученыхъ,—Платонъ сказалъ бы «царей-философовъ» или «философовъ-царей»—въ качествѣ переходной стадіи отъ существующаго «феодальнаго» къ грядущему «индустріальному» строю. Эта послѣдняя мысль занимаетъ центральное положеніе въ міросозерцаніи Бланки.

ясно, что эгоизмъ, отнюдь не возникающій изъ факта существованія частной собственности, а лишь находящій въ немъ одно изъ своихъ конкретныхъ выраженій, не можетъ быть устраненъ путемъ законодательнаго устраненія частной собственности, какъ чувство солидарности не можетъ быть создано той или иной механической формой общественной организаціи. Все это, разумѣется, не исключаетъ возможности, что какое-нибудь фанатическое правительство сдѣлаетъ попытку декретировать отмѣну эгоизма и обязательность чувства солидарности, какъ конвентъ нѣкогда декретировалъ отмѣну католицизма и замѣну его сначала культомъ разума, а затѣмъ культомъ верховнаго существа. Но какъ насильственное устраненіе религіи, такъ и насильственное устраненіе принципа частной собственности и насильственное насажденіе общественной организаціи построенной на идеѣ, но не на всеобщемъ чувствѣ солидарности, разобьются о сопротивленіе народной психики,—поскольку послѣдняя не пришла сама по себѣ къ указанной цѣли, которая тогда и не нуждается въ насильственномъ осуществленіи.

Идея возможности законодательнаго переустройства основныхъ началъ народной жизни вытекаетъ изъ ложнаго обобщенія несомнѣннаго факта возможности быстраго, т.-е. революціоннаго переустройства тѣхъ сторонъ общественной жизни, которыя мало связаны съ повседневной жизнью и повседневными интересами, заботами и навыками каждаго члена общества, возможности, тѣмъ болѣе легкой, чѣмъ слабѣе общее развитіе народа. Въ частности такъ называемыя политическія революціи способны произвести благопріятное для популярности этой идеи впечатлѣніе. На первый взглядъ въ самомъ дѣлѣ кажется, что нѣтъ основанія отрицать возможность соціальной революціи, разъ признаешь возможность революціи политической. Но, во-первыхъ, политическая революція возможна вѣдь тоже только тогда, когда идея о ея необходимости и сознаніе неудовлетворительности даннаго строя уже охватили широкія массы раньше, чѣмъ революція началась. А, во-вторыхъ, характеръ политической жизни и политическіе результаты законодательной дѣятельности всякой революціи относятся къ такой сферѣ жизни, которая гораздо менѣе касается каждаго отдѣльнаго члена народной массы въ его повседневномъ быту, или, точнѣе, связь съ которой онъ гораздо менѣе сознаетъ, чѣмъ любое, хотя бы и не революціонное, измѣненіе въ организаціи собственности и семьи или въ области его религіозной и нравственной жизни. Связь съ государствомъ ощущается менѣе рѣзко, чѣмъ связь съ извѣстной формой труда, собственности, семейной жизни, поэтому и измѣненія въ послѣдней области такъ трудны и совершаются такъ медленно. Все современное человѣчество съ очень давнихъ поръ въ частности привыкло къ обладанію какой-нибудь весьма энергично имъ охраняемой собственностью—безъ всякой собственности почти или даже вовсе нѣтъ ни одного человѣка,—а если эта собственность такъ ничтожна, что она не въ состояніи обезпечить ему существованіе, то инстинктъ самосохраненія опять-таки сказывается въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ въ стремленіи къ болѣе значительной собственности или къ индивидуальному распоряженію болѣе значительнымъ количествомъ средствъ существованія, хотя бы пріобрѣтеніе ихъ и было соединено съ ущербомъ для другихъ. Эта послѣдняя черта содержитъ въ себѣ эгоистическое утвержденіе своей личности, дѣятельное отрицаніе чувства солидарности. Было-бы

нелѣпо обманывать себя, отрицая несомнѣнный фактъ, что безусловно преобладающіе въ настоящее время навыки современнаго человѣка имѣютъ анти-соціалистическій или, по меньшей мѣрѣ, не соціалистическій характеръ, и что, пока это такъ, нелѣпо думать о революціонномъ созданіи соціалистическаго строя. Въ послѣднемъ итогѣ соціальный вопросъ есть моральный вопросъ, а моральные вопросы разрѣшаются не революціями, а длительной эволюціей моральнаго чувства, которая влечетъ за собой частичныя измѣненія политическаго и экономическаго порядка, до извѣстной степени облегчается этими измѣненіями, но оставляетъ конечное разрѣшеніе вопроса открытымъ впредь до своего собственнаго завершенія.

Если только признать эту точку зрѣнія, то теоріи Сенъ-Симона, Фурье, Кабэ и др. уже не кажутся несообразными, хотя онѣ и осложняютъ правильный въ основѣ своей взглядъ чрезвычайно односторонними и поспѣшными выводами. Изъ того, что соціальная революція, какъ продуктъ революціи политической, есть чистая нелѣпость, въ самомъ дѣлѣ еще далеко не слѣдуетъ, чтобы политическія формы не имѣли никакого значенія для улучшенія соціальнаго строя. Какъ-разъ наоборотъ: не можетъ подлежать сомнѣнію, что формы политической жизни могутъ сильно затруднять или, наоборотъ, значительно облегчать дѣятельность, направленную къ улучшенію соціальнаго строя, усилить или ослабить остроту совершающейся внутри общества борьбы за существованіе, а тѣмъ самымъ и остроту эгоистическихъ наклонностей разныхъ классовъ общества, задерживая, такимъ образомъ, или облегчая развитіе противоположныхъ имъ альтруистическихъ чертъ индивидуальной и коллективной психики. Отрицаніе этого факта первыми соціалистами объясняется несомнѣнно воспоминаніемъ о великой революціи, столь жестоко обманувшей надежды на осуществленіе равенства и братства, и характеромъ политической борьбы временъ реставраціи и іюльской монархіи, столь далекой отъ массовыхъ народныхъ нуждъ, борьбы, приведшей, казалось, лишь къ замѣнѣ однихъ феодальныхъ владыкъ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ, аполитизмъ ихъ доктринъ приводитъ первыхъ соціалистовъ къ порочному кругу. Исходя изъ справедливаго убѣжденія о невозможности внезапныхъ, проводимыхъ законодательнымъ путемъ соціальныхъ реформъ и отрицая поэтому участіе въ политической жизни или необходимость политическихъ реформъ, но не отказываясь въ то же время отъ надежды на скорое осуществленіе своихъ идей, они были вынуждены возлагать свои надежды на внезапное же измѣненіе народнаго міросозерцанія, совершающееся подъ вліяніемъ пропаганды, т.-е. на явленіе, нисколько не менѣе, если не болѣе ирраціональное, чѣмъ неподготовленное общественнымъ развитіемъ законодательное переустройство общественной жизни. Объясненіе этого страннаго хода мыслей заключается, по крайней мѣрѣ, отчасти въ ихъ вѣрѣ въ человѣческую природу и въ частности въ человѣческій разумъ.

Какъ бы тамъ ни было, послѣдствіемъ этого аполитизма первыхъ соціалистовъ былъ «утопическій» характеръ ихъ тактики, а отчасти и ихъ доктрины. Разъ участіе въ политической жизни отпадало, то единственнымъ средствомъ была пропаганда печатью, словомъ и особенно примѣромъ, убѣжденіе въ чудодѣйственной силѣ которой вытекало изъ ихъ признанія совершенства человѣческой природы. Основной вопросъ, разрѣшеніе котораго только и могло спасти соціализмъ отъ упрека въ утопичности, вопросъ о средствахъ для созданія новаго порядка, былъ,

такимъ образомъ, обойденъ или, точнѣе, разрѣшенъ ссылкой на такое положеніе, которое само въ высокой степени нуждалось въ доказательствахъ, такъ явно оно противорѣчило повседневному опыту. Результатомъ этого факта было далѣе то обстоятельство, что при всемъ ихъ вліяніи на интеллигенцію и черезъ нее на рабочихъ эти доктрины не могли пріобрѣсть сколько-нибудь серьезнаго вліянія на конкретную политическую жизнь времени. Онѣ скорѣе создавали критическое настроеніе по отношенію къ существующему строю и полупоэтическое стремленіе къ изображенію идеальнаго будущаго, чѣмъ потребность хладнокровно взвѣсить силы, поддерживающія существующій порядокъ, и противопоставить имъ иныя, способныя справиться съ ними, силы,—силы организованной человѣческой воли. Вліяніе ихъ сказалось особенно на интеллигенціи, на этой интеллигенціи 30-хъ и 40-хъ годовъ, въ которой совершается такая огромная умственная работа, которая ломаетъ всѣ привычныя формы мысли не только въ области политической и соціальной, но и въ области религіозной и художественной жизни (это—время революціоннаго католицизма Ламеннэ и революціи романтической поэзіи противъ классицизма),—интеллигенціи, глубоко революціонной по всему своему складу и страстно искавшей выхода изъ не удовлетворявшей ее во всѣхъ отношеніяхъ современности. «Оставляя свои занятія, свое стремленіе къ богатству, привычки своего дѣтства—говоритъ Луи Бланъ по поводу испытаннаго и имъ самимъ увлеченія сенъ-симонизмомъ,—инженеры, артисты, врачи, адвокаты, поэты приходили сюда, чтобы соединить свои благороднѣйшія надежды... Это былъ опытъ религіи братства... Отсюда выходили миссіонеры, разсѣивавшіе слово Сенъ-Симона по всей Франціи, оставляя слѣды своей дѣятельности вездѣ, въ салонахъ, дворцахъ, отеляхъ и хижинахъ. Они были неутомимы въ своемъ дѣлѣ». Имена Огюста Конта, впослѣдствіи порвавшаго съ своимъ учителемъ, историка Огюстена Тьерри, христіански-республиканскаго публициста Бюшэ, Пьера Леру, Бланки, инженера и впослѣдствіи строителя суэцскаго канала Лессепса, Галеви, Армана Карреля, Ипполита Карно и др., свидѣтельствуютъ о вліяніи идей «новаго христіанства», о которомъ Фагэ, не безъ основанія, говоритъ, что оно «сдѣлалось самой, быть-можетъ, распространенной около половины вѣка формой соціализма. Оно создало тотъ литературный соціализмъ, который процвѣталъ или, если хотите, распространился какъ болѣзнь около 1848 г.». Этотъ литературный и салонный соціализмъ точно такъ же, какъ до революціи 1889 г. литературный и салонный эгалитаризмъ, отнюдь не соединялся непремѣнно съ дѣятельнымъ стремленіемъ къ коренной реорганизаціи существующаго соціальнаго строя. Скорѣе наоборотъ: онъ процвѣталъ именно потому, что изъ него не вытекали съ необходимостью опредѣленныя практическія послѣдствія. Его главное значеніе заключалось въ томъ, что онъ заставлялъ признать наличность соціальнаго вопроса и настоятельную необходимость заняться «улучшеніемъ судьбы многочисленнѣйшаго и бѣднѣйшаго класса». Самъ Сенъ-Симонъ, впрочемъ, не только не былъ врагомъ частной собственности, но полагалъ даже, что «законодательство должно обезпечить свободное осуществленіе права собственности». Сущность дѣла заключалась, по его словамъ, не въ упраздненіи собственности, а въ регулированіи ея, согласно новымъ потребностямъ общества. «Представляется очевиднымъ—писалъ онъ,—что въ каждой странѣ основнымъ закономъ является тотъ, который устанавливаетъ собственность и необходимыя для ея соблюденія распоря-

женія; но изъ того, что этотъ законъ является основнымъ, не слѣдуетъ, чтобы его нельзя было видоизмѣнить. То, что представляется необходимымъ, это—законъ, устанавливающій право собственности, а не законъ, который устанавливалъ бы ее въ такомъ-то или такомъ-то видѣ. Существованіе общества зависитъ отъ сохраненія права собственности, но не отъ сохраненія того закона, который первоначально освятилъ это право. Этотъ законъ зависитъ самъ отъ болѣе высокаго и болѣе общаго, чѣмъ онъ, закона, отъ того закона природы, согласно которому умъ человѣческій постоянно прогрессируетъ, закона, изъ коего всѣ общества черпаютъ свое право видоизмѣнять и совершенствовать свои учрежденія. Такимъ образомъ, вопросы о томъ: какіе предметы способны стать собственностью? какими средствами могутъ пріобрѣтаться эти собственности? какимъ образомъ люди имѣютъ право ими пользоваться, разъ они ихъ пріобрѣли?—суть вопросы, обсуждать которые законодатели всѣхъ временъ имѣютъ право каждый разъ, когда они сочтутъ это цѣлесообразнымъ; ибо индивидуальное право собственности можетъ быть основано исключительно на общей и одинаковой для всѣхъ полезности осуществленія этого права,—полезности, которая можетъ мѣняться, смотря по характеру даннаго времени».

Забота о массѣ, которой государство обязано «предоставлять трудъ», «дабы обезпечить ея физическое существованіе»,— средства, необходимыя для этой цѣли, должны быть «отнесены къ первѣйшимъ расходамъ государства»—составляетъ то положеніе Сенъ-Симона, которое вмѣстѣ съ его «религіей братства» именно потому имѣло наибольшій успѣхъ среди его литературно-салонныхъ поклонниковъ, что могло казаться, что оно можетъ быть осуществлено безъ коренной ломки существующаго строя.

Но сенъ-симонизмъ и тѣмъ болѣе фурьеризмъ допускали и менѣе удобное для этого строя толкованіе и неминуемо вели къ нему всѣхъ тѣхъ, кто соприкасался ближе съ народной нуждой, о которой уже въ 1840 г. предпринятая академіей моральныхъ и политическихъ наукъ анкета дала ужасающія подробности, изложенныя въ трудѣ Виллерма: «Картина физическаго и моральнаго состоянія рабочихъ бумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ мануфактуръ».

Первый толчокъ къ сближенію интеллигенціи съ народомъ и, въ частности, съ рабочими исходилъ, однако, повидимому, не отсюда, а вытекалъ изъ желанія обезпечить республиканской пропагандѣ успѣхъ среди массы, соціально-экономическіе интересы которой рѣшительно преобладали, какъ это констатировалъ уже Сенъ-Симонъ, надъ ея политическими интересами.

«Общество правъ человѣка», основанное вскорѣ послѣ іюльской революціи и получившее большое значеніе особенно съ 1833 г., когда съ нимъ слилось «общество друзей народа», первое обратило вниманіе на матеріальное положеніе народной массы, хотя оно само и было чуждо коммунистическихъ идей: по свидѣтельству извѣстнаго въ свое время коммуниста и пэра Франціи, д'-Альтонъ-Ше, это дѣлалось «преимущественно какъ средство пропаганды». Параллельно съ этимъ замѣчалось, однако, также и возрожденіе доктринъ Гракха Бабефа или такъ называемаго бабувизма, апостоломъ котораго явился участникъ въ его заговорѣ 1796 г. и его біографъ, потомокъ Микеланджело, итальянецъ Буонаротти, издавшій въ 1828 г. книгу о «Заговорѣ равныхъ, называемомъ заговоромъ Бабефа» и имѣвшій

большое вліяніе не только на Бланки: главнымъ центромъ пропаганды бабувистскихъ идей служили тюрьмы, въ которыхъ рабочіе, привлеченные къ суду за участіе въ республиканскомъ движеніи или уже осужденные судомъ, знакомились съ ними въ изложеніи своихъ интеллигентныхъ товарищей по заключенію. По справедливому замѣчанію Лихтанберже, бабувизмъ былъ первымъ проявленіемъ соціалистическаго движенія во Франціи, хотя количество его сознательныхъ сторонниковъ и было настолько ограничено, что даже далеко не всѣ участники заговора знали о коммунистическихъ планахъ Бабефа и его ближайшихъ друзей. Основныя мысли бабувизма, опирающагося на логическія послѣдствія идеи равенства, сводятся къ слѣдующему: всѣ люди обладаютъ одинаковымъ естественнымъ правомъ пользоваться всѣми благами жизни; «цѣль общества заключается въ общемъ счастіи», которое зависитъ отъ осуществленія абсолютнаго дѣйствительнаго равенства». Послѣднему отнюдь не противорѣчитъ разница въ способностяхъ людей, ибо при какомъ угодно различіи способностей естественныя потребности человѣческаго организма остаются тѣми же у всѣхъ. Всякій строй, при которомъ возможно совмѣстное существованіе роскоши и нищеты, основанъ на насиліи, а такъ какъ великая революція не устранила этого явленія, то изъ этого слѣдуетъ, что она не удалась или точнѣе не закончена. Достигнутый ею результатъ заключается лишь въ томъ, что она замѣнила, «шайку старыхъ мерзавцевъ (coquins) шайкой новыхъ мерзавцевъ». «Французская революція является лишь предтечей другой гораздо болѣе великой гораздо болѣе торжественной революціи, которая будетъ послѣдней». Новый строй будетъ основанъ на полной общности всѣхъ имуществъ и на равно обязательномъ для всѣхъ работоспособныхъ трудѣ. Результаты производства каждаго будутъ собраны въ общественныхъ складахъ, откуда будутъ выдаваться каждому поровну. Неработоспособные будутъ получать средства къ существованію отъ города. Будетъ царить безусловное равенство: кромѣ различій, устанавливаемыхъ поломъ и возрастомъ, никакія иныя различія не будутъ признаваться. Это необходимо потому, что очень трудно установить относительное равенство; лучше признать полное и одинаковое для всѣхъ равенство, ибо его легче установить. «Пусть погибнутъ, если это необходимо, всѣ искусства, лишь бы намъ осталось дѣйствительное равенство». Всѣ будутъ получать совершенно одинаковое образованіе; каждый выберетъ себѣ профессію и останется при ней. «Равенство или смерть»—таковъ лозунгъ, соединяющій, «равныхъ» въ борьбѣ съ существующимъ зломъ. Главнымъ средствомъ борьбы является заговоръ, подготовляющій захватъ власти «равными». Разъ очутившись въ ихъ рукахъ, власть должна имѣть диктаторскій характеръ. «Народъ, взгляды котораго складывались подъ властью режима неравенства и деспотизма, мало способенъ указать въ началѣ имѣющей его возродить революціи своими голосами людей, на которыхъ возлагается обязанность направлять и завершить ее». «Быть-можетъ, въ началѣ политической революціи какъ-разъ во имя истиннаго суверенитета и необходимо заняться не столько подсчетомъ народныхъ голосовъ, сколько тѣмъ, чтобы верховная власть попала возможно менѣе произвольнымъ путемъ въ разумныя и энергично-революціонныя руки». Согласно съ этимъ Буонаротти высказывалъ сожалѣніе, что «не было человѣка типа Робеспьера, чтобы осуществить единоличную диктатуру». Диктатура одного или нѣсколькихъ не была, однако, разумѣется, по-

слѣдней цѣлью. Послѣдняя, наоборотъ, заключается въ полномъ устраненіи необходимости какого то ни было насилія, что должно быть достигнуто путемъ надлежащаго воспитанія обновленнаго общества на началахъ «чувства всеобщаго братства, которому препятствуетъ и которое отвергаетъ исключительный и эгоистическій семейный режимъ».

Элементарность этого ученія не могла не обезпечить ему успѣха. Его основныя положенія—полное отрицаніе собственности во имя «дѣйствительнаго равенства» и созданіе коммунистическаго общества путемъ революціонной диктатуры,—такъ или иначе сдѣлались центромъ популярныхъ коммунистическихъ теорій, поскольку послѣднія не ограничивались теоретическими разсужденіями, а стремились къ практическому революціонному осуществленію. Въ тѣхъ кругахъ, которые проникались этими стремленіями, аполитизмъ сенъ-симонизма и фурьеризма отвергался, и усваивалось лишь то изъ этихъ доктринъ, что соотвѣтствовало революціонному настроенію этой категоріи ихъ адептовъ. Количество ихъ, впрочемъ, было очень невелико: по свидѣтельству д'Алтона-Ше въ 1838 г. въ Парижѣ и Ліонѣ насчитывали самое большее отъ 8000—10000 сознательныхъ республиканцевъ и отъ 3—4000 сознательныхъ коммунистовъ, тогда какъ масса была просто недовольна существующимъ строемъ, но не имѣла опредѣленнаго представленія о томъ, чѣмъ его замѣнить.

Въ связи съ этимъ настроеніемъ стоитъ коренное измѣненіе въ характерѣ новыхъ соціалистическихъ теорій, порывающихъ съ аполитизмомъ первыхъ соціалистовъ и склонныхъ въ противоположность имъ преувеличивать значеніе государства и политическихъ формъ жизни въ процессѣ реорганизаціи соціально-экономическаго строя. Типичными выразителями этой тенденціи являются Бюшэ, Луи Бланъ и хотя и не въ такой степени, Карлъ Марксъ, тогда какъ Прудонъ, наоборотъ, сохраняетъ болѣе тѣсную связь со старымъ соціализмомъ, отъ котораго онъ, однако, опредѣленно отличается въ другихъ отношеніяхъ.

Основная особенность этого новаго теченія заключается въ соединеніи соціалистической и демократической идей и въ противоположеніи буржуазіи и остальной массы населенія. «Подъ буржуазіей—говоритъ Луи Бланъ [1]) въ своей «Исторіи десяти лѣтъ», т.-е. періода отъ 1830—1840 г.,—я подразумѣваю совокупность гражданъ, которые, обладая средствами производства или капиталомъ, работаютъ при помощи составляющихъ ихъ собственность средствъ (ressources) и зависятъ отъ другихъ лишь до извѣстной степени. Народъ есть совокупность гражданъ, которые, не обладая капиталомъ, зависятъ всецѣло отъ другихъ и притомъ во всемъ, что относится къ первѣйшимъ потребностямъ жизни». Въ другомъ трудѣ онъ дополняетъ это послѣднее опредѣленіе словами, что они (совокупность гражданъ, образующихъ народъ), «являются, слѣдовательно, въ большей или меньшей степени рабами». «Рабочіе были нѣкогда рабами, стали потомъ крѣпостными, теперь они наемники». Того единства интересовъ всѣхъ неаристократическихъ элементовъ, о которомъ говорили Ройэ-Кол-

[1]) См. о немъ очень обстоятельную и интересную статью Колбасина, приложенную къ переводу «Исторіи революціи 1848 г.», представляющей нѣчто въ родѣ мемуаровъ Луи Блана. СПБ. 1907.

ларъ и другіе либералы, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Свобода, о которой такъ много говорятъ либералы, на самомъ дѣлѣ существуетъ такъ же мало, какъ равенство или братство, эти священные лозунги великой революціи. Истинная свобода заключается не въ формальномъ правѣ, а въ реальной возможности свободнаго существованія гражданина. Истинное равенство заключается въ упраздненіи всякой привилегіи, но не есть ли собственность величайшая изъ привилегій? Братство же невозможно, разъ нѣтъ истиннаго равенства и истинной свободы. «Неужели общество было взволновано до глубины только для того, чтобы замѣнить исключительное господство интересовъ знати исключительнымъ господствомъ интересовъ буржуазіи, чтобы замѣнить одинъ деспотизмъ другимъ? Какая польза отъ того, что люди изъ народа называются бѣдняками, послѣ того какъ ихъ называли вилланами, послѣ того, какъ ихъ называли рабами, если ихъ положеніе не измѣнило своей природы, измѣнивъ свое названіе, и если они продолжаютъ находиться подъ владычествомъ произвола»? «Положеніе наемныхъ рабочихъ въ сущности даже хуже, чѣмъ положеніе крѣпостныхъ или рабовъ. За то, чего рабамъ недоставало въ области достоинства, ихъ вознаграждала большая безопасность. Они могли думать о завтрашнемъ днѣ, не блѣднѣя».

Невыносимое положеніе народа можетъ быть измѣнено только въ томъ случаѣ, если онъ захватитъ власть. «Власть,—это есть организованная сила. Власть опирается на палаты, на суды, на солдатъ, т.-е. на тройную силу законовъ, судебныхъ приговоровъ и штыковъ. Не воспользоваться ею какъ орудіемъ значитъ встрѣтиться съ нею какъ съ препятствіемъ». Быть соціалистомъ—это значитъ хотѣть революцію, какъ политическую, такъ и соціальную. Соціалисты суть, слѣдовательно, революціонеры по преимуществу, и только они въ сущности заслуживаютъ это названіе... Тѣ, что боятся (соціалистическихъ) идей, боятся цѣли: они не революціонеры... Тѣ, что осуждаютъ (революціонное и вообще политическое) дѣйствіе, тѣ лишаютъ себя средствъ (осуществить свою цѣль): они не соціалисты». Обращаясь къ врагамъ политической дѣятельности и въ частности революціонныхъ пріемовъ борьбы, онъ говоритъ: «совершенно вѣрно, что цивилизація, развиваясь, уменьшаетъ необходимость славныхъ жертвъ... Но прогрессъ еще не дошелъ до того, чтобы имѣть возможность обойтись безъ жертвъ. Почтеніе мужественнымъ и преданнымъ!.. Партія будущаго не можетъ быть ни партіей исключительно воинствующей, ни партіей чисто-созерцательной. Настало время, когда надо быть соціалистомъ-революціонеромъ подъ страхомъ не быть вовсе». Или мы въ самомъ дѣлѣ «должны навсегда остаться при теоріи спокойствія, во что бы то ни стало, при теоріи терпѣнія ради терпѣнія»?

Ближайшая цѣль борьбы заключается въ завоеваніи всеобщаго избирательнаго права и тѣсно связанной съ нею въ представленіи этой эпохи республики. Когда эта цѣль будетъ достигнута, и тѣмъ самымъ обезпечено свободное проявленіе народной воли, тогда насилію не будетъ больше мѣста въ государственной жизни, тогда соціалисты должны будутъ стремиться убѣдить народную массу въ необходимости соціалистическихъ реформъ, сущность которыхъ будетъ заключаться въ освобожденіи рабочихъ отъ законодательныхъ стѣсненій ихъ стремленія къ ассоціаціи своихъ силъ и въ государственной поддержкѣ производительныхъ товариществъ рабочихъ и земледѣльческихъ ассоціацій крестьянъ, которыя быстро убьютъ конкуренцію

капиталистическихъ предпріятій, какъ только основная причина ихъ слабости—отсутствіе капитала—будетъ устранена [1]).

Залогомъ успѣха борьбы являются интересы «народа», противоположные интересамъ капиталистовъ, т.-е. буржуазіи. Само по себѣ это раздѣленіе націи на два враждебныхъ лагеря есть зло, но это зло фактически существуетъ, и устранить его нельзя никакими разсужденіями, а только соціальнымъ переустройствомъ. «Недавно—заявлялъ Луи Бланъ на дижонскомъ банкетѣ въ пользу избирательной реформы въ 1847 г., — въ одномъ многочисленномъ собраніи популярный ораторъ упрекалъ насъ въ томъ, что мы создали исполненное опасностей различіе между буржуазіей и народомъ. Мы не создали этого различія, но констатировали его и констатировали его съ тѣмъ, чтобы позаботились его устранить». Устраненіе той пропасти, которая лежитъ между современнымъ рабочимъ и его владыкой, должно быть достигнуто, во что бы то ни стало. Но это не только долгъ совѣсти, не только обязанность каждаго гражданина, которую Луи Бланъ всѣми силами старается внушить и буржуазіи, это цѣль «неизбѣжнаго и, къ счастью, рокового (heureusement fatale) хода прогресса». «Позволительно утверждать, что въ XIX вѣкѣ соціализмъ обладаетъ всемогуществомъ закона исторіи». «Я знаю, что ходъ прогресса медлителенъ. И, тѣмъ не менѣе, есть симптомы, по которымъ можно судить, что царство равенства приближается. Девятнадцатый вѣкъ не окончится, не увидавъ побѣды соціализма во Франціи и, быть-можетъ, въ половинѣ Европы». Побѣда соціализма совершится, во всякомъ случаѣ либо при содѣйствіи буржуазіи или хотя бы части ея, либо противъ буржуазіи. А средство, ведущее къ ней, заключается въ ассоціаціи силъ рабочихъ и трудящихся вообще, пришедшихъ къ сознанію своего положенія и своихъ интересовъ. Въ знаменитой рѣчи къ засѣдавшимъ послѣ февральской революціи въ Люксембургскомъ дворцѣ делегатамъ парижскихъ рабочихъ онъ формулировалъ этотъ взглядъ особенно краснорѣчиво: «я рекомендую вашему вниманію именно этотъ личный интересъ (къ объединенію), ибо больше, чѣмъ всѣ остальные, вы нуждаетесь въ томъ, чтобы остаться объединенными. Раздѣленіе, будьте увѣрены въ этомъ, будетъ вашей гибелью; оно продолжитъ ваше порабощеніе. Одинъ изъ нашихъ великихъ революціонеровъ, желая спасти нашу первую, не принесшую всѣхъ своихъ плодовъ революцію, сказалъ: смѣлости, еще смѣлости, всегда смѣлости! А я, люди изъ народа, говорю вамъ: секретъ, которымъ можно сохранить и спасти революцію и завершить ее уничтоженіемъ пролетаріата, освобожденіемъ народа, заключается въ единеніи, еще въ единеніи, всегда въ единеніи. Если вы объединитесь,.. народъ будетъ спасенъ».

[1]) Введеніемъ къ этой мѣрѣ будутъ служить: націонализація желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, копей и рудниковъ, націонализація французскаго банка, націонализація всѣхъ видовъ страхованія, которое станетъ обязательнымъ, замѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ единымъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ и упраздненіе права наслѣдованія по боковой линіи. Такимъ путемъ будутъ добыты громадныя средства, имѣющія составить источникъ «бюджета труда». Созданныя на эти средства производительныя товарищества, а дальше и цѣлыя отрасли производства не будутъ конкурировать между собой, а будутъ «солидаризированы», такъ что, въ концѣ концовъ, все производство страны будетъ составлять одно огромное цѣлое. Такимъ путемъ и будетъ достигнута законченная, организація труда».

Тѣсное родство этой теоріи съ теоріей «коммунистическаго манифеста» Маркса и Энгельса бросается въ глаза. Въ области историко-философскихъ и реально-политическихъ соображеній обѣ эти теоріи отличаются скорѣе оттѣнками, степенью научной разработки и характеромъ формулировки, чѣмъ своимъ существомъ. Этому не мѣшаетъ даже и то обстоятельство, что Марксъ и Энгельсъ были атеистами, тогда какъ Луи Бланъ, какъ и большинство его современниковъ изъ соціалистическаго и республиканскаго лагеря, былъ убѣжденнымъ деистомъ. Неизбѣжное торжество ведущаго къ коммунистической организаціи соціализма, какъ продуктъ «рокового» хода прогресса и объединенія сознавшаго свои интересы «народа», подъ которымъ Луи Бланъ практически всегда подразумѣваетъ рабочій пролетаріатъ, «народа», борющагося прежде всего за государственную власть, т.-е. стремящагося къ политической революціи, дабы превратить ее немедленно въ революцію соціальную,—таковы основныя положенія и той и другой доктрины, рѣзко отличающіяся и отъ аполитическаго соціализма начала вѣка и отъ анархизма Прудона, нашедшаго свое классическое выраженіе въ современномъ синдикализмѣ.

Въ связи съ этимъ стоитъ и другое роднящее обѣ доктрины положеніе, теоретически формулированное авторами коммунистическаго манифеста, фактически признававшееся и Луи Бланомъ. Это—идея революціонной диктатуры пролетаріата или «народа» въ луиблановскомъ смыслѣ, диктатуры, которая будетъ основана не на свободномъ голосованіи народа, а на фактѣ захвата имъ или точнѣе тѣми, которые будутъ дѣйствовать отъ его имени, государственной власти. Назначеніе этой диктатуры, которая, разумѣется, должна имѣть лишь временный характеръ, заключается въ расчищеніи почвы для свободнаго и сознательнаго проявленія народной воли и въ частности въ осуществленіи необходимыхъ предпосылокъ соціалистическаго строя. Формулировка непосредственныхъ задачъ диктатуры не пріобрѣтаетъ, правда, полной отчетливости, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что диктатура должна будетъ выразиться въ осуществленіи мѣръ, имѣющихъ огромное значеніе для всей народной жизни, что не мѣшаетъ тому, что народъ, т.-е. весь народъ, не будетъ участвовать въ установленіи ихъ.

Несмотря на глубокое противорѣчіе этой доктрины, которая роднитъ взгляды Луи Блана и Маркса съ взглядами Бланки [1]), съ идеей демократіи какъ идеей свободнаго и организованнаго властвованія всего народа, несмотря на противорѣчіе ея со взглядами Луи Блана на недопустимость насилія, т.-е. революціи (хотя бы и мирной), внутри демократіи, она практически играла господствующую роль въ его представленіи о томъ, что такое революція. «Нѣтъ—говоритъ онъ еще до 1848 г.,—прогрессъ въ учрежденіяхъ даннаго народа не совершается постепенно. Въ области умственной жизни онъ подвигается медленно, съ трудомъ, но въ область фактовъ онъ врывается внезапно, въ теченіе одного года, одного мѣсяца, одной ночи, совершенно измѣняя законы, замѣняя не старый выводъ новымъ выводомъ, а старый принципъ новымъ принципомъ, внося въ народную жизнь не ту или иную

[1]) У Бланки, въ отличіе отъ Луи Блана, идея борьбы классовъ разработана чрезвычайно опредѣленно и энергично подчеркивается, что очевидно сближаетъ его съ Марксомъ.

частичную реформу, а обширную совокупность координированныхъ между собой реформъ, однимъ словомъ замѣняя цѣлую систему законодательства противоположной системой законодательства». Что если стремленіе произвести такую «внезапную» и радикальную революцію въ частности въ области соціальной жизни встрѣтится съ препятствіями среди самой демократіи? Какъ тогда поступить? Страстная симпатія Луи Блана къ монтаньярамъ временъ первой революціи указываетъ на то, какой отвѣтъ онъ дастъ на этотъ вопросъ. Очевидно, онъ будетъ заключаться въ революціонной апелляціи отъ «плохо освѣдомленнаго къ подлежащему лучшему освѣдомленію» народу. Мы еще увидимъ, какую роковую роль эта точка зрѣнія сыграла въ революціи 1848 г.

По существу своему она представляетъ только высшую точку развитія того преувеличенія роли государства, которое, несмотря на всѣ оговорки, лежитъ въ основаніи этого соціализма второго періода развитія соціалистической идеи. То, что первые соціалисты справедливо отвергали, соціалисты второго періода, наоборотъ, въ высшей степени склонны утверждать, а именно творческое значеніе государственной власти. Въ отличіе отъ первыхъ соціалистовъ, болѣе близкихъ къ крушенію великой революціи и чуждыхъ политическихъ интересовъ, они недостаточно высоко оцѣниваютъ сопротивленіе, которое даже облеченная самой неограниченной властью творческая мысль встрѣчаетъ въ, быть-можетъ, совершенно ирраціональныхъ, быть-можетъ, безусловно вредныхъ, но необычайно упорныхъ навыкахъ народа, и, какъ и первые соціалисты, наоборотъ, преувеличиваютъ степень способности народа понять отрицательныя стороны существующаго порядка и степень готовности народной массы, да и самаго интеллигентнаго общества порвать со старыми формами жизни, съ унаслѣдованнымъ личнымъ, семейнымъ, классовымъ эгоизмомъ. Хотя и въ значительно меньшей степени, чѣмъ Марксъ, Луи Бланъ переоцѣниваетъ значеніе матеріальныхъ и недооцѣниваетъ громадное значеніе моральныхъ факторовъ народной жизни, какъ ихъ творческое, такъ и особенно ихъ задерживающее вліяніе. Если Сенъ-Симонъ и другіе обходятъ центральный вопросъ о средствахъ къ осуществленію соціализма, ссылаясь на совершенство человѣческой природы, которая съ легкостью восприметъ соціалистическія идеи, то Луи Бланъ и особенно Марксъ обходятъ его, ссылаясь на рѣшающее значеніе матеріальныхъ интересовъ народной массы, которые неизбѣжно ведутъ къ ликвидаціи существующаго строя.

На ряду съ аполитизмомъ Сенъ-Симона, Фурье и т. д., на ряду съ обожествленіемъ государства у ихъ преемниковъ совершенно особое мѣсто занимаетъ анархизмъ Прудона. «Утверждать, что правительство когда-либо могло бы быть революціоннымъ, значитъ впадать въ противорѣчіе по той простой причинѣ, что оно есть правительство»— говоритъ онъ въ «Исповѣди революціонера». Только одно общество, «исполненная интеллекта масса, можетъ сама себя революціонизировать, ибо только она можетъ раціонально развивать свою спонтанную волю, анализировать, объяснить тайну своего назначенія и происхожденія, измѣнить свою вѣру и философію... Правительства суть бичи Божіи, установленныя для того, чтобы дисциплинировать міръ; и вы хотите, чтобы они сами разрушили себя, чтобы они создали свободу, чтобы они совершали революціи»! «Церковь нѣкогда говорила словами нѣжной матери: все для

народа, но все черезъ священниковъ. Послѣ церкви пришла монархія: все для народа, но все черезъ государя. Доктринеры: все для народа, но все черезъ буржуазію. Якобинцы не измѣнили принципа, измѣнивъ формулу: все для народа, но все черезъ государство. Это все то же преклоненіе передъ правительствомъ (gouvernementalisme), передъ общиной (communisme)». Что означаетъ «этотъ афоризмъ якобинской партіи, отъ котораго несомнѣнно не отреклись бы абсолютисты и доктринеры: соціальная революція есть цѣль, политическая революція (т.-е. перемѣщеніе власти) есть средство»? «Это значитъ: дайте намъ право жизни и смерти надъ вашими личностями и вашимъ имуществомъ, и мы васъ сдѣлаемъ свободными! Вотъ ужъ болѣе 6000 лѣтъ цари и священники повторяютъ намъ то же самое»!.. «Ты не будешь дѣлать того-то; ты воздержишься отъ того-то: правительство, какая бы партія ни властвовала, никогда не умѣло сказать иной вещи. Запрещеніе, вотъ со временъ рая, система воспитанія рода человѣческаго. Но разъ человѣкъ достигъ совершеннолѣтія, правительство и партіи должны исчезнуть. Этотъ выводъ появляется здѣсь съ такой же логической необходимостью, съ той же неизбѣжностью (естественной) тенденціи, съ которой на нашихъ глазахъ соціализмъ вышелъ изъ абсолютизма, философія родилась изъ религіи, равенство возросло на самомъ неравенствѣ».

Идеалъ человѣческой жизни заключается въ самопроизвольной, спонтанной, не вынужденной никакой внѣшней силой дѣятельности человѣческой личности. Но это не только идеалъ, это условіе дѣйствительнаго прогресса. «Политическая революція, т.-е. уничтоженіе авторитета среди людей, есть цѣль; соціальная революція есть средство». Эта соціальная революція должна и исключительно можетъ быть достигнута только свободнымъ творчествомъ свободныхъ человѣческихъ ассоціацій. «Народъ, когда онъ предоставленъ исключительно своему инстинкту, судитъ всегда болѣе правильно, чѣмъ когда онъ руководится политикой своихъ вожаковъ».

Въ жизни и строѣ каждаго общества слѣдуетъ различать явленія «органическія» и явленія второстепенныя. «Органическими я называю не тѣ чисто-условные законы, которые касаются наиболѣе общихъ элементовъ управленія и власти, какъ законы о муниципальномъ и департаментскомъ самоуправленіи, законъ о рекрутскомъ наборѣ, законъ о народномъ просвѣщеніи и т. д.... Подъ органическимъ я подразумѣваю то, что составляетъ интимную, вѣковую конституцію общества, что выше всякой политической системы, всякой политической конституціи. Такъ, мы скажемъ, что бракъ есть явленіе органическое. Законодательная власть имѣетъ право взять на себя иниціативу всякаго закона, касающагося вытекающихъ изъ брачнаго общенія матеріальныхъ интересовъ или общественнаго и домашняго спокойствія; она не имѣетъ права коснуться существа этого общенія. Представляетъ ли бракъ безусловно нравственное учрежденіе или учрежденіе сомнительной нравственности, развивающееся или разлагающееся учрежденіе? Можно сколько угодно спорить объ этомъ: ни въ какомъ случаѣ никакое правительство, никакое собраніе законодателей не можетъ взять на себя иниціативы (разрѣшенія этого вопроса). Видоизмѣнить то, что можетъ быть измѣнено, совершить реформы, которыя только время дѣлаетъ возможнымъ, это—дѣло самопроизвольнаго развитія нравовъ, дѣло общей цивилизаціи, того, что я назвалъ бы человѣческимъ Провидѣніемъ. Такимъ же органическимъ

результатомъ или формой общественной жизни является религія, собственность, извѣстная организація труда».

Никакое правительство никогда не можетъ измѣнять этихъ интимнѣйшихъ сторонъ народной жизни, ибо онѣ неизмѣримо прочнѣе, неизмѣримо тѣснѣе связаны съ жизнью, чѣмъ любое правительство, и измѣняются только путемъ «самопроизвольнаго развитія нравовъ», которое, въ концѣ концовъ, можетъ привести къ полному, коренному переустройству прежнихъ формъ жизни, т.-е. къ революціи. Въ этомъ смыслѣ «революція есть взрывъ органической силы, эволюція общества, переходящая изнутри во внѣшній міръ (du dedans au dehors). Революція законна лишь постольку, поскольку она самопроизвольна, мирна, традиціонна. Подавлять ее или извращать ее одинаково тиранично».

Существо этого взгляда сводится, такимъ образомъ, къ отрицанію внезапно совершающейся и насильственной, т.-е. навязываемой болѣе или менѣе значительной части народа, соціальной революціи. Признавая невозможность такого рода революціи, Прудонъ, однако, отнюдь не отчаивается въ возможности той «органической» революціи, которая есть не что иное, какъ внѣшнее завершеніе болѣе или менѣе длительной и мирной «традиціонной», т.-е. постепенно измѣняющей прежній порядокъ, эволюціи. Порукой въ возможности такой «революціи» является опять-таки высокое качество человѣческой природы въ соединеніи съ вѣрой въ прогрессъ.

Трудно себѣ представить болѣе рѣзкую противоположность, чѣмъ теоріи Луи Блана и Прудона. Въ пользу послѣдняго при этомъ говорило несравненно болѣе глубокое пониманіе условій народнаго развитія, чѣмъ то, изъ котораго исходили сторонники изображаемой на подобіе политическихъ переворотовъ соціальной революціи. Но въ данный моментъ и впослѣдствіи въ эпоху февральской революціи вліяніе взглядовъ Луи Блана, Бланки и другихъ «соціалистовъ-революціонеровъ» на массу было неизмѣримо больше, чѣмъ вліяніе Прудона. Да это и вполнѣ понятно. По самому существу своему теорія Прудона могла имѣть вліяніе въ моментъ безнадежной слабости рабочаго движенія (въ эпоху второй имперіи), когда поневолѣ приходилось отказываться отъ надежды на захватъ власти, и когда особенно проявлялась консервативная сторона его ученія, или же въ моментъ весьма значительнаго роста рабочихъ организацій (въ современной Франціи), когда появляется преувеличенная надежда на возможность достигнуть цѣль помимо и противъ государства, и когда особенно выступаетъ революціонная сторона его ученія. Въ эпоху же до и во время февральской революціи, когда рабочихъ организацій не было почти вовсе, и когда революція была уже въ разгарѣ, и казалось, что надо только сумѣть ею воспользоваться въ надлежащемъ направленіи, когда власть могла переходить изъ рукъ въ руки, въ такую эпоху идея «спонтаннаго» развитія, очевидно, должна была уступить первенствующее мѣсто идеѣ захвата государственной власти.

Эта послѣдняя идея и представляетъ основной мотивъ соціалистической агитаціи данной эпохи. На почвѣ ея, на почвѣ общей ожесточенной вражды къ буржуазному режиму іюльской монархіи и страстнаго стремленія къ водворенію демократической республики и произошло сближеніе соціалистической и республиканской партіи въ сороковые годы XIX вѣка. Политическій вопросъ игралъ и тамъ и

тутъ центральную роль, хотя онъ и представлялся однимъ въ видѣ конечной цѣли, другимъ въ видѣ неизбѣжнаго этапа развитія на пути къ болѣе отдаленной цѣли. Изъ этого, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы между двумя партіями и даже внутри ихъ царило полное согласіе. Разница конечныхъ задачъ, разница въ представленіи о средствахъ къ ихъ осуществленію, разница въ болѣе или менѣе якобинскомъ пониманіи будущаго республиканскаго строя не могли не дать себя знать и проявлялись въ ожесточенныхъ спорахъ. Чрезвычайно рѣзкая полемика Армана Марра и Ледрю-Роллена, «консервативныхъ» и радикальныхъ республиканцевъ, въ ихъ газетахъ («National» и «Tribune»), жестокая травля «политиковъ» соціалистами, раздоры послѣднихъ между собою вели, казалось, къ полному безсилію всего демократическаго движенія. Съ внѣшней стороны эта вражда принимала вдобавокъ довольно странную форму еще потому, что она велась не только между живыми людьми, но и между тѣнями дѣятелей великой революціи. Воспоминанія о ней играли большую роль и восхваленіе тѣхъ или иныхъ ея дѣятелей, ссылки на ихъ образъ дѣйствій служили выраженіемъ различія новыхъ теченій и аргументами въ ихъ полемикѣ.

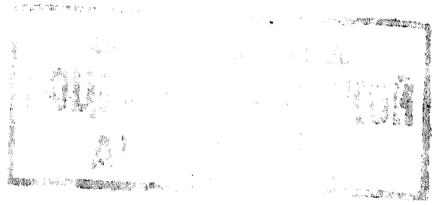
«Если друзья свободы видятъ, какъ ихъ число сокращается,—писалъ Мишлэ въ 1847 г. въ предисловіи къ первому тому своей исторіи французской революціи,—то это потому, что они сами захотѣли этого. Нѣкоторые создали себѣ систему прогрессивной очистки, мелочной ортодоксальности, которая имѣетъ тенденцію превратить всю партію въ секту, въ маленькую церковь. Отвергаютъ одно, затѣмъ другое; изобилуютъ ограниченіями, различеніями, исключеніями. Каждый день открываетъ новую ересь. Ради Бога, давайте меньше диспутировать о свѣтѣ съ горы Ѳавора, перестанемъ подражать осажденной Византіи. Магометъ II стоитъ у нашихъ воротъ. Какъ нѣкогда, когда увеличивалось число христіанскихъ сектъ, существовали янсенисты, молинисты и т. д., но не было болѣе христіанъ, такъ революціонныя секты уничтожаютъ революцію; есть сторонники Учредительнаго Собранія, жирондисты, якобинцы; нѣтъ революціонеровъ. Вольтеръ не пользуется особымъ почетомъ, Мирабо отвергается, исключаютъ госпожу Роланъ. Даже Дантонъ не ортодоксаленъ... Что это? неужели не останется никого, кромѣ Робеспьера и Сенъ Жюста»?

Двадцать лѣтъ спустя, когда онъ писалъ предисловіе къ новому изданію того же тома (въ 1868 г.), онъ снова вернулся къ этому вопросу: «Позднѣйшему поколѣнію можетъ показаться нѣсколько страннымъ, что самыя, быть-можетъ, ожесточенныя изъ нашихъ разногласій 1848 г. относились къ прошлому, имѣли историческій, археологическій характеръ. Эти споры вмѣшивались въ дѣйствительную жизнь. Люди отожествляли себя съ этими мрачными тѣнями. Одинъ былъ Мирабо, Верньо, Дантономъ, другой Робеспьеромъ».

По весьма понятнымъ причинамъ среди наиболѣе активныхъ элементовъ преобладали симпатіи къ монтаньярамъ. Нездоровая атмосфера подпольныхъ организацій, въ которыя были загнаны республиканцы, заставляла цѣнить выше всего не останавливающуся ни передъ какими средствами самоотверженную энергію и сектантскую дисциплину ума и дѣйствій и въ то же время заставляла прибѣгать къ самымъ радикальнымъ лозунгамъ для привлеченія народныхъ массъ. Низверженіе монархіи, провозглашеніе республики, созданіе временнаго правительства и установленіе все-

общаго избирательнаго права—такова общая цѣль всей демократической оппозиціи. Дальше пути разныхъ группъ расходятся. Одни желаютъ заняться обезпеченіемъ и «организаціей» республиканскаго строя, не ломая соціальнаго строя. Другіе желаютъ перейти немедленно къ ломкѣ соціальнаго строя. И тѣ и другіе обѣщаютъ народу золотыя горы, если только революція удастся.

Спрашивается, сумѣютъ ли они осуществить свои обѣщанія, и на чьей сторонѣ окажется народъ, на сторонѣ ли политической, или на сторонѣ соціальной демократіи? При данномъ состояніи политической жизни никто не можетъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Отвѣтъ на него дастъ только сама революція.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Введеніе. Значеніе революціи 1848 года . . . . . 1— 3

Характеръ общественнаго развитія XIX вѣка, 1.—Значеніе революцій 1789 и 1848 г., 2.—Особенности февральской революціи, 3.

Глава II. Причины и характеръ европейской реакціи начала XIX вѣка. 4— 15

Недостатки политической идеологіи XVIII вѣка, 4.—Разочарованіе французскаго общества въ идеяхъ XVIII вѣка, 7.—Анархія и терроръ, 12.

Глава III. Характеръ общественной реакціи начала XIX вѣка . . . . 15— 33

Отрицаніе вѣры въ человѣка какъ основная черта реакціи, 15. — Два теченія общественной реакціи, 17. — Возрожденіе религіозной идеи. Шатобріанъ, 19. — Жозефъ де Местръ, 23. — Бональдъ, 26. — Доктринерскій характеръ ихъ ученій, 30.—Общество и идея легитимизма. Беррье, 31.

Глава IV. Внутренняя политика реставраціи и возрожденіе оппозиціоннаго настроенія . . . . . 33— 55

Внутреннія противорѣчія легитимной монархіи, 33. — Хартія, 33. — Демократичность соціальнаго строя и отношеніе легитимистовъ къ ней, 35.—Цѣли легитимистовъ и роль клерикальной идеи, 37. — Церковь и школа, 42. — Внутренняя миссія, 45. — Конгрегація, 46. — Протестъ графа Монлозіэ, 48. — Настроеніе общества, 51. — Роль буржуазіи, 54.

Глава V. Характеръ и главныя направленія оппозиціонной мысли . . 55— 61

Возрожденіе оппозиціи, 55.—Три группы городского класса и три теченія оппозиціи, 56.—Отношеніе оппозиціонныхъ теченій къ великой революціи, 57.—Либерализмъ, 58.—Соціализмъ, 59.—Радикализмъ, 60.

Глава VI. Либерализмъ . . . . . 61— 90

§ 1. Зарожденіе либерализма.—Бенжаменъ Констанъ и госпожа де Сталь 61— 69

Очеркъ исторіи либеральной идеи до начала XIX вѣка, 61. — Либерализмъ и народовластіе, 62. — Бенжаменъ Констанъ, 63.—Госпожа де Сталь, 65.—Вопросъ о суверенитетѣ и два теченія либеральной идеи: «доктринеры» и «либералы», 67.

§ 2. Политическіе взгляды доктринеровъ . . . . . 69— 86

Оппортюнизмъ доктринеровъ, 69.—Ихъ взглядъ на великую революцію, 71. — Легитимизмъ и хартія, 72.—Борьба съ деспотизмомъ и защита равенства, 74.—Вопросъ о суверенитетѣ и теорія представительства интересовъ, 76.—Избирательное право, 81. — Отношеніе къ легитимистамъ и либераламъ, 83.

Стр.

§ 3. «Доктринеры» и «либералы» . . . . . 86— 90

Значеніе вопроса о народномъ верховенствѣ, 86.—Тактическія разногласія, 88.—Тайныя общества, 89.

Глава VII. Политика либерализма въ эпоху іюльской монархіи и ростъ республиканской партіи . . . . . 91—111

Характеръ іюльской монархіи, 91.—Взглядъ на народъ и страхъ предъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, 97.—Господство крупной буржуазіи, 99.—Возрожденіе республиканскаго движенія, 101.—Характеръ политической жизни общества, 103. — Возстанія и заговоры, 104. — Хозяйственная политика власти, 107. — Соціальный вопросъ и соціальная политика власти, 109.

Глава VIII. Республиканская и соціалистическая идеи . . . . . 111—134

Вліяніе іюльской революціи на возрожденіе республиканскаго настроенія; Арманъ Каррель, 111.—Причины успѣха республиканской идеи и моменты, задерживающіе его, 113.—Кавеньякъ и прославленіе революціонной идеи, 114.—Якобинизмъ, 115. — Три группы республиканской партіи, 116. — Соціализмъ: отношеніе власти къ нему, 118. — Аполитизмъ первыхъ соціалистовъ, 119. — Литературный и салонный соціализмъ, 123. — Сближеніе республиканской и соціалистической идеи, 124. — Луи Бланъ, 126. — Прудонъ, 130.—Рознь среди республиканцевъ, 132.

Брокгаузъ-Ефронъ, С.-Петербургъ, Прачешный, 6.

Вышло изъ печати 53 выпуска. Закончено 12 томовъ.

БИБЛІОТЕКА ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ

подъ ред. проф. П. И. Броунова и В. А. Фаусека.

Систематическая серія популярныхъ естественно-научныхъ книгъ.

Цѣна каждаго выпуска 1 р. 50 к. безъ пересылки, безъ перепл. Разсрочка: задатокъ отъ 5 р. и ежемѣс. отъ 3 р. Высылаются всѣ вышедш. выпуски.

Закончены и продаются также отдѣльно:

Силы природы и пользованіе ими, проф. Л. Грунмаха и Э. Розенбоома. Приложеніе проф. И. И. Боргмана: «Новые лучи и радіоактивность». 663 стр., 807 рис. въ текстѣ. 72 иллюстр. на 21 таблицѣ, въ т. ч. 6 табл. *раскр.* Ц. 6 р., въ перепл. 7 р.

Тайны неба, І. І. Литрова. Общедоступн. изложеніе всѣхъ отдѣловъ АСТРОНОМІИ. 958 стр., 336 рис. въ текстѣ, 8 *раскр.* и 44 черныхъ таблицъ. Ц. 7 руб. 50 коп., въ перепл. 8 руб. 50 коп.

Общее землевѣдѣніе, проф. Ю. Ганна и Э. Брюкнера. І. Земля, ея атмосфера (метеорологія) и гидросфера (океанографія). Дополненія проф. П. И. Броунова и І. Б. Шпиндлера. II. Земная кора, съ дополненіями проф. Н. И. Андрусова. 614 стр., 360 рис. въ текстѣ, 8 черн., 12 *раскр.* табл. и 11 *картъ*. Ц. 6 р., въ перепл. 7 руб.

Минеральное царство, Г. Гюриха. Обширныя дополненія о минеральныхъ богатствахъ Россіи С. И. Созонова и очеркъ «Почвовѣдѣніе» прив.-доц. П. В. Отоцкаго. 722 стр., 531 рис., 1 почвенная *карта* Россіи, 4 *раскр.* и 48 черн. табл. Ц. 6 р., въ перепл. 7 р.

Общая физіологія, проф. І. Розенталя. Введеніе въ изученіе естествознанія и медицины. 377 стр., 137 рис. Цѣна 3 руб., въ перепл. 4 руб.

Гады и рыбы, проф. А. М. Никольскаго. Свѣдѣнія и рис. по русск. рыболовству. 872 стр., 440 рис. въ текстѣ, 3 *раскр.* и 70 черн. табл. Ц. 7 руб. 50 коп., въ перепл. 8 руб. 50 коп.

Распредѣленіе растеній, проф. Е. Варминга. Дополненіе прив.-доц. Г. И. Танфильева о распредѣленіи растеній и растительныхъ формаціяхъ въ Россіи. 474 стр., 103 рис., 37 черн. табл. и ботанико-географич. карта Россійск. Имперіи. Ц. 4 р. 50 к., въ перепл. 5 р. 50 к.

Бактеріи и грибки, проф. Ф. Лафара. Приложеніе прив.-доц. С. И. Гольдберга-Златогорова: «О важнѣйшихъ болѣзнетворныхъ микроорганизмахъ». 443 стр., 152 рис. въ текстѣ, 1 черн. и 3 *раскр.* табл. Ц. 3 руб., въ перепл. 4 руб.

Земля и Жизнь, сравнительное землевѣдѣніе, проф. Ратцеля. Томъ І-ый. Переводъ подъ ред. В. К. Агафонова. 737 стр., 263 рис. въ текстѣ, 7 *раскр.*, 16 черн. табл. и 5 *картъ*.—Томъ II-ой. Переводъ подъ ред. проф. П. И. Броунова. 730 стр., 222 рис. въ текстѣ, 9 *раскр.*, 14 черн. таблицъ и 12 *картъ*. Ц. за томъ 6 руб., въ перепл. 7 руб.

Міръ растеній, проф. К. Шумана и Э. Гильга. Переводъ съ нѣм. прив.-доц. А. А. Рихтера, 738 стр., 480 рис. въ текстѣ, 5 *раскр.* и 1 черн. табл. Ц. 6 руб., въ перепл. 7 руб.

Млекопитающія, Е. А. Бихнера. 866 стр., 320 рис., 37 черн. и 4 *раскр.* табл. и 1 карта въ краскахъ. Ц. 7 р. 50 к., въ перепл. 8 р. 50 к.

Требованія и деньги адресовать: СПБ., Прачешный, 6. Контора Редакціи

Брокгаузъ-Ефронъ.

Издательство БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ. СПБ., Прачешный, 6.

Новое большое въ 16 томахъ иллюстрированное изданіе

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРОВЪ

И. М. ГРЕВСА, Ѳ. Ф. ЗѢЛИНСКАГО, Н. И. КАРѢЕВА и М. И. РОСТОВЦЕВА,

посвященное исторіи европейской цивилизаціи въ древности, въ средніе вѣка и въ новое время

ОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Цѣна при подпискѣ на все изданіе ***85 р.****, въ переплетѣ* ***96 р.***

Цѣна томовъ въ отдѣльной продажѣ повышена.

Изданіе это будетъ состоять изъ переводовъ лучшихъ произведеній западно-европейской литературы по исторіи отдѣльныхъ эпохъ, странъ и разныхъ крупныхъ явленій въ исторической жизни.

РУССКОЙ ИСТОРІИ БУДУТЪ ПОСВЯЩЕНЫ ОРИГИНАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Переводить предположено цѣльныя сочиненія или отдѣльныя ихъ части, хотя бы нѣкоторые изъ этихъ трудовъ и существовали уже въ переводѣ. Изданіе будетъ иллюстрированное, со строгимъ и систематическимъ подборомъ рисунковъ и картъ, насколько они будутъ необходимы для лучшаго уясненія текста и наглядности изложенія.

Распредѣленіе матеріала предполагается такое: **четыре тома на древность; шесть томовъ на средніе вѣка съ ренессансомъ; четыре тома на новое время и два тома на русскую исторію.** Въ настоящее время опредѣленъ составъ шести томовъ, который представляется въ слѣдующемъ видѣ:

ОТДѢЛЪ I. Исторія древняго міра.

Редакція проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго и проф. М. И. Ростовцева.

ОТДѢЛЪ II. Исторія образованія германо-романскихъ народовъ; развитіе основныхъ началъ ихъ общественной и духовной культуры (средніе вѣка и возрожденіе).

Редакція проф. И. М. Гревса.

ОТДѢЛЪ III. Исторія новыхъ вѣковъ.

Редакція проф. Н. И. Карѣева.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ., Прачешный пер., № 6.